

В Е Р А
Калачкава

Милая,
дорогая,
единственная!

Без
опыта
замужества

Annotation

Вот оно – женское счастье! Раз в сто лет в маршрутку садится олигарх местного разлива, и на следующий день знакомства Лина получает от него предложение руки и сердца. Всё это – истинные факты из жизни одинокой мамочки Лины Смородиной. Не бывает такого – скажете вы? И будете правы, потому что судьба тут же вмешалась в счастливый бег золотой колесницы сорокалетней Золушки и активно принялась вставлять палки в колеса...

-
- [Вера Колочкова](#)

-

-

Вера Колочкова

Без опыта замужества

© Колочкова В., текст, 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Будильник заворковал ровно в шесть. Тихая пахмутовская мелодия проиграла свои первые позывные – «Светит незнакомая звезда...» – и деликатно притихла, чтобы через пять минут вновь возникнуть и уже без всякой деликатности протарахтеть что есть силы: «Светит незнакомая звезда!» Эй, ты, вставай! Не слышишь, что ли? «Снова мы оторваны от дома!» Время теряешь! Снова между нами города, черт возьми! И взлетные огни аэродрома!

Сбрасывая одеяло и рывком вставая с постели, Лина привычно отметила про себя – каков мерзавец этот будильник! Вернее, тот мерзавец, кто додумался душевные песенные строчки в его нутро впихнуть. Лучше бы уж до марша «Прощание славянки» снизошел. Там, по крайней мере, четкая команда слышна – ать-два, ать-два! И без всякой лирики!

Хотя – какая разница... Никто ж Лину не заставляет в такую рань подниматься. Лишний часок-другой вполне могла бы поспать-понежиться. Имеет право, как и все остальные, которым надо прибыть на службу к положенному времени. Могла бы так же подскочить с постели тютелька в тютельку, посуетиться меж ванной, кухней, зеркалом да платяным шкафом и – бегом на работу. И проскочил бы рабочий день мимо, ничем не обозначившись. Тем только, что заработанная копеечка в личный бюджет малой росинкой капнула.

Грустно, грустно об этом думать! Так и вся жизнь пройдет – в заботе об этой росинке. На бегу, в торопливой суете. Заработать, купить, заплатить, поужинать и спать. А жить когда? Просто постоять у окна и бездумно потарахтеть в небо? Получается, и некогда. А хочется. Вот и пришлось выгадать утренний часок-другой себе в утешение. Как маленький островок посреди суеты. Как личный кусочек жизни. Свободный, сладостный, собственным женским эгоизмом приправленный.

Так. Так... Сначала надо к окну подойти, открыть настежь створку, потянуться. И постоять. И выглянуть вниз, во двор. Тишина, нет никого, лишь июньские пташки щебечут. Машины стоят рядком, как усталые кони в стойлах. Хлопнула дверь подъезда – сосед собаку гулять вывел. Отпустил с поводка, переминается тоскливо с ноги на ногу. Жалеет, видать, что недоспал. А не надо собаку заводить, если жалеешь!

Так. Теперь – к иконе Казанской Божьей Матери взор обратить, что стоит в уголке на полочке. Осенить себя крестным знаменем, прошелестеть одними губами быструю молитву. В конце поклониться да прибавить к молитве свое, нахально-смирненное: «Помоги, Мать Божья, дочке моей Евгении зачет по матанализу спихнуть, не откажи глупой женщине в мелкой суетной просьбе, очень уж надо, Мать Божья, иначе доченьку до сессии не допустят...»

А теперь – можно и музыку! Негромкую, но залихватскую, чтоб веселее было гимнастику делать. И не просто гимнастику «вдох глубокий, руки шире», а вроде танца с гантелями да с элементами матушки-йоги. Прогнуться в поясе – рука с гантелей вверх! Наклониться плавно вперед – гантели назад! И застыть, застыть подольше в позе березки! И шею тянем, от солнца жмуримся, и дышим размеренно, и чуем себя молодой девицей, тонкой и звонкой... Хорошо! Так хорошо, что и просто потанцевать можно. Уже без йоги. Сделать несколько пружинистых балетных па или повосточному резвых движений бедрами, в зависимости от летящей из динамик в эту секунду музыки.

Теперь – водные процедуры. Размеренные, неторопливые. Постоять подольше под душем, подумать о смысле жизни. То есть и не о смысле даже, а вроде как ее, саму жизнь, поймать и рядом с собой под упругие струи поставить. Вот, мол, стоим. Вместе. Омываемся. Огромное удовольствие получаем. Вот горяченькая пошла. А сейчас холодную пустим – для контраста. Очень для сосудов полезно!

Из ванной надо выйти обязательно голышом. С капельками воды на теле. Подождать, когда сами высохнут. Походить по комнате – опять же под музыку, слегка пританцовывая. Потом натянуть шорты и майку – и на кухню. Нет, не чтобы позавтракать. Это рано еще. Завтрак – вообще отдельная песня, это потом. Сначала – к холодильнику. Открыть морозилку, привычно протянуть руку, набрать мерзлых ягод малины и смородины, сыпать в посудинку, сунуть на пять секунд в микроволновку. Достать, размять пальцами и – на лицо. И не просто так, а с приговором – давай, мол, свежая ягодка, работай над моей красотой, не ленись. Корми витаминами, не отдавай в старость!

Смешно, наверное, со стороны вся эта процедура выглядит. Намазалась сорокалетняя дурища ягодным соком и довольна. Еще и приговаривает чего-то. Может, и дурища, конечно, а только результат – вот он! Как говорится, налицо. Вернее, на лице. К законным сорока годам ни единой морщинки не образовалось. Кожа чистая, подтянутая, как у девицы. Нет, и впрямь отличная маска. И не маска даже, а каждодневная привычка-потребность. Незатейливая и, что немаловажно, беззатратная. Всего и делов-то – малины да смородины в сезон запasti.

А может, вовсе и не в маске тут дело. Может, в знаковости. Говорят же, что судьба каждому посылает свои знаки. Для облегчения, стало быть, жизненной дороги. И у нее эти знаки – тоже свои...

Вот для чего, к примеру, ее маме, покойной Анне Васильевне Смородиной, надо было назвать свою дочку именно Мариной? Неужели ей тогда в голову не пришло, что из этого получится? Марина Смородина – какво имечко-сочетание, а? И дураку ясно, что сроду Мариной ей не бывать. С малолетства Малиной прозвали. Это уж потом в Лину переделали, для удобства. Теперь и не помнит никто, что она по паспорту – Марина. А маме, наверное, тогда и недосуг было над сочетаниями задумываться. И советовать не с кем было. Ее даже из роддома, как она потом рассказывала, никто не встретил. Биологический отец-молодец пропал из поля зрения еще на стадии вынашивания беременности, а мать постеснялась за внучкой в роддом прийти. Стыдно ей было, что дочь в подоле принесла, поди ж ты. Времена тогда такие были. Стыдливые. Да и потом – не лучше. Нет, не надо сейчас о грустном...

Теперь – кофе! Варим не торопясь, с чувством, с толком, с расстановкой. С пенкой. С кардамоном. С ложкой сахара. Запах – умопомрачительный. Садимся с ногами на подоконник, наслаждаемся. Утренний воздух свеж и прозрачен, кофе горяч и крепок. На душе – лепота. На лице – ягоды. Вдохнула, выдохнула, поймала счастливую минуту. Хорошо... Самое время жить дальше. Нельзя при себе счастливую минуту долго удерживать! Иначе обидится, не придет больше. Все, все, сползаем с подоконника, идем в ванную смывать с лица ягоды. И непременно – горячей водой! Потому что следующая процедура – ледяная. Кубики льда ждут в морозильнике – аппетитные, травяные, с застывшими внутри звездочками зеленой петрушки. На лицо их, на лицо! Ледяным по горячему – ах, как хорошо! Хотя косметологи говорят, вредно. Ну да и пусть говорят. А ей – хорошо. У каждого своя правда.

А вот теперь, собственно, завтрак! Что-нибудь утреннее, классическое. С хорошими сытными запахами. Яичницу с беконом, например. Можно и

овсянку с фруктами сварганить, но Женька не любит овсянку. Значит, творим яичницу.

Ого... А время-то как летит! Уже и поторапливаться надо. Кусочек личной жизни закончился. Бегом в ванную – волосы уложить феном, чуть подкраситься. Потом влезть в льняной брючный костюмчик, оглядеть себя в зеркале, слегка прогнувшись и привстав на цыпочки...

– Хороша! Хороша, мам! Чудо, как хороша!

Женька сонной растрепой стояла в дверях своей комнаты, глядела на мать с восхищением. Подошла, обняла горячими руками-плеточками.

– Доброе утро, мам...

– Доброе утро, доченька. Как спалось?

– Хорошо...

– Ага! Знаю я твои «хорошо»! Колись давай, когда домой заявилась? Я в первом часу заснула, тебя еще и в помине не было!

– Да ладно тебе... Ну погуляли вчера с Денисом... Не помню я, во сколько домой пришла!

– Ох, Женька... Сессия на носу, а ты в романы ударилась! Бить тебя некому. И мне некогда. Прихожу домой уже никакая. Устаю, с ног валюсь.

– Мам... А может, ну ее, эту твою паршивую подработку? И ладно бы действительно стоящая халтурка была. А то... Ездишь к этой старухе-вампирише, только себя изматываешь!

– Нет, Женюр. Халтурка как раз и стоящая. Мне за нее хорошо платят. Я столько ни на одной работе не заработаю.

– Мам, а давай я тоже пойду работать! Можно в «Макдоналдс», например, устроиться. Вечерами. Я узнавала, там студентов берут.

– Да ладно... Придумала тоже – «Макдоналдс»! Ты бы лучше зачет поскорее спихнула, больше бы пользы было. И еще, дочь... Ты когда меня со своим Денисом наконец познакомишь?

– А зачем тебе?

– Здравсте, зачем! Я тебе мать или кто? Думаешь, мне не интересно, с кем ты ночи напролет гуляешь?

– Да ладно, шучу я. Конечно, познакомлю.

– А он вообще кто?

– В смысле?

– Ну... Он работает, учится?

– Учится. В Академии госслужбы.

– Ух ты! Чиновником будет, значит. А из какой он семьи?

– Не знаю... Из хорошей, наверное.

– Ты его родителей видела?

– Не-а... Зачем мне его родители? Нет, нам кузнец ни к чему. Что я, лошадь, что ли?

– А у вас это все... ну... серьезно? Или как?

– Серьезнее некуда, мам! Любовь у нас, понимаешь? Лю-бовь! Самая настоящая! Со всеми вытекающими из нее последствиями!

– Господи боже мой... Какими последствиями?!

– Ой, да не пугайся ты так... Я у тебя девушка умная, наследственную ошибку женщин Смородиных не повторю. В подоле тебе не принесу, это уж точно.

– Ну смотри...

– Смотрю, смотрю, мам! И ты тоже смотри на работу не опоздай.

– Ой, и правда! Ну все, Женечка, я побежала... Там завтрак на столе, поешь обязательно! Все, пока!

– Пока-пока, мам... А выглядишь и впрямь классно! Сногшибательно просто!

* * *

Захлопнув дверь, она понеслась вниз по лестнице, унося с собою дочерний комплимент. Мелочь, а приятно, черт возьми! Нет, это понятно, конечно, что относительно классности и сногшибательности – явный перебор. Никакая она не классная и тем более с ног никого не сшибает. Обыкновенная женщина из толпы. Росту среднего, масти неброской, северно-блеклой. Волосы русые, сроду некрашенные, стрижка удобным каре. Косметики – чуть. Но и законные сорок ей тоже никто не дает. Как выразилась когда-то Люся, ближайшая подруга и соседка – «слишком уж гнуча да прыгуча для сороковника». Ей и самой иногда казалось, что застряла возрастом где-то в районе двадцати. В юности то есть. Произвела на свет Женьку, там и застряла. Потому, наверное, что не зациклилась на своей участи матери-одиночки, как мама когда-то. Подумаешь, мать-одиночка! Зато у нее теперь Женька есть. Да все, все у нее есть! И дом, и работа, и гнучесть-прыгучесть, и два утренних часа с жизнью в обнимку... И даже своя философия относительно женского одиночества с годами выстроена.

Нет, и в самом деле... Чего его так ругать, это самое одиночество? Ругай не ругай – оно от этого никуда не исчезнет. Наоборот, с ним дружить надо, если уж оно в твоей жизни приключилось. Да, тяжело. Да, холодно. Временами тоскливо. Но не смертельно же. Наоборот, надо ему

улыбнуться, руку протянуть да себе во благо использовать. Как используют, например, скисшее в простоквашу молоко. Если взбить его с мукой да с яйцом да пустить на оладушки – объедение будет. Никто и не вспомнит, из чего они получились.

Ах, одиночество, одиночество, сколько тобою женских судеб загублено! И совершенно несправедливо, между прочим! Не так уж и холодна твоя берлога, как пугливо ее рисуют те, загубленные, со своею тоскою в ней застрявшие. А если – прочь эту тоску? Если поднатаскать в эту берлогу веточек смирения да листьев тихой душевной мудрости, да хвойных иголок мягкого насмешливого оптимизма, да устелить ими дно, да обуютиться, притереться, примоститься, глядишь – а жизнь-то и впрямь удалась... И нет необходимости вверх карабкаться, высовывать голову да взывать с тоскою – где ты, мой сердешный мужчина-спаситель? Приди, протяни руку, вытащи меня из берлоги! Видишь, как я тут бьюсь, все коленки в кровь исцарапала, пытаюсь наружу выбраться...

И она вот так же взывала, было дело. Теперь вспоминать тошно. И забыть – тоже не получается. Не дает себя забыть «спаситель», звонит хоть и редко, но регулярно. Петей спасителя зовут. Петечкой.

Поначалу, когда образовалась их связь, она даже размечталась, что все у них образуется, как в мелодраматическом сериале, где герой, вдоволь настрадавшись от стервы-жены, решается на отчаянный шаг, то бишь уходит к любимой и любящей женщине, с собой даже и зубной щетки не взяв. А что? Сейчас именно такие сериальные сюжеты в моду вошли. Никто психологией всяких там «зимних вишен» не увлекается. Чем проще, тем лучше. Помучился, влюбился, порвал, ушел. И она про Петечку тоже так полагала. А зря. Хотя потом смирилась. Ну и что, пусть женат. Зато он, Петечка, ее любит. Помогает. Поддерживает. Будут какие трудности – руку протянет.

Нет, оно так все и было, конечно же. И помогал, и поддерживал, и руку протягивал. И любил – раз в неделю по субботам, когда мама с Женькой к маминой подруге на дачу уезжали. А потом...

Нет, почему все-таки человек так странно устроен? Можно сделать для него десять добрых дел, а потом взять и в него же маленько плюнуть... Обидно, что запоминается именно плевков, а не предыдущие десять добрых дел! Так, наверное, большинство из нас и устроено. Потому что десять больших и добрых дел не то чтобы совсем обесцениваются, но становятся неким досадным недоразумением, неоплаченным тягостным долгом. Обидно – жуть! От обиды и обидно. Вроде как и помнить надо о десяти добрых делах с благодарностью, а тут – плевков... Так глупо люди, бывает, и

разбегаются: добрые дела творящий – в одну сторону (он-то как раз про свои добрые дела помнит!), а «оплеванный» – в другую. И у каждого – своя правда. Отдельная.

Вот и с ней так же произошло. Вроде и просьба-то, к Петечке обращенная, была по сути так себе – маму из больницы домой привезти. На первый взгляд – ничего особенного. Просьба как просьба. А Петечка прямо взъярился! Прошипел в телефонную трубку – не вмешивай, мол, меня в свои семейные дела... И акцент нехороший такой сделал на слове «семейные». Да не в акценте даже и дело было! Просто нутром почуялось Лине в его тоне что-то для себя очень обидное. Подстрочник какой-то. Одним словом – плевок. Трубку положила, будто утерлась. И вся любовь прошла. И мама потом умерла, недели не прошло, как из больницы выписалась.

Нет, он потом сильно извинялся, конечно. Неприятности, мол, на работе были, и кризис, и начальник злой. Он и сейчас периодически звонками извиняется. А толку? Как говорится, нет Петечки, нет проблемы. Что ни говори, а на дне собственной берлоги лучше. Уютнее как-то, надежнее. И утираться лишний раз не надо.

Нет, чего это она с утра – про Петечку? Не надо, не надо! Вон автобус к остановке подруливает, как всегда, переполненный. Надо сгруппироваться и протолкнуться, времени до начала рабочего дня – в обрез. Новая начальница Елена Эрастовна страсть как не любит опаздывающих.

Поначалу она была никакой не Эрастовной, а просто Леночкой. Как появилась в их многочисленной бухгалтерии – никто толком уже и не помнит. Наверное, родственница чья-то, из тех, из начальственных. Милая улыбчивая блондиночка, любительница цветных колготок, ярких журнальчиков и чего-нибудь сладенького к чаю. Сидела себе тихо в уголку, на избыток рабочих обязанностей не претендовала. Казалось бы – куда ей в начальницы? Как образно говорила экономист Таня Сибирцева – и лапоть не свистел.

Когда их главный бухгалтер, незабвенная Ксения Борисовна, запросилась на пенсию, ни у кого и вопроса не возникло, кто должен занять ее место. Все головы дружно повернулись к ней, к Лине, – вперед, Смородина! Вот и твой час настал. Чего уж греха таить, и она так думала. Но, как говорится, подчиненный предполагает, а начальство располагает. Не зря, не зря Леночка в своем уголку столько времени отсиживалась. Тут же вывели под рученьки на белый свет, представили коллективу – вот она, ваш новый главный бухгалтер. Просим любить и жаловать. Да еще и

отчество у нее под стать оказалось – Эрастовна! Вполне начальственное.

А дальше и вообще у них полный бухгалтерский беспредел пошел. Как-то так получилось, что все высокооплачиваемые заботы-обязанности, которые вполне справедливо несла на себе Ксения Борисовна, незаметным образом перераспределились меж другими сотрудниками. Кроме Леночки, конечно. Простите, Эрастовны. За ней осталось, если все это красиво обозначить, только «общее руководство» коллективом бухгалтерии. Очень, очень общее руководство. Можно сказать, помпезно-символическое. К тому же она еще и весьма болезненной оказалась. Очередной приступ неведомой болезни случался аккурат накануне квартального отчета, тютелька в тютельку. Да это, в принципе, и ничего, они только рады были. Не лезет в напряженную минуту со своим «общим руководством», и на том спасибо.

Опа! Задумалась, чуть свою остановку не проехала! Хорошо, сзади дядька какой-то ее к выходу тараном пропер, иначе бы не успела. Но пуговицу на кармане жакета оторвали-таки. Начинается рабочий день, прости меня господи...

– Привет, Лин! Да не беги, не опаздываем еще!

Цепкие пальцы Тани Сибирцевой ухватили ее за локоток. Возя ладошкой по карману с оторванной пуговицей, Лина прокрутилась вокруг себя, рыская взглядом по асфальту. Может, пуговица вместе с ней из автобуса выскочила?

– Что с тобой, Лин? Потеряла чего?

– Да вот, пуговица... Где я теперь такую найду?

– А, ерунда! Оторви от другого кармана, и все дела! Будто так и было!

– Да? И впрямь... И что бы я без тебя делала, Тань?

– Та пропала бы, як та дивка на сеновале! Смотри, смотри, наша-то Эрастовна... На новой машине прикатила! Да не зырь так нагло, чуть голову вправо поверни... Ишь, картинка! Чистый Голливуд! Песня! «Коламбия Пикчерз» не представляет!

Картинка была действительно та, что надо. Искрящаяся металлическим серебром новенькая иномарка неуклюже втиснулась в ряд машин, припаркованных около входной двери офиса, моргнула поднимающимися тонированными стеклами. Тут же из распахнутой дверцы показалась ножка в туфле-лодочке, потом другая, потом и сама Леночка Эрастовна выпорхнула нежной бабочкой. Элегантная – жуть! Костюмчик, причесочка, строгое выраженьице лица. Сумочка, папка с бумагами под мышкой. Процокала пару шагов по асфальту, нежно повела ручкой назад, и машина радостно пискнула, закрываясь на все замки.

– Слушай... Мне вот интересно – чего она в папке носит? – задумчиво

проговорила Таня на ухо Лине. – Журналы, наверное? «Космополитен», «Караван», «Дом-2»?

– Ну почему сразу – журналы? Может, вообще ничего не носит? – в тон ей так же задумчиво изрекла Лина.

– Думаешь, так, для понтов?

– Да ладно тебе, Тань! Чего мы к девушке привязались? Говорят, завидовать надо молча.

– А и действительно! Ох, не любим мы, старые гримзы, молодых, способных и талантливых! Так и норовим слюной зависти подавиться! Сейчас еще и машину пойдем поцарапаем!

– Тань, уймись!

– А машинка, гляди, ничего себе... Дорогая, наверное. Отчего ж такую дороговизну и не позволить – при большой-то зарплате и можно. Заслужила девка, чего тут скажешь. От каждого – по способностям, каждому – по потребностям. В твои потребности такая машинка не вписывается, а, Смородина?

– Нет. В потребности не вписывается. Только в способности.

– Ну... Способности – это дело десятое. Способности нынче за руль приличной машины нестроишь. Вот если б ты была племянницей шефа, то одно бы другому не помешало. А так... Приходится лишь со способностями жить, а потребности куда подальше засунуть. В общем и целом все закономерно.

– А она что, и правда его племянница?

– Ну да... А ты не знала?

– Не-а...

– Правильно, где тебе! Ты ж от бумаг головы поднять не можешь, и посплетничать толком некогда.

– Тань, пойдем быстрее! Сейчас она поднимется в офис, а потом скажет, что мы опоздали!

– Пойдем...

День взорвался проблемами сразу, как только Лина успела плюхнуться в кресло и включить компьютер.

– Лина, вы где?! – ахнула в телефонную трубку секретарша Даша. – Все уже собрались, вас ждут!

– Где ждут? – оторопела от ее напора Лина.

– Как – где? На совещании! С докладом по готовности к отчету за первое полугодие!

– Но... Так... Елена же Эрастовна...

– А она сама вчера вас на совещание и записала! Вы что, не в курсе?

– Нет...

– Ладно, чего уж теперь... Хватайте бумаги и бегите скорее! Иначе попадет и вам, и мне!

Подпрыгнув в кресле, Лина суетливо захлопотала ладонями по лежащим на столе бумагам, как курица крыльями. Господи боже мой, Леночка! Несчастливая ты Эрастовна! Понятно, что вусмерть боишься на совещании некомпетентностью припозориться, но предупредить-то могла?

Пробегая мимо стеклянной стены Леночкиного кабинета, она с трудом подавила желание стукнуть по ней кулаком. Разбить, чтоб со звоном разлетелось! Хотя сама Леночка, судя по всему, ее негативных поползновений даже и не заметила. Чаепитием была занята. Красиво держала в ручке с оттопыренным мизинчиком шоколадную конфетку, задумчиво смотрела в окно. Красота, Голливуд отдыхает. И Коламбия Пикчерз тоже.

– Смородина! Вам что, особое приглашение надо?

Олег Петрович, исполнительный директор, так раздраженно блеснул в сторону Лины очками, что явно услышался в этом раздражении перебор. Все правильно – так удобнее свою неловкость скрывать. За племянницу неловкость, которая при такой охренительной зарплате чаек попивает. А ей, бедной Лине Смородиной, сейчас наподдадут и в хвост и в гриву...

Хотя ничего, вроде обошлось. Сумела таки выплыть, в цифрах сориентироваться. Отчиталась без подготовки, соображая на ходу, как Штирлиц перед Шелленбергом.

– Лин... Тут на тебя Елена Эрастовна ругалась, справку какую-то искала... – шепотом доложила ей сидящая напротив Катя Стогова, когда она вернулась с совещания, – даже в столе рылась...

– Ах да! Я помню, помню. Сейчас сделаю.

– А еще она сказала, что у тебя в документах полный бардак.

– Ну оно понятно... Конечно, бардак. Как в том анекдоте. Я хоть и не читал, но осуждаю.

– Ага! Ага!

Катя, заметно приободрившись, собралась было продолжить насмешливый диалог, очень уж ей не терпелось пройти по Леночке, бывшей своей приятельнице, сделавшей головокружительную и такую «обидно-несправедливую» карьеру, но Лине пришлось невежливо махнуть в ее сторону рукой – отстань, мол. Не до разговоров сейчас. Справку для налоговой службы действительно надо бы сделать поскорее. Пока опять не отвлекли...

– Лин, обедать пойдешь?

Вздрыгнув, Лина с трудом отцепила глаза от экрана компьютера, подняла их на стоящую над столом Таню Сибирцеву.

– А что, уже обед?

– Да, обед, Золушка ты моя несчастная! Так пойдешь?

– Не, Тань... Мне справку закончить надо, и я еще в магазин должна успеть сбегать, продукты купить.

– Для старухи своей?

– Да, для Станиславы Васильевны.

– А что, вечером нельзя?

– Не... Пока я доберусь до нее, пока в супермаркете прошарахаюсь...

Вечером там народу больше, ты же знаешь.

– Тогда я тебе принесу чего-нибудь пожевать! Хочешь?

– Хочу. Спасибо, Тань.

– Да ладно... Загнешься ты со своим выживанием, Смородина! С голодухи помрешь.

– Не помру! Я стожильная. Гнучая и прыгучая.

– Давай, давай, прыгай...

Снова уставившись в монитор, Лина моргнула досадливо – ну вот, с мысли сбила! Ладно, черт с ней, со справкой. Там работы осталось – на десять минут. Правда, могут из налоговой позвонить... Но ничего, она с ними договорится! А вот если с обеда чуть опоздает, это уже хуже будет. С Леночкой Эрастовной договориться гораздо сложнее. Внесет в список опоздавших, и прости-прощай премия.

На улице была благодать. Свеженькое, только что народившееся лето. Эх, погулять бы сейчас, на скамеечке посидеть в скверике... Или в уличном кафе с Танькой, за чашкой чая, лениво посплетничать, поглазеть на прохожих. Жаль, нет у нее времени на маленькие удовольствия. Даже и мысли об удовольствиях отбросить надо, потому что покупка продуктов для Станиславы Васильевны – процесс особенный, требующий крайней сосредоточенности.

Нет, можно подумать, старушка всю жизнь только и делала, что занималась покупкой отборных продуктов! Где они, отборные, были в ее молодые годы? Сама ж рассказывала, как в очередях за ливерной колбасой да ржавой селедкой стояла. Зато теперь! Откроет упакованную пачку с творогом и нюхает ее полчаса. Потом скривит и без того сморщенное лицо и заявляет – пахнет. Чем и как может пахнуть свежайший творог? Творогом и пахнет. Про мясо уж и говорить нечего. Вон, к примеру, лежит на прилавке розовая телятина. С какого боку ни посмотри – не придерешься.

Купишь ей эту телятину, а она скажет – фу, импортная. Лекарством пахнет. Нет, оно понятно, конечно, что старушка вредничает, себя как барыню пытается обозначить, но не до такой же степени! И что за мода нынче пошла – изо всех сил культивировать в себе барские замашки?

Старушку эту ей сосватала бывшая приятельница Тамара. Бывшая, потому что сама ненароком в «барыни» пробралась, удачно пристроившись в тещи к преуспевающему бизнесмену. Тут же от их приятельства остались лишь рожки да ножки. Нет, поначалу Тамара звонила Лине, конечно. А потом все как-то изменилось. Чем дальше, тем больше стали проскальзывать в ее голосе нарастающие нотки снисходительности. Вроде того – тебе моей теперешней жизни не понять. Трудна, трудна теперь моя жизнь, и не представляешь даже, как это тяжело – то за новой шубой в Милан мотаться, то в салоне на процедурах по три часа торчать...Такая, мол, усталость после всего этого наступает, с места сдвинуться невозможно! Лина слушала, усмехалась понимающе. Очень уж хотелось Тамаре ее благоговения. Вот интересно, что им там, без чужого благоговения труднее живется, что ли? Или это дополнительный атрибут к шубе и салону, как аксессуар к платью?

А однажды Тамара позвонила и с места в карьер огорошила – я тебе крутую халтуру нашла, радуйся! К старушке одной вроде как в компаньонки. Стирать-убирать не надо, это все приходящая домработница делает. А со старушкой просто общаться надо. Приехать вечером, продуктов привезти, под ее чутким руководством ужин приготовить, потом вместе его съесть. Вроде как две приятельницы встретились, побеседовали, приятный вечерок провели. Вроде как игра такая. Дочка у старушки, видишь ли, заботливая очень и готова щедро оплатить все общительные мамини удовольствия. Сама дочка не может – ей давно уже эти удовольствия поперек горла стоят. Подумав, Лина согласилась. Очень уж деньги были нужны. В Женькином институте аккуратно плату за учебу повысили.

Поначалу все действительно шло как по маслу. Дина, та самая дочка, оказалась дамой хоть и нервной, но вполне ничего себе. В общении дальше пуговиц, естественно, не пускала, но относительно своего детства хорошо пооткровенничала. Судя по рассказам, проведено было детство в тяжелых условиях материнской всепоглощающей любви, а юность – в сплошной героической борьбе против этого самого разрушающего психику поглощения. Что ж, бывает. Стало быть, отголоски той борьбы Лине Смородиной и придется принимать на себя в ежевечерних разговорах с Дининой матушкой. У каждого своя жизнь и свои причуды. Если

старушка готова довольствоваться суррогатом нынешней дочерней любви и заботы, отчего ж нет?

В общем, приступила она к странной «халтуре» поначалу даже с энтузиазмом. Каждый вечер после работы, купив продуктов, мчалась к Станиславе Васильевне. Та ее поджидала, встречала с радостью. Вместе ужин готовили, беседы беседовали. Вернее, беседовала в основном старушка, болтливой оказалась до невозможности! И не просто болтливой, а с претензиями, как это часто бывает у старых людей, на свою исключительную человеческую мудрость, составленную из долгих семидесяти прожитых лет. Хотя и не стояло за той болтливостью никакой особенной мудрости. Обида была, а мудрости – нет. Великая была обида, на всех и на вся. На мужа, который бросил, на детей, которые материнскую самоотдачу не оценили, на жизнь, которая взяла и подло прошла, подсунув под конец вместо детей и внуков лишь ее, Лину, смиренно исполняющую оплаченное общение. Слушая ее, Лина лишь тихо вздыхала про себя – хороша ж ты была, матушка, со своей самохваленой мудростью, если даже внуки тебя теперь за версту обходят!

Тем не менее старушка к ней привязалась. А привязавшись, капризничать начала, губки недовольным бантиком жать. Иногда и спесивый упрек себе позволяла. Вроде того – плохо отработываешь дочкины деньги, которые она тебе за меня платит. Матушкина спесивость перекинулась и на Дину, как инфлюэнция, стала Дина поглядывать на Лину с подозрением. Хотя и платила деньги честно, по уговору, но в одночасье отчета потребовала, сколько она из этих денег на продукты тратит. То есть не подворовывает ли. Ужас, как было неприятно! Первая мысль была – психануть, отказаться, разорвать все договоренности, но потом вторая пришла мысль, более здравая. Никаких психозов они от нее не дождутся. Дали работу – она ее выполняет, честно и добросовестно. Проверить решили – ваше дело, все чеки на купленные продукты собрать можно. Последнее дело – из-за чужих проблем психовать!

Кстати, о чеках. Не забыть бы. Сегодня аккуратно Дина встречу назначила – должна за ней на работу заехать да отвезти к маме. А по дороге полный отчет получить. Потом зарплату на следующий месяц выдать. Зарплата – это хорошо, это очень даже вовремя. За Женькину учебу надо очередную плату вносить, да и гардероб девчонке обновить не помешало бы. Лето пришло, а ей надеть нечего. Тем более кавалер у нее завелся какой-то особенный. Видно же, что влюблена по уши. Так что пусть гордая Дина по-всякому смотрит, хоть прямо, хоть кособоко, ей все равно. Сама-то Дина небось к маме в квартиру и не поднимется даже. Высадит Лину у

подъезда, и все. У нее после Станиславы Васильевны, как она говорит, неделю вся кожа чешется.

...О, а на кассе уже и очередь образовалась, как же это она проворонила? Не надо было столько времени телятину разнюхивать, бросить в корзину, не глядя. В любом случае старушка придирками изойдет. Пора бы уж привыкнуть и внимания не обращать. Черт, как очередь медленно продвигается...

С перерыва Лина таки опоздала, аж на четыре минуты. В дверях бухгалтерии монументом стояла Леночка Эрастовна, выставив вперед ножку и заложив руки за спину.

– Что это такое, Лина Васильевна? Вы хотите, чтобы я вас оштрафовала?

– Разрешите пройти, пакеты тяжелые...

– Ах, вы еще и хамите?

– Да упаси бог, Елена Эрастовна. Какое же в тяжелых пакетах хамство? Хотя, может, вы и правы. Действительно хамство.

– Что... вы имеете в виду?

– Да ничего. Тяжело, говорю! Все руки оттянула.

– Ну знаете!

Вздернув лисий подбородок вверх, Леночка, провожаемая насмешливыми взглядами сотрудниц, процокала каблуками в свой начальственный закуток. Катя Стогова, высунувшись из-за монитора, прошептала сочувственно:

– Ну все, Лин... Сейчас тебя в черный список внесет. Чего ты опоздала-то?

– Да в кассу очередь была...

– Ну так и сказала бы ей!

– А толку? – отмахнулась Лина. – Ей же не объяснения мои нужны, ей надо общее руководство осуществлять. Стращать, пальцем грозить, работу работать. Вот пусть и старается.

– Ты так говоришь, будто тебе по фигу. Будто и не обидно даже.

– Отчего мне должно быть обидно, Катя?

– Ну... Что ее вместо тебя назначили. Я бы так не смогла, например. Я бы сразу уволилась. А ты... Вместо нее на совещания бегаешь...

– Нет. Мне не обидно. Я умею принимать все как есть. Да и вообще... Обида – чувство вредное и для организма неудобоваримое. Я лучше другими делами займусь. Вот справку, например, закончить надо.

– И все равно – я бы так не смогла! Хотя бы из гордости воевать стала.

– С кем? С ветряными мельницами? А чего с ними воевать? Пусть себе

крутятся, мне какое дело. Я сама по себе, и гордость моя при мне. А мельницы сами по себе.

– Странная ты, Лин...

– Стра-а-нная женщина, стра-а-анная... – фальцетом пропела Лина. – Помнишь такую песню? Ее моя мама очень любила. Мы все, Смородины, очень странные женщины. Тем и гордимся. Давай работать, Кать...

Нахмутив бровки, Катя хмыкнула. Осудила ее, наверное. За отсутствие чувства униженного достоинства. Молодая еще потому что. Не понимает еще, что достоинство унижить нельзя. Если оно есть и чувствует себя хорошо и свободно. Вот если оно больное и хлипкое, тогда конечно. Тогда можно и унижить.

А настроение Леночка Эрастовна таки Лине подпортила, ничего не попишешь. Выхватила кусок из утренней подзарядки. Причем кусок порядочный. Как бы батарейка до конца дня не села, впереди еще Дина со Станиславой Васильевной...

* * *

– Здравствуйте, Лина, здравствуйте... А Диночка где?

Станислава Васильевна нетерпеливым жестом отодвинула Лину от двери, выглянула в подъезд, отобразив на лице недовольство пополам с радостным возбуждением. Она вообще была в этом отношении мастерицей – умела изображать лицом все, что угодно.

– Где же она, не поняла? Я же совершенно отчетливо видела в окно, что ее машина подъехала!

– Она... Она не смогла к вам зайти, Станислава Васильевна. У нее дел много...

– Понятно. Да, мне все понятно, что ж.

Поджав губы и нервно дрогнув обвисшими брыльками, старушка надменно прошествовала в кухню, встала у окна, уперев в подоконник сухие пальцы. «Сегодня, значит, на Дину весь вечер будет жаловаться. Про материнскую самоотдачу и дочернюю неблагодарность рассуждать будем», – глядя в ее сухую, с наметившимся загорбком спину, подумала Лина, поставив пакеты на стол.

– А я телятины свежей купила, Станислава Васильевна! Котлеточки сделаем?

– Не хочу... Что мне ваши котлеточки? Дочернюю любовь ими не заменишь.

– Но у нее и правда времени было в обрез, Станислава Васильевна! В другой раз она обязательно к вам зайдет!

– Когда – в другой раз? – дернув плечом, капризно проговорила старушка. – Что это вы меня утешать взялись? Не нуждаюсь я ни в каком утешении! И вообще, что вы в этом понимаете, Лина? Вы женщина простая, вам моих чувств не понять. Когда отдаешь детям всю себя, без остатка, посвящаешь им жизнь, а в старости получаешь одну черную неблагодарность... Нет, вы меня не поймете! И не говорите лучше ничего! Помолчите лучше!

Ладно. Помолчим. Вот продукты разберем пока. Знаем, что дальше будет. Сейчас ты, милая старушка, постоишь немного у окна, распихаешь сладкую обиду по пунктам и параграфам, а потом из тебя польется, как из худого ведра, успевай только сочувственные междометия вставлять... Знаем, проходили. Уже сто раз ты про свои материнские подвиги рассказывала. Послушаем и в сто первый. Отработаем Динину зарплату.

– Знаете, мой муж, он... Он был очень жестокий человек. Когда я Диной забеременела, он запретил мне рожать. Николеньке, нашему сыну, тогда пять лет было. Муж сказал – хватит... Но я все равно ее родила! Я знала, что муж в конце концов меня бросит, и все равно родила! Я знала, что это мой долг – отдать всю себя детям. Вы понимаете?

– Да, Станислава Васильевна. Понимаю.

– Нет, вы не понимаете! Вы как раз таки ничего не понимаете, Лина!

Отвернувшись от окна, она окатила Лину таким яростным взглядом, что пришлось поневоле втянуть голову в плечи и с тоскою посмотреть на аппетитно расположившиеся на столе продукты. Похоже, мирный совместный ужин на сегодня отменяется. Придется довольствоваться съеденными после обеда пирожками, которые притащила из кафе сердобольная Танька.

– Когда она родилась, я практически на себе крест поставила. Да, представьте, меня как личности больше не существовало! Была одна только полная самоотдача – все, все для детей. Я принадлежала им полностью, я была в курсе всех событий их маленькой жизни. Они и шагу не могли ступить без меня. Да если б можно было, я бы и за партой с ними в школе сидела... Жили как единый организм, как единое целое. Николенька, Дина и я... Никаких тайн меж нами, полное всепоглощающее доверие к матери, к ее любви. А потом... Я до сих пор не понимаю, как это произошло, но вдруг они начали отдаляться. Такие дикие ссоры были, непонимание, эгоизм. Дина оказалась страшной, просто страшной эгоисткой! До сих пор не понимаю – откуда в ней это?

Выдохшись, Станислава Васильевна тяжело опустилась на стул, помолчала, потом ткнула рукой в пакет с овощами, отодвинула его от себя брезгливо.

– Что это, Лина?

– Это помидоры, огурцы парниковые. Вон там еще редиска есть. Я думала, мы салатик сделаем. Вы давеча просили овощей для салатика купить, помните?

– Да? Не помню... Уберите, уберите все это немедленно. У меня аппетит пропал. А впрочем – делайте что хотите. Мне все равно. Лучше бы я от голода умерла, чем так... Или она думает, что я вместо дочерней любви буду довольствоваться овощами?

– Хорошо. Я уберу.

– Какая же вы все-таки равнодушная женщина, Лина... Вы же сами – мать! Неужели вы меня не понимаете?

– Понимаю, Станислава Васильевна.

– Нет, не понимаете. Никто не может понять... Это так страшно, когда материнская любовь становится не востребованной, ненужной. Так страшно, когда в тебе ничего нет, кроме самоотдачи, а детям она не нужна...

Прерывисто вздохнув, Станислава Васильевна закатила глаза к потолку, готовясь вроде как всплакнуть. Только не заплачет – Лина это точно знала. Можно и не суетиться. Потому что теперь у леди по программе примеры из жизни должны пойти. Про полную самоотдачу.

– Помню, я как-то с высокой температурой слегла, и Дине пришлось самостоятельно уроки делать. Таки что вы думаете? Я просыпаюсь ночью, будто от удушья, кое-как поднимаюсь с постели и плетусь проверять ее тетради... Долг материнский сработал, понимаете? Чуть в обморок не падаю, но иду! Я всегда все у нее проверяла – и тетради, и дневники, и личные записочки всякие. Однажды она умудрилась в матрац свой личный дневничок зашить – так я нашла! С него-то все и началось...

Так. Теперь можно немного расслабиться – эту историю Лина уже знала. Про дневник – это надолго. Не забыть бы только выражение заинтересованности и внимания на лице сохранить, а так... Можно и своим мыслям отдаться. Интересно, Женька уже дома или нет? Опять, наверное, с Денисом в загул ушла. Надо, надо этого Дениса как-то в дом затащить, посмотреть, что за парень. Может, в выходной? Обед хороший приготовить...

– ...И она мне вдруг заявляет, что у нее должна быть своя неприкосновенная личная жизнь! Это от кого – неприкосновенная? От

матери, что ли? – продолжала бушевать большими воспоминаниями Станислава Васильевна.

Сдвинув брови и сочувственно покачав головой, Лина вдруг ясно вспомнила свой первый разговор с Диной, тот самый, в котором женщина, пытаясь рассказать о странностях своих взаимоотношений с матерью, вдруг разоткровенничалась:

– ...Нет, вы не думайте, что я мать совсем не люблю. Люблю, конечно. Но... часто видеть ее не могу. Потому и вас на такую немного странную работу нанимаю. Вы чужой человек, вам легче. Пришли, выслушали, ушли. А я проведу с ней пятнадцать минут, и все внутри звенеть начинает. Не могу! С детства – не могу. Знаете, это на болото похоже. Оно тебя поглощает, а ты барахтаешься, барахтаешься изо всех сил... Только расслабишься, а оно опять – чмок! – и норовит тебя внутрь втянуть. Как сказал один мой знакомый – если хочешь сделать свою маму счастливой, стань идиоткой. Она поместит тебя в психушку, окружит заботой и будет кормить манной кашей, собирая ее с подбородка и запихивая ложкой в рот...

– ...Неужели она думает, я ей зла хочу? Разве материнская любовь – это зло? – вывел Лину из задумчивости старухин раздраженный голосок. – Вот скажите, это зло, по-вашему?

– Нет. Не зло.

– Ну вот! А она этого никогда понять не сможет! Жестокая, бессердечная эгоистка! До сих пор не понимаю, что я упустила в ее воспитании, как так получилось...

Да уж, дорогая Станислава Васильевна. Ты не знаешь, а я знаю. Был, был однажды благодатный момент, который ты при всей своей бдительности проворонила. Мне Дина сама про этот момент рассказывала...

– ...А однажды мы пошли с мамой в магазин – сережки мне купить на пятинадцатилетие. Стоим у прилавка, продавщица нам товар показывает, мама берет разные серьги, к моим ушам прикладывает. Выбирает, прикидывает, сосредоточилась вся. Потом как-то отвлеклась на разговор с продавщицей, и вдруг я слышу над ухом – девочка, очнись, ты что делаешь? Я поворачиваю голову – мужик стоит. С виду простенький, обыкновенный, но глаза умные. Долго он на меня смотрел, будто гипнотизировал. Потом опять говорит – очнись! Попробуй сейчас в зеркало смотреть, а не на маму! Жизнь – твоя, сережки носить – тебе. Если сейчас первый шаг не сделаешь, потом поздно будет. Меня тогда будто перевернуло всю! Взяла я первые попавшиеся сережки и к зеркалу

подошла. Сама. Мама что-то говорит за моей спиной, а я уже будто не слышу. Интересно, что это за мужик такой был? Увидела бы сейчас – в ножки бы поклонилась...

– ...Она просто ужасно, ужасно себя повела! Хамить начала, своевольничать, все делала наперекор мне! И на Николеньку тоже нехорошо повлияла. Когда женился, даже мне не сказал... – продолжала меж тем свой грустный монолог Станислава Васильевна. – Представляете, я даже детей Николеньки, своих внуков, никогда не видела! Они в Бостоне живут, ни разу меня к себе в гости не позвали! И Дина тоже к себе в дом не пускает. У меня зять, между прочим, богатый человек, у него дом огромный. Что, мне бы там не нашлось места? Рядом с собственной дочерью? Нет, не нужна мать стала. Никому не нужна! Всю себя отдала, а теперь – не нужна! Пусть подышает с голоду!

– Ну зря вы так, Станислава Васильевна... Какой голод? У вас же все абсолютно есть, и квартира такая хорошая...

Черт, черт дернул за язык, зачем выскочила со своим комментарием? Зачем против правил пошла – не высовываться? Сидела же тихо, рожицы внимательные и сочувственные строила, работу свою исполняла. И вдруг – такой прокол. Устала, наверное. Да и голод – не тетка. Надо бы как-то сегодня пораньше закруглиться, взять инициативу в свои руки. Может, в бедную завистливую овечку поиграть, потешить старушку благоговением? Иногда это хорошо срабатывает.

– Нет, и впрямь, такая уж замечательная у вас квартира, Станислава Васильевна... – опередив дальнейший старухин монолог, быстро проговорила Лина. – Мечта, а не квартира! Мне такая и во сне не снилась, и мечтать не смею... Если б не вы, я бы даже и не знала, как люди по-настоящему живут!

Старуха, остановившись на гневливом полувдохе, свела к переносью тонкие бровки, глянула озадаченно, будто пробуя на вкус предложенное благоговение. И вдруг улыбнулась и сразу обмякла вся, плеснула из глаз сытым самодовольством.

– Да что вы говорите, Линочка? В самом деле? – расслабленно откинулась она на спинку стула. – А я вот даже и не замечаю, привыкла уже к комфорту... А вообще – да, вы правы. Живешь вот так и не знаешь, что твоя жизнь является для кого-то недостижимой мечтой... А может, чаю попьем, Линочка?

– Да нет, спасибо, – кротко проворковала Лина, – поздно уже. Я пойду, наверное.

– Пойдите... А как же котлетки? Мы же хотели сегодня котлетки

сделать!

– А давайте завтра! И чай, и котлетки – завтра. Что-то на меня усталость такая сегодня навалилась, просто сил нет.

– Ну хорошо... – согласилась утомленная старушка. – Идите, что ж. Я тоже немного устала. Пойду прилягу, пожалуй. Провожать не буду, дверь сами закроете.

Ура, свобода! Скорее, скорее на воздух, на улицу! Даже и лифта можно не ждать. Уфф...

Выйдя из подъезда, Лина остановилась, вдыхая аромат июньского вечера. Голова кружилась, слегка подташнивало. Старухин негатив, которого Лина вдоволь нахлебалась, откровенно просился наружу, и пришлось произвести отчаянное судорожно глотательное движение, вдохнуть новую порцию свежего воздуха. Ничего, через пять минут пройдет. Сейчас надо сесть в маршрутку, проехать сорок минут до дома и – скорее спать. Трудный, трудный денек выдался. Особенно Станиславу сегодня несло, так и брызгала кипящим оловом раздражения. Зато порядочную порцию из себя выбросила, стало быть, завтра уже спокойнее дело пойдет. Завтра и чаю попьют, и котлеток нажарят. Завтра бабка о болезненном, о материнском уже точно не вспомнит. Перегорела.

Вот и маршрутка быстро подрулила, приглашающе распахнула автоматическую дверь. И местечко свободное выискалось, аккуратно у окна. Можно на целых сорок минут расслабиться, бездумно в окно посмотреть. Можно и книжку почитать, конечно, лежит где-то в сумочке легкий дамский романчик, да только голодный желудок наверняка этого удовольствия не позволит. Не лезет в голову беззаботная беллетристика, не усваивается, когда в животе урчит.

Вечерний город плыл за окном летучей картинкой, перемежаясь редкими остановками. Водитель попался довольно лихой, ловко вплывал в зеленую светофорную полосу, благо пробки к позднему вечернему часу уже рассосались. Если б не голодный желудок, даже и удовольствие можно получить от такой езды. Эх, птица-тройка, черт возьми, как же есть хочется! Где-то в сумке шоколадка завалилась, погрызть, что ли?

Склонив голову, Лина заглянула в недра своей сумки, больше похожей на хозяйственную кошелку, чем на приятный дамский аксессуар. И тут же чуть не тюкнулась лбом в спинку переднего сиденья – маршрутка, взвизгнув, резко остановилась.

– Э! Полегче! Не дрова везешь! – недовольно проворчал сзади крепкий прокуренный мужской голос.

– Видишь, человек стоит, голосует, всем ехать надо... – негромко

пробурчал водитель, открывая дверь, – ты сел и едешь, и другим ехать дай...

В салон, согнувшись в три погибели, неловко вошел высокий мужчина, огляделся растерянно. Даже, можно сказать, слишком растерянно. Шагнув вперед, плюхнулся на сиденье рядом с Линой, спросил тихо:

– Я до Пушкинской доберусь, как вы думаете?

– Да, конечно, через пять остановок будет Пушкинская, – вежливо кивнула Лина, снова предприняв попытку разыскать в сумке несчастную шоколадку.

– Хорошо... – отчего-то тяжело вздохнул мужчина, неловко повозившись на сиденье.

Мужчина этот вообще был какой-то странный. Нет, внешне с ним все было в порядке, конечно. Даже слишком в порядке. Неброский, но очень дорогой костюм, присутствие явной ухоженности на лице, несколько салонной даже. И – запах! Умопомрачительный запах дорогого одеколona, показавшийся нагло чужеродным в замызганном салоне маршрутки. Запах моментально окутал все пространство, и до водителя, наверное, доплыл, судя по его раздраженному оклику:

– Вновь вошедших прошу заплатить за проезд!

– А сколько стоит проезд? – снова наклонился мужчина к уху Лины.

– Двадцать рублей.

– Ага. Двадцать рублей. А что со мной будет, если у меня нет на данный момент двадцати рублей?

– Прошу вновь вошедших передать за проезд! – уже более раздраженно проскрипел водитель. – Что за дела, в самом деле? Мужик, ты платить будешь? Или плати, или выходи!

– Вы меня извините, дорогой, но так получилось, что у меня денег с собой нет... – вытянув шею, громко проговорил в напряженную спину водителя странный «вновь вошедший». – Так уж получилось, извините.

– Ни фиги себе! – хрипло заржал сзади молодой голос. – На фирменный костюмчик да на бабские духи, стало быть, есть деньги, а за проезд заплатить – нету?

– Понимаете, у меня сейчас машину угнали... – чуть повернул назад голову мужчина и улыбнулся так, будто сообщил о чем-то очень забавном, – а там все было, и деньги, и телефон. Заскочил к приятелю, машину у подъезда оставил, а приятеля дома не оказалось. Вышел – и машины нет. Гол как сокол. Просил у прохожих телефон позвонить – не дали. Не пешком же мне идти, а? Что делать-то было?

– Так голоснул бы, до дома доехал да рассчитался! – злобно присоветовал уже другой голос, старческий.

– Так я и голоснул... Вы и остановились... Я и сам не знаю, зачем я к вам сел. От огорчения, наверное. Вы правы, надо было такси дождаться.

– Ну ты! Платить за проезд будешь или нет? Или плати, или проваливай! Я сейчас машину остановлю! – грозно предупредил водитель, и впрямь сбрасывая скорость и норовя подъехать к тротуарной бровке.

– Что ж делать, придется проваливать... – вздохнул странный пассажир, снова весело улыбнувшись, – чего ж вы такие злые-то, люди? Добрее друг к другу надо быть. Добрее.

– А ты в другой раз держи в дорогом пиджаке пару червонцев, мужик! – снова весело заржал молодой голос. – Мы здесь люди простые, мы машин не имеем, зато два червонца на маршрутку заработали! А ты давай, пешком потопай, тебе полезно будет!

– Да уж... Наши люди в булочную на такси не ездят... – насмешливо, но вроде как и совсем не обидно проговорил пассажир, поднимаясь с места. – Счастливого вам пути, граждане...

– Пойдите! Пойдите, мужчина! Сядьте, я за вас заплачу!

Черт его знает, почему Лине такая простая мысль сразу не пришла в голову! Подумаешь, двадцать рублей, делов-то. Наверное, запах дорогого одеколona ее обворожил. Быстро вытянув из удачно подвернувшегося под руку кошелька две десятки, она протянула их впереди сидящим пассажирам:

– Передайте за проезд, пожалуйста!

– Эх, повезло тебе, мужик! – никак не мог успокоиться обладатель наглого молодого голоса. – Ишь, на благородную дамочку нарвался! А то бы прошелся пару километров вприсядочку да в дорогих ботиночках, а?

Водитель, раздраженно цапнув свои законные десятирублевки, живенько отрулил от тротуара, ворча что-то себе под нос. Наверное, тоже про присядочку и про дорогие ботиночки.

Снова склонившись к Лениному уху, странный пассажир произнес уже без прежней насмешливости:

– Ну что вы... Не стоило, наверное. Я бы вышел, такси поймал. Теперь даже и неловко как-то. Ни разу в жизни за меня женщина не платила, альфонсом себя чувствую.

– Да бросьте! – легко отмахнулась от него Лина. – Мелочи какие!

– Ну, это как посмотреть... Вам, может, и мелочи. А вдруг для меня это принципиально?

– Чего – принципиально? Двадцать рублей? Не смешите. Скажите мне

«спасибо», и хватит.

– Ах да... Спасибо, конечно. Только «спасибом» принципы не накормишь. А вдруг они меня грызть начнут, а? Ущемленные-то принципы?

Лина подняла на него глаза – а ведь мужчина не шутил. Абсолютно серьезные были у него глаза. Умные. Жестковатые. Немного самонадеянные. И лицо – как из журнальной картинки. Или из телевизора. Явно не молодое, но очень по-мужицки ухоженное. Седина на висках, жесткие складки щек, волевой квадратный подбородок. И – запах...

– Давайте мы с вами так поступим... Напишите-ка мне ваш телефон на бумажке. У вас найдется ручка с бумажкой? Вам завтра позвонят, и вы скажете, куда долг принести.

– Да ну... Не надо. Зачем?

– Так найдется ручка с бумажкой? Или мне у пассажиров попросить?

– Найдется, найдется... – вздохнув, снова закопошилась в своей сумке Лина, – найдется, если вы так настаиваете.

В кармашке сумки нашелся клочок какой-то квитанции, в косметичке – старый карандаш. Нацарапав на клочке свой мобильный номер, она протянула его мужчине, пожав плечами. Надо же, странный какой. Наверняка тут же посеет его где-нибудь. Вон как небрежно сунул клочок во внутренний карман пиджака.

– Следующая остановка – Пушкинская. Подъезжаем уже. Вам же на Пушкинскую надо было? – вежливо улыбнувшись, спросила Лина.

– Да. Спасибо. Счастья вам, добрая женщина.

Встав с места, мужчина улыбнулся, неловко заторопился к уже открывшейся двери. Выходя, замешкался на неудобных ступенях, слегка ударившись лбом о притолоку. Нет, совсем не умеет в маршрутках ездить, бедолага. Все-таки интересно, кто он? Высокий чиновник? Депутат? Бизнесмен? Владелец домов и заводов, газет, пароходов?

Задумавшись, Лина чуть не проехала свою остановку. Торопливо выстукивая каблуками, прошла вдоль темных домов, юркнула в родной подъезд. Дома, слава богу. Женька уже спит, наверное. По крайней мере, в окнах было темно, когда мимо проходила. Или опять ее дома нет?

В прихожей горел свет. На полу, притулившись друг к другу, стояли Женькины босоножки, а рядом... И помыслить страшно, что она увидела рядом с ними! Мужские ботинки! Или как там их еще называют? Туфли, мокасины?! Боже, да какая разница, как их там называют! Главное – стоят, сволочи...

Осторожно обойдя их стороной, Лина на цыпочках прокралась на

кухню. Нет, почему на цыпочках-то? Как в чужом доме. Что вообще происходит, в самом деле?

– Мам... Ты чего так рано?

В дверях кухни стояла Женька, щурилась от яркого света. Всклопоченная, в кое-как запахнутом халатике.

– Жень! Ты не одна, что ли?

Какой голос получился испуганный. Тоже, строгая мамаша нашлась.

Переступив босыми ногами, Женька пожалала плечами, глянула на мать немного смущенно, немного насмешливо.

– Ой, да ладно тебе, мам. Я уже большая девочка. И чего ты так рано-то?

– Почему – рано? Половина двенадцатого, между прочим.

– Да-а-а?.. Это что, мы проспали, что ли?

– Выходит, проспали. Давай веди сюда своего проспавшего, чай пить будем. Я голодная, как черт.

– Ага, сейчас...

Тихонько хохотнув, дочь развернулась, прошлепала в свою комнату. Вскоре и оттуда уже раздалось неловкое шумное хихиканье, и здоровенная тень в джинсах прошмыгнула в ванную. Зашумела вода – включился душ. Пришлось плотно закрыть дверь на кухню, чтобы не смущать молодого человека, когда тот из ванной выходить будет.

Так. Значит, чай пить будем. А что у нас есть к чаю? А ничего нет. Бутербродами обойдемся. С колбасой, с сыром, с заморской кабачковой икрой. Или в приличных домах не едят нынче кабачковую икру?

Ладно. Тогда хоть приличные чашки поставим, из бабушкиного сервиза. Бабушка, помнится, этим сервизом очень гордилась, даже название произносила с вежливым придыханием – «Мадонна»... И близко подходить к нему не давала, можно было только издали любоваться на роскошество переливчатых картинок. Хотя Лина, маленькая, и умудрилась-таки, грохнула одну из чашек, когда полезла зачем-то на полку допотопной стенки, где этот сервиз всегда возлежал с достоинством барина, случайно попавшего в холопскую избу. У бабушки после разбитой чашки чуть инфаркт не случился! Мама потом ей выговаривала – зачем, мол, ребенка пугаешь. Подумаешь, чашка, горе какое! А для бабушки и впрямь было горе. Вот времена были! Зато сейчас... Бабушки давно на свете нет, а пять оставшихся чашек спрятаны в дальний угол кухонного шкафа, как не востребованные. Неудобно из них оказалось чай пить. Да и вообще... Ну их, эти чашки! Что за смешной парад, в самом деле?

Заваривая чай и накрывая на стол, Лина и сама не заметила, как уплела

все бутерброды. Надо нарезать новые. Вон, и юные любовнички уже идут, кажется...

– Мам, познакомься, это Денис! – торжественно представила ей Женька переминающегося в дверях высокого парня с модной стрижкой ежиком.

Ничего, красивый. Косая сажень в плечах, крепкая шея, взгляд открытый, хоть и смущенный. Улыбнулся, руку протянул для знакомства. И рука хорошая, ладонь мягкая, но не рыхлая. Вот, значит, из кого нынче чиновников делают. Не из мозгляков-очкариков, а из таких вот улыбчивых здоровяков. Даже где-то и обнадеживает.

– А это моя мама, Марина Васильевна, – торжественно представила ее Женька. – Только ее Мариной никто не зовет. Вообще-то, она Лина. Зови ее Линой Васильевной, так проще будет.

– Очень приятно, Лина Васильевна.

– Взаимно, Денис. Ну что ж, садитесь, чай пить будем.

– Наверное, поздно уже? Может, в другой раз?

– Ну что вы, Денис! Нисколько не поздно. Садитесь, не стесняйтесь! Вот бутерброды, пожалуйста. Вы ведь, наверное, проголодались?

Так. Похоже, что-то лишнее лягнула. Вон как парочка старательно в себя улыбки запрятала. Интересно, что она такого смешного сказала? А, ну да... Вроде того – перетрудились-проголодались...

Дальше чаепитие пошло в некоторой неловкости. Надо бы маломальский диалог обозначить, да только какой? Не о планах же на жизнь этого парня спрашивать. Еще подумает ненароком, что Лина в тещи набивается.

– Вы на каком курсе учитесь, Денис?

– Четвертый заканчиваю. До диплома год остается. Совсем скоро буду полностью самостоятельным.

Ишь, как оттарабанил, будто отчет дал. А лоб-то, лоб как нахмурил! И губу прикусил, и чашку от себя отодвинул! И Женька тоже – смотрит на него, замерла будто.

– Лина Васильевна, я... В общем, я поговорить с вами хотел. Не знаю, с чего начать только.

– Ой, не пугайте меня, Денис...

– В общем, я люблю вашу дочь. Женю то есть люблю. И она меня тоже любит. И мы скоро поженимся, наверное.

Вот это да! Что называется, приплыли! А как на такие заявления потенциальные тещи реагируют, интересно? Может, слезу умиления пускают? Или в позу встают – не отдам, мол, свое родное дитячко? И

молчать вроде как нельзя, нехорошо получается.

– Так поженимся или наверное? – спросила первое, что взбрело в голову.

– Что? – испуганно поднял на нее глаза Денис.

– Ну, вы сказали – поженимся, наверное...

– А! Ну да. Извините, я просто очень волнуюсь. Конечно, поженимся. Без наверное.

– Мам! Ну что ты его с толку сбиваешь? Не мешай. Пусть дальше говорит... – с радостной насмешливостью пропела Женька, коротко погладив парня по плечу.

Он тут же развернулся к ней всем корпусом, задрожал губами, пряча бьющую через край улыбку. Спросил тихо:

– А что еще надо сказать, Жек? Вроде я все сказал...

– Ну я не знаю... – задумчиво протянула Женька, уперев щеку в тощий кулачок. – Наверное, надо пообещать, что ты меня всю жизнь любить будешь, на руках носить будешь... Откуда я знаю, что еще надо говорить? У меня опыта предложения руки и сердца нету!

– Скажите, Денис... – немного нервно сцепив пальцы, тихо проговорила Лина, – а родители ваши... Они в курсе вообще ваших планов?

Денис поднял на нее глаза, посмотрел несколько удивленно. Было в этом удивлении и еще что-то, похожее на короткое смятение, будто она бог весть о чем спросила.

– Нет, Лина Васильевна. Они не в курсе. Они сейчас в отпуске, на Бали отдыхают. Через три дня прилетят.

– Бали – это Индонезия, да?

– Ну да... – пожал плечами Денис.

– Далековато...

– Да нормально. Они любят на Бали отдыхать.

– Значит, они прилетят, и вы сразу объявите о своем решении?

– Мам! Ну чего ты на него давишь! Тебе что, поскорее меня с рук сбыть хочется? – насмешливо проговорила Женька, подмигнув Денису.

– Да я не давлю, упаси бог... – махнула рукой Лина. – Просто... Это же очень серьезный шаг, сама понимаешь! Родители по меньшей мере должны быть в курсе.

– Ну и будут они в курсе! Днем раньше, днем позже, подумаешь! – легкомысленно пропела Женька.

– Да. Я обязательно им Женю представлю, когда прилетят. И все им скажу... – решительно кивнул Денис, но тут же будто и сник. Пробежала по

лицу короткая тень смятения и спряталась за полуулыбкой.

– Да все будет нормально, мам! Не переживай!

Женька опрокинула в себя одним глотком остывший чай, со стуком поставила чашку на блюдце. Глянув на Дениса, без обиняков спросила:

– Ты ночевать у нас останешься или домой поедешь?

– Домой, – как-то слишком уж быстро проговорил парень. – Мне с утра на пары надо, а от вас далеко добираться. Да и вообще, поздно уже. Лине Васильевне отдыхать надо. Пойду я, Жек...

– Ну что ж, тогда вали. Завтра созвонимся, – встала из-за стола Женька, одергивая халатик.

– Спасибо за чай, Лина Васильевна! Очень было приятно познакомиться! – в неловком поклоне согнул шею Денис, поднимаясь из-за стола.

– Да. – кивнула Лина. – И мне. Тоже очень приятно.

Из прихожей так долго доносилось шушуканье, прерываемое короткой возней и счастливым Женькиным хохотком, что Лина успела всю посуду перемыть. Голова давила тяжестью, тело усталостью, но спать расхотелось. Какое тут спать, когда такое событие на глазах совершается! Дочь замуж собралась! Можно сказать, генетический код ломается! Да и то – хватит уж им, женщинам Смородиным, тянуть на своем горбу треклятое материнство-одиночество. Пусть хоть у Женькиных детей отец будет. Красивый, настоящий, породистый.

– Мам... Ну как он тебе?

От раздавшегося за спиной Женькиного голоса Лина вздрогнула, повернулась от мойки. Вместе с хорошими мыслями и повернулась, в которых только что плавала.

– Хороший парень, Жень. Очень понравился.

– А чего ты так улыбаешься?

– Как?

– Ну... Будто это тебе предложение сделали, а не мне.

– Да просто радуюсь за тебя, глупая! – еще шире улыбнулась Лина.

– А... Ну тогда ладно.

– Только знаешь, Жень... – Улыбка тут же сошла с Линоного лица. – Мне показалось, что он вроде того... Не совсем в своем предложении уверен. По-моему, он боится родителям сказать.

– Ну, побоится и перестанет.

– А кто у него родители, Жень?

– Точно не знаю, он мало что о них рассказывал. Папа вроде каким-то начальником в палате недвижимости работает, а мама... Про маму совсем

ничего не знаю.

– В палате недвижимости, говоришь? А какая у папы фамилия?

– Такая же, как у Дениса. Горохов. А что, ты его знаешь?

– Да. Слышала. А может, это и не тот Горохов, о котором я слышала. Знаешь, фамилии начальственных чиновников всегда будто обезличены. Видишь фамилию на бумаге и представить не можешь, что за ней живой человек стоит. Значит, ты у нас будешь потом Горохова?

– Ага. Горохова. Ой, а как звучит некрасиво, слышишь? Евгения Горохова! Г-г-г! Сплошной гусиный гогот получается!

– Хм... По-моему, ничего, вполне нормально. Звонко звучит, – успокоила дочь Лина и переключилась на другое. – А скажи-ка мне, госпожа Горохова, ты зачет наконец спихнула или нет?

– Да спихнула, спихнула, слава богу.

– Ну и ладно. И молодец. И все-таки, Жень... Странно все-таки, что Денис тебя со своими родителями не знакомил... Наверное, это неправильно как-то?

– Мам... – иронично прищурилась Женька. – Да откуда ты знаешь, как правильно, а как неправильно? Сама-то ты, насколько я понимаю, и близко замуж никогда не выходила? Рассказала мне историю про погибшего жениха, тем и ограничилась. Банальную, можно сказать, историю. А ведь наверняка, я думаю, мой биологический папочка где-то живехонький-здоровехонький землю топчет! Что, не так, скажешь?

Лина вздохнула, изо всех сил сдерживаясь.

– Ой, прости... – тут же спохватилась Женька. – Прости, мам... Я тебя обидела, да? Ну прости, сама не знаю, как вырвалось! Это у меня от счастья все мозги напрочь отшибло, вот и брякнула, не подумавши... Прости, пожалуйста!

– Ладно, Жень. – выдохнула и мягко улыбнулась Лина. – Все нормально. Я не обижаюсь.

– Ма-а-ам...

– Все, пойдем спать! Мне завтра вставать рано.

– Честно, не обижаешься? – Женька забежала вперед и заглянула матери в лицо.

– Честно. Чего я буду на тебя обижаться? Ты же знаешь, я вообще этого чувства не люблю. А на родную дочку – так и тем более не могу обижаться.

– Я очень, очень тебя люблю, мамочка...

– И я тебя, Женюр. Все, все у нас хорошо. Пойдем спать, а то я сейчас носом в стол клюну!

Лина и впрямь думала, что уснет сразу, как голова коснется подушки. Да только не тут-то было. Выплыла из дальней дали давно забытая боль, нелепая из-за сроков давности. Даже и болью в полном смысле слова ее назвать было нельзя. Так, воспоминание. Нытье старой раны от приключившейся непогоды.

А в самом деле – что стало потом с этим парнем, Женькиным биологическим отцом? Вот бы узнать... Просто так, из спортивного интереса? Хотя это сейчас интерес просто спортивным остался, а тогда, двадцать лет назад, о-го-го какой интерес меж ними приключился! Встретились первый раз глазами – и понесло в любовь. Да, это была любовь, как бы на нее потом, при обнаружении последствий, ни клеветали насмерть перепуганные мама с бабушкой! Первая любовь, юная и сумасшедшая. Что было, то было.

Все обстоятельства тогда их любви способствовали. Назывались эти обстоятельства – путевка в молодежный турлагерь «Кавказ». Целый месяц – горы, палатки, походы, песни под гитару, горящий веселым пламенем костер. И все они – молодые, веселые, приехавшие с разных концов страны, веселились буйно, до изнеможения, орали в звездное небо, обнявшись – «как здорово, что все мы здесь сегодня собрались!».

Здорово, конечно. Кто спорит? Он был студент из политехнического института, Лина даже и не запомнила толком, из какого. То ли из екатеринбургского, то ли из челябинского. А может, вообще из московского. Тогда это как-то несущественно было. Главное – любовь, взлетающая в ночное небо вместе с искрами от костра. И его рука на плече. И песня. И шепот в ухо – как здорово, что я тебя нашел, и навсегда, и больше никогда...

В последний день, опять же у костра, тоже на ушко, в продолжение его «всегда и никогда», Лина тихо призналась в своих сомнениях относительно последствий их взаимного горячего чувства. Он склонил голову, долго глядел в глаза, улыбался счастливо. «Я скоро приеду к тебе, Малинка. Дай адрес и телефон. Я приеду...»

Конечно, ей следовало бы и его адрес да телефон попросить, так, на всякий случай. Если б умная да проницательная была – обязательно бы попросила. А только ни ума, ни проницательности у нее в голове на тот момент вовсе не было. Потому что – зачем любви проницательность? Смешно даже.

Это потом ей уже ничуть смешно не было. Недоумение было, страх был, грусть была, а смеха не было. Беременная ходила – ждала, Женька родилась – ждала, потом еще несколько лет – все ждала. Потом и ждать

перестала, просто жить начала. Иногда, правда, вспоминалось, мучило тоскливым сомнением – а с любовью-то что случилось? Любовь-то как же, куда ж она делась-то?

Все, все, спать надо! Не пропускать же два счастливых утренних часа из-за каких-то ненужных воспоминаний? Все! Завтра день начнется обычным порядком – чистое утро в окно, матушка-йога, малина-смородина, кофе на подоконнике, жгучий-горячий, с пенкой, с кардамоном...

* * *

Рабочее утро, как всегда, выдалось хлопотливым. Даже и отвлекаться не хотелось на музыку мобильного, плаксиво раздающуюся из недр сумки. Господи, ну кому там приспичило? И телефон высветился совсем незнакомый...

– Здравствуйте. Вас беспокоят из приемной Павла Сергеевича Жука, – пролился в ухо вежливый женский голос.

– Девушка, да ошиблись вы! Не знаю я никакого Жука! – немного раздраженно проговорила она, тут же намереваясь нажать на кнопку отбоя.

– Да? Но погодите... Павел Сергеевич просил меня передать вам конверт...

– Конверт? Какой конверт?

О господи, конверт! Как же она забыла про вчерашнее свое благородство в маршрутке! Значит, мужчина с дорогим одеколоном Жуком оказался. Хорошенькая, надо сказать, фамилия. И не просто Жуком, а Жуком-начальником. Впрочем, как оно и сразу предполагалось, еще там, в маршрутке.

– Простите, но я должна исполнить поручение Павла Сергеевича. Куда вам доставить конверт?

– Ну я не знаю... Несите на работу, что ли...

– Диктуйте адрес, пожалуйста. Я записываю.

– Мельниковская, двадцать, офис тридцать два, бухгалтерия, спросить Лину.

– Спасибо. В течение часа курьер вам все доставит. Всего доброго.

– И вам того же... – проговорила она уже на фоне льющихся из трубки гудков отбоя.

Надо же – и впрямь принципиальный! Хотя и чего не побаловаться принципами, при наличии курьера да секретарши? У них, у богатых Жуков, свои причуды, наверное.

Конверт доставили ровно через полчаса. Симпатичный парень в бейсболке, вежливо поздоровавшись, торжественно возложил его на стол и тут же скрылся, будто и не было его. Надо же, и не запечатан даже. Хотя чего его запечатывать, ради двух несчастных десятирублевков?

Автоматически сунув руку в нутро конверта, Лина нащупала две бумажки, вытянула их на белый свет. И – оп-па! – своим глазам не поверила. Бумажки-то были – стодолларовые! Новенькие, нигде не потертые, приятно шероховатые на ощупь. Он что, этот Жук-начальник, ошибся, что ли? Не из того кошелька достал?

Так она и сидела, разглядывая эти бумажки. Поначалу – с недоумением, потом недоумение постепенно в возмущение переросло. Нет, чего это он себе позволяет, интересно? Она что, похожа на объект для благотворительности? Такая вся нищая и убогая, да? Сцапает сейчас эти бумажки себе в кошелек и будет осчастливлена на всю оставшуюся жизнь?

– Лин, что это у тебя там? Деньги? Зарплату дают, что ли? – вклинился в ее возмущенные мысли быстрый говорок пришедшей из курилки Кати Стоговой.

– Ага, размечталась... Когда это нам зарплату в долларах выдавали?

– А откуда они у тебя?

– Откуда, откуда! – Лина разозлилась. – От верблюда.

– Ну чего ты злишься? Я же просто так спросила!

– Кать... Вот ты мне скажи – тебя мама с папой правилам приличия учили? Я ж тебя, к примеру, не спрашиваю, сколько у тебя сейчас денег в кошельке лежит?

– Так спроси! – Любопытство у Кати зашкаливало. – Я тебе и отвечу – ни шиша там не лежит! Откуда, если зарплата только через два дня намечается?

– Ой, ладно, Кать, все, проехали... Работай давай.

– Уже и спросить нельзя... – обиженно уставилась в свой монитор Катя, – подумаешь, цаца какая...

Раздраженно запихнув бумажки обратно в конверт, Лина отодвинула его от себя и тоже уставилась в компьютер, изо всех сил пытаясь сосредоточиться. Однако работа на ум не шла. Все какие-то дурацкие фразы в голове вспыхивали, будто в продолжение такого же дурацкого диалога. Да, цаца! Да, имеет в ней место свое собственное внутреннее чистоплюйство, и ничего с ним не поделаешь, не задушишь его, не убьешь! Да, жизнь тяжелая, и нет в ней больших радостей, но хотя бы собственное чистоплюйство она может себе позволить, в конце концов? Малюсенькое совсем чистоплюйство?

Может, конечно. В чем проблема-то? Надо просто вернуть доброму дяде-меценату его денежки, вот и все. Извините, мол, но мы не нищие. Нам, кроме собственного чистоплюйства, терять нечего.

Так. Теперь возникает вопрос – как вернуть? Может, позвонить его секретарше, номер-то в мобильнике остался? И... что она ей скажет? Извините-простите, верните курьера обратно? А она ей в ответ – тоже простите-извините, но я выполняю распоряжение начальника? И затеется диалог... Нет, ерунда какая.

Протянув руку, Лина придвинула к себе конверт, оглядела его со вниманием. Ага, в уголочке логотип есть. Открытое акционерное общество «Формат», значит. И адресок мелкими буквами приписан – Воздвиженский проспект, пятнадцать. Так это же рядом совсем... После обеда аккуратно надо в банк ехать, вот она и попросит водителя заехать в этот самый «Формат». Нет, к самому дяденьке-меценату она на прием не пойдет, конечно же. Просто у секретаря на столе конверт оставит и молча смоеется. Пусть она с этим конвертом что хочет, то и делает. Может, шефу передаст, может, себе на память оставит. Вполне возможно, что у нее с собственным чистоплюйством никаких проблем нет, все до остатка на «выполнение распоряжений начальника» потрачено.

Решив про себя проблему и легко вздохнув, Лина сунула конверт в сумку, чуть прогнувшись, распрямила спину и плавно повела плечами, стараясь свести лопатки. Тут же и усмехнулась, проникшись собственными произвольными телодвижениями – крылья проросли, что ли? И вообще, чего это она разбушевалась, будто пару миллионов только что гордо отвергла? Поскромнее надо быть, поскромнее, добрая женщина из маршрутки.

... – Саш, давай на Воздвиженский проспект на пять секунд заскочим? У меня там дело есть! А потом – в банк!

Покладистый водитель Саша лишь кивнул – дело так дело. Поехали.

– А где на Воздвиженском? Номер дома какой?

– Пятнадцатый, кажется... погоди, сейчас посмотрю! Да, пятнадцатый...

– Так это вам в «Формат» надо, что ли?

– Да! А ты откуда этот «Формат» знаешь?

– Да кто ж его не знает! Крутая вообще-то фирма. Они строительством элитного жилья занимаются. И офис у них крутой, старинный такой особняк с балкончиками. Они его недавно отреставрировали – красота!

– погоди, погоди... – не смогла сдержать удивления Лина. – Это тот

особняк, что на набережную окнами выходит? С колоннами? Это он и есть?

– Ну да... Вы что, сами не знаете, куда едете?

– Да знаю, Саш, знаю... Просто сразу не сообразила. Прости.

– Так говорите, недолго там пробудете? А то у них стоянка вечно машинами забита. Потом не выехать.

– Две минуты, Саш! До приемной и обратно! Две минуты!

Выскочив из машины, она быстро направилась к белым колоннам, чувствуя себя Магометом перед горой. Или наоборот, горой перед Магометом, кто у них там глупее-зловреднее был? А может статься, еще и охранники не пропустят...

Точно. Вырос в дверях добрый молодец, косая сажень в плечах, сам в костюмчике.

– Простите, вы к кому?

– Я ни к кому. Мне секретарю конверт передать надо.

Молодец оглядел Лину с головы до ног, надо сказать, совсем не обидно. Просто прошмыгнул вежливым взглядом и тут же согнулся в полупоклоне:

– На второй этаж поднимитесь, пожалуйста, секретариат прямо по коридору.

И Лина поднялась на второй этаж. Ох, красотища какая внутри! Все светлое, стильно-натуральное и ненавязчиво кожаное. И воздух такой... будто после дождя. Интересно, как люди устраиваются на работу в такие офисы? По благу, наверное. По родству, по знакомству.

А секретарша оказалась на внешность так себе – вовсе не блондинка-красавица. Черноволосая, в сером костюме, ну просто как галка. И это правильно, наверное. Не впишется в такую стильную обстановку белокурость, пышногрудость и длинноногость. Где им. А вот эта галка – прекрасно вписалась. Взгляд тихий, спокойный, деловой. И голос такой же.

– Слушаю вас.

– Я... Вы мне звонили сегодня утром... Чтобы конверт передать...

– Да. Я звонила. А в чем, собственно, дело? Курьер отчитался, что...

– Да, да, он у меня был! Просто... Я хочу его обратно вернуть. Конверт то есть. Вот, передайте, пожалуйста, вашему начальнику. Или директору, кто он там у вас...

Плюхнув на стол конверт, Лина быстро улыбнулась и посеменила к выходу, неловко переступая ногами в старых туфлях. Черт, надо было хоть туфли новые надеть, что ли! А то чувствуешь себя здесь как гипсовая баба с веслом на вернисаже. И никакого удовольствия от чистоплюйства нет.

– Ну что? Как там у них, внутри? – любопытствовал Саша, когда она

плюхнулась рядом с ним на сиденье. – Клево, наверное?

– Ага. Клево. Поехали, в банк опаздываем!

Весь остаток дня Лину Смородину не покидало странное ощущение пристыженности. Наверное, та Моська, которая на слона лаяла, такое же ощущение испытывала, когда опомнилась. Но, черт возьми, она же не Моська! И слона никто не просил высовываться со своей щедростью! И все равно... Неприятно на душе было.

Зато Станислава Васильевна в этот вечер оказалась довольно покладистой. Выплеснула вчера горячее олово гнева, а новое не накопилось еще. В этот вечер ее отчего-то на хвостовство потянуло.

– Если б вы знали, Лина, в каком обществе моя дочь вращается! Сплошные сливки, просто сплошные! Все-таки состоятельные люди – это особая человеческая порода. Состояние ко многому обязывает. Оно уже само по себе накладывает на человека печать некой неприкасаемости, окутывает флером избранности, недоступности... Как вы находите? Я права?

– Да, Станислава Васильевна. Правы. Лук в котлеты класть или нет?

– Экая вы, Лина... простодушная! Я с вами о высоком, а вы – лук в котлеты! Право, нельзя же так!

– Извините, Станислава Васильевна. Так что вы там говорили про флер избранности?

– Нет, Лина, наверное, вы меня все-таки не понимаете... Нет в вас того, что в моей Дине есть. У нее, знаете, чувство устремления к избранности так развито, так развито! Это просто удивительно, как она в жизни всего добилась! Даже от любви сумела отказаться во имя... Чтобы стать... Чтобы...

– Войти в круг этих самых избранных? – подсказала Лина.

– Да! Именно так! Тот, кого она любила, не имел хорошего жизненного потенциала. У него даже и жилья своего не было! Я, как мать, конечно, готова была к тому, что мы будем жить здесь, в этой квартире, все вместе, одной семьей... Но Дина решила по-своему. Она сумела справиться со своим чувством и вышла замуж за другого, то есть за теперешнего своего мужа, Леонида, и нисколько не жалеет об этом. Она сама, своими руками построила себе достойную жизнь!

– А любовь – как же? Жалко ведь любовь-то, Станислава Васильевна...

– Ой, не говорите глупостей, Линочка! – махнула ручкой мать устремленной к избранности Дины. – Любовь – чувство замещающее.

– Да? И чем его, интересно, можно заместить?

– Ну как вам сказать... Хотя бы удовольствием от жизни как таковой. У нее же свободной минуты нет! Она то в салоне, то на шопинге, то в тренажерном зале, то просто с подругами из своего круга общается... И это, надо сказать, особого рода общение! Согласитесь, когда женщины разговаривают меж собой не о пьяных мужьях и сковородках, в этом есть что-то особенное...

– А о чем они разговаривают? Неужели об искусстве?

Лина и сама уловила в своем голосе некоторую насмешливость и тут же ругнула себя – зачем? Вовсе не нужна Станиславе ее насмешливость. Она от нее других эмоций жаждет. Искренного восхищения, например. Благоговения. Или сермяжной зависти, на худой конец. Вон как губки сердито поджала, сейчас выплюнет из себя что-нибудь в ее адрес уничижительное.

– Ах, да что с вами говорить, Линочка... Вам не дано воспарить, вы из другого материала сделаны. Слаще морковки не ели ничего...

– Кстати, о морковке, Станислава Васильевна! Давайте-ка я морковный сок вам сделаю! И для кишечника полезно, и для зрения.

– Сделайте, Линочка, сделайте... И впрямь, чего это я перед вами бисер мечу...

Потеряв интерес к разговору, старушка откинулась на спинку стула, задумчиво потерла одну ладонь о другую. Звук получился сухой, пергаментный, неживой будто. Вдруг ее жалко стало – у Лины даже сердце защемило. Бедная, бедная, чего ж ты мучаешься доказательствами своей «избранности», когда тебе о душе подумать пора? Там, наверху, доказательства не потребуются. Да и здесь, похоже, они никому не интересны.

– Ступайте, Линочка, домой, поздно уже. – окончательно смиловилась королева-мать. – Устала я что-то сегодня. Тем более Дина мне скоро должна позвонить, рассказать, как она на вернисаж сходила... Она, знаете ли, очень часто звонит мне последнее время. Мы часами с ней говорим, говорим... Говорим...

Подняв голову, старушка бросила в сторону Лины быстрый взгляд – скорее испуганный, чем снисходительный. Той пришлось быстро и радостно закивать – да, да, конечно же, я понимаю! Да, конечно же, Дина звонит! Очень часто! В последнее время! Конечно же, я вся прониклась вашей избранностью, вернисажем и сопричастностью!

– Что ж, Станислава Васильевна, я пойду, – наживавшись, быстренько шагнула в прихожую Лина. – Не буду вам мешать. До завтра.

– Да, вот еще что... – кинулась за ней старушка. – Если Диночка вам

вдруг позвонит... Ну, вдруг! Мало ли! Вы ей скажите, что...

– Что, Станислава Васильевна?

– Да нет, ничего, – тут же осеклась Станислава Васильевна. – Не надо ей ничего говорить. А впрочем... Нет, ничего не надо... Ступайте, Лина, ступайте...

Выйдя в ранние июньские сумерки, Лина медленно побрела к автобусной остановке, выталкивая из себя остаток грустных мыслей. Неблагодарное все-таки это занятие – быть свидетелем горьких чужих амбиций. Хотя – почему ж неблагодарное-то, если судить по размеру вознаграждения? Как раз очень таки благодарное...

Призывная трель мобильного позвала ее в свою жизнь, собственную. Женька, наверное, звонит. Ее дочка, обыкновенная, доступная и прикасаемая, лишенная флера избранности. Как хорошо-то, господи.

Однако телефон в окошке мобильного высветился совсем не Женькин, незнакомый какой-то. Кто это может быть, интересно?

– Здравствуйте, добрая женщина.

– Здравствуйте... Извините, а кто это?

– Неужели не узнали?

– Ах да... Вы, наверное, тот самый, из маршрутки... Павел Сергеевич Жук, да?

– Совершенно верно, тот самый Жук и есть. Что ж это вы себе позволяете, добрая женщина? Моей благодарностью за доброту пренебрегли...

– Стало быть, это благодарность была?

– Ну да, а что?

– А я разве давала согласие на благодарность? Мы вроде только о двадцати рублях договаривались!

– Хм... Впервые слышу, что на благодарность надо получать разрешение...

– Ничего страшного. Все когда-нибудь узнается впервые.

– Так. Понятно. Значит, благодарность как таковую вы отвергаете. Интересно, интересно... Ну, а хотя бы пресловутый долг я могу вам вернуть? Я тоже не давал согласия в ваших должниках жить!

– Ой, бросьте... – проговорила Лина. – Ну чего вы, в самом деле? Дались вам эти двадцать рублей! Что за история, ей-богу?

– Ну уж нет, уважаемая! – воскликнул в трубку Жук. – Так дело не пойдет! Я хочу получить полный расчет, и немедленно!

– Это вы так шутите, да? – удивилась Лина.

– Ничуть! С чего бы я стал с вами шутить? Говорите, где я могу вас

найти?

– Что, прямо сейчас?

– Сию секунду. Немедленно.

– Сейчас я стою на остановке автобуса «Профсоюзная», маршрутку жду...

– Вот и стойте там, не уходите! – скомандовал Жук. – Сейчас я подъеду.

– А... долго ждать-то? Вон, кажется, моя маршрутка идет... Хотя нет, не моя, ошиблась...

– Десять минут вас устроит?

– Не знаю, наверное...

– Ждите!

Ох, какой безапелляционный тон – ждите, главное! Совсем ненормальный мужик. Зануда нечеловеческая. Дались ему эти двадцать рублей, сколько хлопот с ними оказалось. Вот уж воистину – не делай добра...

Черная машина подрулила к автобусной остановке так резко, что Лина вздрогнула. С водительского сиденья выскочил крепкий парень, подошел, вежливо взял под локоток:

– Прошу...

– Что значит – прошу, молодой человек? О чем вы меня просите?

– Так в машину сесть прошу... Павел Сергеевич там...

– А что, сам он выйти не может? У него ко мне секундное дело!

– Садитесь, пожалуйста. Он вас домой отвезет. Чего вы, в самом деле.

А и правда – чего это она, в самом деле? Пусть и отвезет. В конце концов, по пути.

Вон и задняя дверца уже приоткрылась, музыка из салона полилась. Не трали-вали какие-нибудь, а спокойная инструментальная мелодия. Может, там еще и напитки подают? А что, подумала Лина, ей бы сейчас не помешало, после Станиславы-то...

Главное, надо достойно сесть, не плюхаться на сиденье, как тетка с котомками. Так сесть, будто она отродясь только в таких машинах и ездила. Хотя – чего это она вдруг собственным имиджем озаботилась? Или... Как там его? Флером избранности?

Так уж вышло, что на сиденье она именно плюхнулась. Даже от недовольства собой перестаралась немного. Может, потому, что Жук из маршрутки, оказывается, тоже на заднем сиденье устроился, сидел вполоборота, улыбаясь.

– Добрый вечер... – тихо проговорил он через свою полуулыбочку.

Тронул за плечо севшего за руль парня: – поехали, Коль...

– Да. Вечер добрый, конечно. Исключительно вашими стараниями, – нарочито вежливо склонила голову Лина.

– В каком смысле?

– В смысле, что домой довезете. Раньше спать лягу. Только не забудьте мне двадцать рублей отдать, чтоб не мучиться больше принципами.

– Ах да... – хлопнул он себя по карману пиджака, – черт, вы не поверите, но у меня опять двух десятков нет... Кредитная карта – есть, доллары – есть, а вот двух десятков...

– Вы издеваетесь, что ли? – воскликнула Лина. – Немедленно остановите машину!

– Да почему – издеваюсь? Честное слово, нет! Я как-то... Коль, у тебя есть двадцать рублей? – склонился он всем корпусом к водителю. – Выручи, а?

Так он растерянно это проговорил, что Лина поняла – не издевается. Коля, хмыкнув, извлек из нагрудного кармана две мятые десятирублевые бумажки, протянул руку назад. Быстро их схватив, Павел Жук галантно протянул деньги Лине:

– Вот, возьмите, пожалуйста... Спасибо вам, добрая женщина.

– На здоровье. Будем считать, что долг чести свершился.

– Да. Будем. А как вас зовут, можно узнать?

– Зачем?

– Ну... – пожал плечами Павел Сергеевич. – Все-таки в одной машине едем, рядом сидим... Так как?

– Линой меня зовут.

– Лина... Это Ангелина, что ли?

– Нет. Вообще-то я Марина.

– А почему тогда – Лина?

– Потому что – Смородина.

– Не понял...

– Да чего тут не понять? Марина Смородина – звучит слишком ягодно, так и норовили меня все Малиной назвать. Вот и получилось в конце концов – просто Лина.

– Хм... Занятно! – улыбнулся Жук. – А меня в детстве просто Жуком звали. Все Жук да Жук, знаете. Потом и забыл, что я Павел.

– Что ж, тоже занятно.

– Вас куда везти-то? – вклинившись в паузу их странного диалога, вежливо спросил Коля.

– На Комсомольскую, в старый город, это около моста, знаете? Я

потом покажу, где сворачивать. К дому можно не подвозить, я на перекрестке выйду, дворами дойду.

– Таким поздним вечером – дворами? Не боитесь одна ходить?

– Ой, да кому я нужна... – отмахнулась Лина.

Она вдруг почувствовала, как этот Жук по имени Павел ее разглядывает. Исподтишка, но довольно бесцеремонно. Резко повернула к нему голову, вздернула бровь, что должно было означать – в чем дело, мужчина?

– А сколько вам лет, Лина?

О-па, приехали! Вот гад какой! Или его не учили, что женщинам таких вопросов не задают? Или ему все равно и она для него не женщина? В смысле, не та женщина, с которой нужно церемониться? Хотя... Какая разница. Та женщина, не та женщина, глупости какие.

– Мне сорок один год, – отчеканила Лина. – Русская. Не замужем. Имею дочь двадцати лет. Работаю на двух работах. Живу в двухкомнатной малометражке. Никакого интереса для вас не представляю, чтобы меня так разглядывать. Я на все потенциальные вопросы ответила?

– Ну зачем вы так... Я же просто спросил, – растерялся Жук Павел. – И совсем вы на свои сорок один не выглядите. Я думал, вам лет двадцать семь, двадцать восемь.

– Спасибо, – смутилась Лина.

– И вам спасибо.

– За что?

– За информацию.

– Какую информацию?

– Ну которую вы только что про себя выложили. Очень интересная информация, спасибо.

– Да на здоровье... Обращайтесь еще.

Нервно поправив на коленях сползающую сумку, Лина резко отвернулась к окну, демонстрируя таким образом свое «сердитое» равнодушие к происходящему. Хотя зря, наверное, и старалась. Павел Сергеевич Жук больше вопросов не задавал, но и к окну, как она, не отвернулся. Так и сидел, в упор ее рассматривая. Улыбался. Лина затылком чувствовала, что он улыбается. Молчит и улыбается.

Доехали довольно быстро, она даже и сообразить не успела, как замелькали за окном пейзажики родного района. Подпрыгнула на сиденье, засуетилась торопливо:

– Ой, ой, постойте... Мы же чуть не проехали! Меня вон там, на перекрестке, пожалуйста... Я выйду, я там дворами...

– Нет-нет, что вы! Коля, давай к подъезду вези! Прямо до дверей!
– Надеюсь, на чашку кофе проситься не станете? – смеясь, беззлобно обернулась к нему Лина.

– А что, можно?

Ну все, хватит. Поговорили, посмеялись, и будет. Убрав улыбку с лица и наклонившись вперед, Лина указала Коле путь к дому. Вот он, родной подъезд. Надо же, еще и дворовые бабуси свою заветную скамеечку не покинули, сидят, рты раскрыв. Разговоров сейчас будет – еще и на завтра останется...

– Всего вам доброго, прощайте, – открывая дверцу машины, вежливо проговорила Лина. – Спасибо, что подвезли.

– Отчего ж сразу – прощайте-то? – удивленно проговорил Жук. – Может, встретимся еще.

– Это где же? В маршрутке? У вас что, каждый день по машине угоняют?

– Типун вам на язык... – тихо проворчал Коля со своего места.

– Нет, зачем же в маршрутке? – весело проговорил Лине в спину новый знакомый. – И другие стандарты есть...

Дальше она слушать не стала – закрыла дверцу. А может, он и не сказал больше ничего. Коля тут же рванул с места, не дав бабушкам на скамейке прийти в себя от пережитого изумления.

А все-таки интересно, какие стандарты он имел в виду?

* * *

За окном шел дождь. Лина это сразу поняла, как услышала пахмутовскую мелодию из будильника, – не будет сегодня светлого солнечного утра. Даже предательская мысль в голове мелькнула: может, не вставать сегодня в такую рань, позволить себе отступление от правил? А с другой стороны – чем, собственно, перед ней дождь провинился? Дождь – это очень даже хорошо. Это просто замечательно, когда идет дождь! Стоит лишь распахнуть створку окна, и он ворвется в комнату, сопровождаемый шорохом тополиных листьев, как всплеском детских ладошек, заполнит ее бодрой свежестью, ворвется озоном в легкие. Пусть, пусть будет дождь!

Да и привычные утренние приятности в такую погоду можно продлить по времени, сэкономив на собственном внешнем виде. Зачем, к примеру, волосы феном укладывать, если от дождя они все равно распадутся? И ресницы малевать – тоже ни к чему, тушь по лицу побежит. Она хоть и

представлена как водостойкая, но такие круги под глазами может нарисовать – гоголевская Панночка отдыхает! Так что вполне можно в такой дождь и природными данными обойтись. Ничего страшного. Что ей, замуж выходить, что ли?

Открыв дверь подъезда, Лина неловко засуетилась с зонтом, пытаясь не попасть под порыв ветра, и даже не поняла сразу, что именно к ней обращен мужской, до боли знакомый мужской голос:

– Да ладно вам с этим зонтом, садитесь быстрее в машину!

Подняла глаза, да так и застыла, омываемая щедрыми дождевыми струями. Вчерашняя черная машина стояла в двух шагах, и люди в ней сидели те же, вчерашние, водитель Коля да его Жук-начальник.

– Садитесь, говорю!

Тот, который Жук, широко распахнул дверь со своей стороны, порываясь выйти под дождь, но Лина замахала руками и, прошлепав по луже, быстро шмыгнула в открытую для нее дверь.

– Доброе утро, уважаемая Малина Смородина, ягодная женщина! Не ожидали снова нас с Колей увидеть?

– Доброе утро. Нет, не ожидала, конечно.

– А мы, знаете ли, вот они, тут как тут. Встретились утром и думаем – отчего же нам вчерашнюю пассажирку на работу не отвезти? Еще промокнет, думаем, простудится, не дай бог.

– Спасибо, конечно... Только... – не поверила своим ушам Лина. – Нет, вы что, и правда специально за мной ехали?

– А вы что, сомневаетесь?

– Нет... Но зачем?!

– Поехали, Коля... – нарочито грустно вздохнув, откинулся на спинку сиденья Жук, – пока дама дурацкие вопросы задает, аккуратно и до рабочего места ее довезем.

– Это я – дама?

– Так. Еще один дурацкий вопрос. У вас много их там в запасе, вопросов-то?

– Нет, но я правда не понимаю... Спасибо, конечно...

– Так. Давайте-ка уточним – чего вы не понимаете? Я во всем ясность люблю.

– Ну, вчера, допустим, это понятно, – принялась объяснять Лина. – Долг чести, двадцать рублей и все такое... А сегодня-то что?

– А что, сегодня нечетный день? Именно по нечетным дням вы отвергаете мужское внимание?

– Внимание? Мужское? Это чье, ваше, что ли?

Никак, ну никак Лина не могла отделаться от недоумения, хоть убей! Наверное, до неприличия даже. Вон и Коля уже головой недовольно качает, вроде того, – совсем ополоумела баба, нехорошо себя ведет, неправильно. Ей честь оказали, а она твердит свое, как попугай, не понимаю да не понимаю! Но ведь и в самом деле ничего не понятно, черт побери! Не мог же этот Жук... Чтобы она... Чтобы с ней...

– Значит, вы именно мое конкретное мужское внимание исключаете? – не унимался новый знакомый, обладатель шикарной машины и шикарного офиса в центре города. – Так надо полагать?

– Да. То есть нет. То есть... Ну да, да, если хотите! Именно ваше внимание к моей скромной персоне кажется мне немного странным!

– Почему? – искренне удивился шикарный Жук. – Низкой самооценкой страдаете?

– Я?! Данисколько! Все в порядке с моей самооценкой.

– Тогда, значит, кокетничаете.

– Че-го? Вот еще не хватало! – фыркнула Лина. – Вы меня просто не совсем поняли... Ну сами посудите, где я и где вы...

– А где я? И где вы? По-моему, в машине сидим. Вы справа, я слева. А вечером, например, можно так же посидеть где-нибудь, поужинать. Вы справа, я слева. Как насчет ужина?

– Нет, вечером я как раз и не могу. Вечером я занята.

– И отказаться от занятия нельзя?

– Нет. Никак нельзя. Меня человек ждать будет. Отказаться никак невозможно, поскольку общение с этим человеком входит в исполнение моих обязательств по договору.

– Ишь ты, как все серьезно... Исполнение обязательств, да еще и по договору! Красиво звучит. А имя у этого обязательства есть?

– Конечно, есть. Имя ему – благородная дама Станислава Васильевна, с которой я согласно этим самым обязательствам ежевечерне общаюсь. Мне за это деньги платят.

– Ах, вот как... – кивнул Жук. – Компаньонкой при благородной даме служите, значит. Что ж, понятно... Кстати, я где-то уже слышал это имя – Станислава Васильевна. Как-то на слуху вроде... Ну да ладно. Если не можете ужинать, значит, будем обедать. Надеюсь, на обеденное время у вас исполнения обязательств не назначено?

– Нет...

– Ну, вот и славно. У вас в котором часу обед происходит?

– С часу до двух.

– Значит, ровно в час я за вами заеду. Вы какую кухню предпочитаете?

Азиатскую, европейскую?

Интересный вопрос, конечно, про кухню-то. Если учесть, что все ее обеденное время до самой последней минуточки сжирает покупка продуктов для Станиславы. Дай бог, чтобы успеть бутерброд на ходу сжевать, неважно какой, азиатский или европейский. Но говорить Лина сейчас об этом не будет, конечно же. Побубнила, или, как говорит Женька, потормозила, и хватит. Пора и в себя прийти.

– Я предпочитаю европейскую! – вскинув вверх подбородок, смело глянула в глаза мужчине Лина.

– Отлично. И я тоже. Видите, как наши вкусы удачно совпали! Я знаю прекрасное местечко, вам понравится.

Улыбнувшись, Лина тут же отвернулась к окну, чтобы не выдать своего замешательства. Это что же – и впрямь она с ним обедать будет? Ничего себе – приключение! Такое даже нафантазировать трудно. Да и ладно, пусть будет приключение, раз оно само навязалось. По крайней мере, будет потом что внукам рассказать. Обедала я, мол, как-то в молодости с одним олигархом...

– Вам куда ехать-то? – полуобернулся к ней со своего водительского места Коля.

– Туда же, куда и вам. Моя контора в двух шагах от вашего офиса расположена. Мельниковская, двадцать.

– А, знаю... Это в муравейнике, что ли?

Здание на Мельниковской улице издавна называли «муравейником» за несметное количество фирм, контор и всякого рода заведений, в нем приютившихся. Потому и народу каждое утро стекалось в их здание несметное количество.

Несметное-то оно несметное, конечно, но Лину, выходящую из шикарной машины, все равно засекли! И не кто иной, как Леночка Эрастовна, аккуратно выплывшая из своей припаркованной серебристой ласточки. И дорогая Лина приятельница Таня Сибирцева оказалась тут как тут. Стояла на тротуаре, пялилась из-под вуали стекающих с зонта дождевых капель. Выражения лиц у них, естественно, были разные. У Тани – удивленное, у Леночки – возмущенно-обалдевшее.

– Лин, а кто это тебя привез? – кинулась к Лине Таня, заботливо дернув под локоток в укрытие зонта. – У тебя с ним что? Свидание вчера было, да? Ты не из дома едешь?

– С ума сошла? – удивилась Лина. – И с чего ты решила, что я не из дома еду?

– Так по тебе ж видно... Сразу в глаза бросается! Лицо без косметики,

укладку сделать не успела. И глаза совсем обалдевшие... Проспали, да?

Ах ты боже мой! Как же она забыла, что выглядит не лучшим образом? Сидела там, в машине, подбородок вверх задирала. А сама – лахудра лахудрой!

– Да нет же, Тань... Это я из-за дождя ни волосы укладывать, ни глаза красить не стала. Я и не подозревала даже, что меня подвезут.

– Ой, Лин, а ты видела, как Эрастовна тебя засекала? – решив, что приятельница прсто скрывает подробности, перевела разговор Таня.

– Да видела, видела... – кивнула Лина. – Черт с ней, может, больше уважать будет. Слушай, Тань... У тебя косметички с собой нет, случайно?

– Случайно есть.

– Дашь к обеду марафет навести?

– Ладно. А зачем тебе?

– Вот где бы еще фен раздобыть... Может, у девчонок у кого есть, не знаешь?

– У Маринки из отдела кадров щипцы есть. Она с утра у себя в кабинете закрывается, красоту наводит.

– Попросишь, а?

– Да зачем тебе?!

– Надо, раз прошу. Представляешь, он меня на обед пригласил... – все-таки призналась Лина. – Ну тот, который до работы подвез. Не могу же я такой лахудрой в приличное место идти!

– А кто, кто он, Лин? Что за мужик, колись давай!

– Его зовут Жук Павел Сергеевич. У него офис на Воздвиженском проспекте, старинное такое здание, с резными окнами, знаешь?

– Постой, постой... Этот что, тот самый Жук, который холдинг «Формат», что ли?

– Ну да, он самый... А ты откуда знаешь?

– Ты что, Лин, с луны свалилась? Кто ж его не знает? Богатых и успешных людей города надо в лицо узнавать! По крайней мере, интересоваться их жизнью!

– Да я как-то далека от всего этого, ты же знаешь... – пожала плечами Лина. – И до чужой жизни особо не любопытна...

– Ну, далека не далека, а обедать с этим Жуком идешь как раз ты! И как тебя угораздило, а, подруга?

– Ага, – вздохнула Лина. – Хорошо ты сейчас определила – именно угораздило. Иначе и не назовешь.

– А чего ему от тебя надо-то? Из своего круга баб не хватает, что ли? Ой, что-то тут не так, Лин... – покачала головой Таня. – Не нравится мне

все это. Ты бы поостереглась как-то, что ли.

– Ладно, не сыпь соль на рану, мне и самой не по себе.

– А ты не ходи!

– Да неудобно как-то, надо было сразу отказываться! И вообще... Что я его, объем, что ли? Подумаешь, пообедать пригласил! Пойдем работать, мне еще себя в порядок привести надо. И ты зубы не заговаривай, доставай свою косметичку, не жмись!

* * *

Местечко, куда привез Лину Павел Сергеевич Жук, оказалось и впрямь чудесным. Впрочем, ей и сравнить это «чудесное местечко» было особенно не с чем. Когда в последний раз обедала в ресторане, теперь и не вспомнить уже. Если не считать, конечно, дешевых кафешек-забегаловок, где можно было вполне демократично посидеть, справив чей-нибудь день рождения. А здесь... Здесь все было по-другому. Так сильно по-другому, что все внутри Лины Смородиной обрело и скукожилось от напряжения.

– Что с вами, Малина? – спросил Павел Жук. – Вам здесь не нравится, да?

Насмешливо спросил, или ей показалось? Нет, вроде смотрит вполне благожелательно... Или все-таки насмешничает? Вывел, мол, простолюднику в общество, как-то она себя поведет?

– Не называйте меня Малиной, пожалуйста. Меня все Линой зовут, я вам уже говорила.

– Хорошо, не буду, – покладисто согласился Жук. – Хотя Малина мне больше нравится. У меня к вам встречное предложение – называйте меня просто Павлом. И еще одно предложение – давай на «ты» перейдем.

– На «ты»? А зачем?

– Хм, зачем... Надо так! А ты что, принципиально против? Или опять приступ низкой самооценки напал?

– Если честно, то да, – призналась Лина. – Потому что я не понимаю, зачем вам все это. А когда не понимаешь, становишься беззащитной и туповатой и все время подвоха ждешь. Какая тут может быть самооценка?

– Ну да. Может быть, – закивал Павел. – Согласен. Ты какое вино любишь, белое или красное?

– Не знаю. Красное, наверное.

– И я – красное! Видишь, опять наши вкусы совпали. Здорово, правда?

Тут же как из-под земли вырос лощеный, будто сошедший с обложки

журнала молодец-официант, склонился в вежливом поклоне:

– Вам как всегда, Павел Сергеевич? Божоле?

– Да. Божоле. Моя дама, как выяснилось, тоже предпочитает божоле.

Экая удача!

Нет, все-таки насмешничает! Или... Или, наоборот, помогает? Вот сейчас бы стал молодец у нее спрашивать, какое вино дама предпочитает, а она и не знает! Будет биться с предпочтением как рыба об лед!

– А есть что ты будешь? Уже выбрала?

– Не-а... В меню все названия блюд какие-то незнакомые. Вообще, я всякая, поэтому вы закажите мне то же, что и себе.

– А почему ты опять выкаешь? – немного обиженно проговорил Павел. – Мы же договорились, что перешли на «ты»?

– Ой... – совсем смутилась Лина. – А я не могу так, сразу...

– Тогда повторяй за мной. Павел, давай выпьем вина!

– Да ну, не надо...

– Что тебе, трудно?

– Ну хорошо. Павел, давай выпьем вина!

– Молодец. А теперь – как хорошо, что ты меня сюда привел, Павел!

– Как хорошо, что ты меня сюда привел, Павел...

– Ты классный мужик, Павел, ты мне очень нравишься!

– Ты классный мужик, Па... – послушно начала Лина и осеклась. – Ой, да ну! Не буду я этого повторять!

– Почему?

– Потому! Потому что у вас... То есть у тебя... самооценка слишком высокая!

– Да. Что есть, то есть. Кстати, а что ж мы будем есть? Может, рыбу? Здесь великолепно семгу на углях готовят!

– Хорошо. Давайте семгу...

И опять официант вырос как из-под земли, словно их разговор подслушивал. Приняв заказ, бесшумно удалился, будто его и не было.

– А теперь давай поговорим, наконец, серьезно. Как ты думаешь, зачем я тебя сюда пригласил?

Вот оно! Значит, все-таки вляпалась Лина Смородина, вляпалась... И зачем, идиотка, сюда притащилась? Приключения ей захотелось, обедом с олигархом перед внуками похвалиться! Выходит, есть во всей этой истории какая-то подоплека, не зря сердце подсказывало!

– Ну чего молчишь?

– Откуда я знаю, зачем вам... Зачем тебе вздумалось со мной отобедать?

– Зато я знаю. Только давай на берегу договоримся – не сочти меня сумасшедшим после того, что я тебе скажу?

– Хорошо, – пообещала Лина. – Я постараюсь.

Рука ее непроизвольно потянулась к бокалу с вином, так вдруг пересохло в горле. Лина хлебнула со страху полный глоток, потом еще один. Но сердце все равно колотилось, вертелось в бешеной пляске, ничуть вином не успокоенное.

– Я хочу сделать тебе предложение, Лина. Выходи за меня замуж!

Третий глоток вина, подоспевший к этому заявлению, бултыхнулся спазмом и неловко упал в желудок, по пути вытолкнув из горла безобразно неудержимый кашель. Что за дурацкие шутки, в самом деле? Он что, этот Павел Жук, издевается? Так же и умереть можно, вином подавившись! Надо же, еще и с места подскочил, принялся Лину истоиво меж лопатками дубасить... Придуриваться меньше надо, и вскакивать не придется!

– Ну... Ну и шутки у вас, ей-богу... – сдавленно промычала Лина, едва откашлявшись. Воздух входил в легкие с некрасивым сипом, и глаза, наверное, потекли от напряжения.

– Прости, конечно, но я не шучу. Я же просил, чтобы ты не сочла меня сумасшедшим! И повторяю еще раз – выходи за меня замуж, Лина!

– Что, прямо сейчас? – Она попыталась вложить в вопрос как можно больше иронии. – И вообще... Я не понимаю! Вы что, развлекаетесь так, что ли? Это мода нынче такая?

– Не понял... Какая мода? Я сейчас серьезен, как никогда. Я вообще очень серьезный человек, Лина.

– Да. Я заметила. Только серьезный человек делает предложение на вторые сутки знакомства.

– Ах, ты об этом... Знаешь, я никогда особо со временем не церемонился. Что – время? И при чем здесь время? Я всегда больше себе доверял, чем времени. И все важные решения принимал именно так, сразу. И, заметь, ни разу с этим не ошибся! Ну какая разница, сейчас я тебя замуж позову или через месяц, допустим?

– Ну хватит, хватит, Павел... – выставила перед собой ладони Лина. – Будем считать, что я шутку не поняла, но оценила.

– А я повторяю, что не шучу. Я с полной ответственностью делаю тебе предложение.

– Но... Ты же ничего, абсолютно ничего обо мне не знаешь!

– Ой, да все я о тебе знаю! Сама же мне вчера всю информацию выложила! Да и она в принципе – ничто, эта информация. Главное, я тебя своим глазом увидел, внутренним. А он меня никогда не обманывает. Ты –

моя женщина, Лина. Ты вся для меня понятная, чистая, без лишних червоточин, как антоновское яблоко. Чего мне еще нужно знать? Остальные знания – уже факультатив...

– Интересно! А про мой внутренний глаз ты не хочешь спросить? Как он тебя увидел?

– Хочу, конечно. Но не буду.

– Почему?

– Потому что потом спрошу. Позже. Ты женщина, ты своим временем живешь. Поэтому пока буду довольствоваться твоим сакраментальным ответом... Ну, отвечай же!

– Что – отвечать?

– Как – что? То самое, что говорят женщины, когда им неожиданно делают предложение.

– А что они говорят? Я не знаю. Мне предложения отродясь никто не делал. Я всю жизнь матерью-одиночкой прожила. Так что извини, я и правда не знаю! Нет, а в самом деле, что они говорят?

– Они, знаешь ли, – улыбнулся Павел, – сначала томно взмахивают ресницами, потом делают сильно грустную рожицу, потом кокетливо вздыхают и лишь потом тихо произносят умирающим голосом – хорошо, я подумаю... Ты способна сейчас махать ресницами, вздыхать и умирать голосом?

– Нет. Не способна. Куда мне! – легко засмеялась Лина. – Можно, я без всех этих прикамбасов скажу?

– Давай!

– Хорошо, я подумаю!

– Молодец! Сколько времени тебе дать на раздумья?

– А что, определенный срок какой-то имеется?

– Нет, но... Три дня тебе хватит?

– Три дня?! Да мне дай бог от потрясения отойти через три дня! А думать когда?

– Ладно, уговорила. – кивнул Жук и заявил: – Тогда – четыре. И ни днем меньше!

– Слушай... – пристально посмотрела на него Лина. – А ты того... И впрямь, не сумасшедший? Как-то у меня все это в голове не укладывается.

– Нет, я не сумасшедший. Я даже более чем нормальный. Просто в некоторых вопросах чудаковатый немного. До ужаса не люблю, например, женского кокетства и стервозности. И пафоса тоже не люблю. И всяких там доказательств «любишь – не любишь» – тоже.

– То есть любви меж мужем и женой ты вообще не признаешь, что ли?

– Почему же? Как раз признаю. Только она вовсе не в доказательствах.

– А в чем?

– В ощущениях. В тех, в первых, которые самые необманные. Если сразу промелькнуло, значит – твое! Я и первую свою жену так же увидел – сразу. И нисколько не обманулся. Тридцать лет прожили, как один день, в любви и согласии.

– А сейчас она где? – спросила Лина.

– На кладбище. Год назад умерла.

– Прости...

– Да ладно.

– А дети... Дети у тебя есть?

– А как же! Восемнадцать лет обалдую, Егором зовут. В этом году школу заканчивает, в наш строительный институт поступать будет. По отцовским стопам, так сказать. Вообще-то он хороший парень, сама увидишь.

Павел протянул руку, налил Лине вина в бокал. Как хорошо, что есть вино и можно его выпить! Тайм-аут от разговора взять, иначе бедная голова не примет столько информации. Да и ситуацию она тоже слабо воспринимает, перемешались в ней информация и ситуация, вместе взятые. И это еще полбеды, что они меж собою перемешались. Главное, они ни с какого боку к ней, к бедной Лине Смородиной, не прилепляются. И не собираются даже. Одним словом – снесло голову, хоть караул кричи.

Поставив пустой бокал на стол, Лина удивленно глянула в свою тоже пустую тарелку. Это что же, выходит, она все уплела, что там было? А что такое в тарелке было? Павел говорил, вроде рыбу заказывал... Семгу, кажется. Надо же, а Лина и не поняла, что это была рыба... Ой, а время! Интересно, сколько уже времени они вот так обедают?

– Павел, а который сейчас час? – Лина подняла на него неуверенные, размытые хмелем глаза.

Он слегка отодвинул край манжета, и красивые дорогие часы блеснули надменным символом презентабельности.

– Половина третьего. А что?

– Как половина третьего? – обмерла Лина. – Не может быть!

– А чего ты так испугалась?

– Да как ты не понимаешь, у меня же обед с часу до двух! Я с обеда опоздала, какой ужас! – Лина вскочила. – Я прошу тебя, поехали скорее!

– Да ладно. Успокойся, пожалуйста. – Павел тоже вскочил и остановил ее. – Нам еще даже десерта не принесли. А здесь в десертах, между прочим, толк понимают.

– Да какой десерт, боже ты мой! Меня же... Меня же за опоздание теперь точно премии лишат! Поехали!

– Успокойся, Малина. Не суетись.

– Да как же...

– Да так! Не суетись, и все. Послушай меня, Малина. – Павел смотрел ей в глаза, и под его взглядом Лина действительно начала успокаиваться. – Сосредоточься, посмотри на меня. Вот так, хорошо. Ты помнишь, о чем мы с тобой только что говорили?

– Помню, конечно. Ты вроде как мне предложение сделал.

– Молодец! Умница. А ты обещала подумать над моим предложением. Помнишь?

– Ну да... И что?

– Малина, милая! Ты пойми, наконец... Если ты согласишься-таки принять мое предложение, тебе вообще не надо будет ходить ни на какую работу. И переживать о какой-то там премии – тоже не надо будет! И терпеть нагоняй от начальника – тоже!

– У меня вообще-то начальница...

– Значит, тем более. Зачем тебе нужна идиотка-начальница, которая только и делает, что ищет повод для лишения премии? Пошли ты ее к черту!

– Ну это сказать легко...

– И сделать тоже. Ну давай с тобой так все это представим... Допустим, что ты все положенное для своей женской деловой жизни время уже выработала, а? Ведь выработала? Я думаю, даже с гаком? Значит, пора и отдохнуть. А работать я за тебя буду. У меня это лучше получается.

– А... – опешила Лина. – Я что буду делать? Я долго отдыхать не умею...

– Ну для отдыха в этом смысле у тебя тоже времени не останется. Собой начнешь заниматься, мной, домом. Если захочешь, тусовками всякими, дамскими штучками. Салоны, спортзалы, шопинги... Да мало ли на свете приятных дамских дел!

– Ты думаешь, я во все это смогу вписаться?

– Я не думаю, я знаю. Это в трудовую незамужнюю жизнь вписаться трудно, а в ту, которую я тебе предлагаю, – нет проблем.

– Хм... – усмехнулась Лина. – Ты так уверенно все это говоришь, будто я уже подумала и согласилась.

– Прости! И впрямь, чего это я... – Павел отошел от Лины на шаг, а затем повернулся так, что Лине самой пришлось отступить и снова усесться на свой стул. Так что дальше они разговаривали уже снова сидя. –

Не буду, не буду вмешиваться в процесс твоей гордой задумчивости. Я и забыл, что ты у нас... Как бы это сказать... Несколько самобытная.

– Это ты меня сейчас обругал или похвалил?

– Нет. Скорее сам собой погордился. Сам себя по головке погладил – молодец, Пашка! Такую женщину нашел! Под стать тебе, чудаку! Нет, все-таки мой внутренний глаз меня опять не обманул. Именно ты, Малина, мне и нужна. Живая, цельная, натуральная.

Подошедший с десертом официант, не удержавшись, стрельнул в Лину коротким любопытным взглядом, пытаясь, наверное, на глаз определить степень ее живости, цельности и натуральности. Но, правда, быстро сделал лицо прежним, почтительно сладким.

Десерт оказался и впрямь всем десертам десерт! Что-то сливочно-белое с диковинными фруктами, с незнакомым сладким ароматом. Лина копнула ложкой, отправила в рот – вкусно, конечно. Только полноценного удовольствия все равно не получается. Суетно на душе, тревожно.

– Что, не нравится? – удивленно поднял брови Павел.

– Нравится. Только... все равно мне на работу быстрее попасть надо. Поедем, а? Я срочный документ не доделала, на середине бросила. Меня там с собаками разыскивают, наверное.

– А что, кроме тебя, сделать некому?

– Нет. Некому. Так уж получилось. Да и вообще, не могу я по-другому, – призналась Лина. – Всегда маетность находит, когда на меня в чем-то надеются и ждут. Наверное, это комплекс такой.

– Ну что ж, понимаю. – кивнул Павел. – Поехали.

Опять бесшумной тенью явился около стола официант, произнес почти интимно:

– На ваш счет записать, Павел Сергеевич?

Легкий кивок, полуулыбка. Пока Павел поднимался со стула, Лина уже успела вскочить, забросить на плечо сумку. Зря заторопилась, наверное. Нарушила правила достойного мадамского поведения. Но ведь и впрямь на работу надо!

– Значит, договорились насчет четырех дней? – схватил Павел за локоть Лину, когда авто остановилось около здания-муравейника и она торопливо открыла дверь, собираясь выскочить.

– Да, – поспешно кивнула Лина. – Договорились!

– А можно, я буду тебе звонить? – попросил Павел. – Ну пока ты в раздумьях пребываешь?

– Звони...

Визгливый голосок Елены Эрастовны Лина услышала, еще и не зайдя

в родную бухгалтерию. Понятно. Значит, разоряется уже по поводу ее отсутствия. Придется принять боевую стойку, что ж поделаешь...

– ...Ну наконец-то вы соизволили посетить рабочее место, Смородина! И где вы были, интересно мне знать?

Так. Надо выдержать паузу, пусть первая и самая опасная гневливость в пустоте побултыхается. Тем более Леночке, похоже, и впрямь интересно. Вон сколько злобного ревнивого любопытства в глазах. Наверняка Танька по всему офису уже разнесла, кто ее на обед пригласил.

– Позвольте мне пройти на свое рабочее место, Елена Эрастовна. Мне надо отчет доделать, – спокойно проговорила Лина.

– Да? Вы вдруг о своих служебных обязанностях вспомнили? – сощурилась начальница. – А если я сейчас по поводу вашего отсутствия комиссию организую? От вас же за версту алкоголем разит, Смородина!

– А от вас за версту табаком разит, – поморщилась Лина. – Мне тоже неприятно. А комиссию... Что ж, организуйте, пожалуйста. Пусть меня немедленно от работы отстранят. Но в таком случае отчет вам придется самостоятельно делать. Без меня. Как, справитесь?

– Ну знаете! – опешила Леночка. – Здесь я пока решаю, кто и чем должен в рабочее время заниматься! Заканчивайте с отчетом, и чтобы к вечеру он у меня на столе лежал в готовом виде! А там я уже решу, что мне с вами делать.

Развернувшись на высоких каблуках, она гордой цаплей прошествовала в свой начальственный закуток, оставив после себя разлившееся в пространстве чувство большой человеческой несправедливости. Такой большой, что захотелось ударить в него кулаком изо всей силы! Или что другое сотворить, еще круче. Например, собрать со стола и сбросить на пол все отчетные бумаги – пусть потом собирает! А еще можно просто встать и уйти, хлопнув дверью, и больше никогда не видеть кукольного начальственного личика. Да мало ли, мало ли чего можно! Раньше было совсем нельзя, а теперь...

«А что, собственно, теперь? – подумала тут Лина. – Чего это я так одухотворилась? Открывшимися возможностями, что ли? Или просто устала терпеливо сносить служебную несправедливость? Как там Павел сказал... Всё положенное для женской деловой жизни время я уже отработала? И даже с гаком? И через каких-то четыре дня...»

Стоп. Стоп! Хватит. Надо отчет сделать. До конца дня – обязательно. Иначе придется задерживаться, а этого Лине было никак нельзя. Договорные вечерние посиделки со Станиславой Васильевной тоже пока никто не отменял.

Вздохнув, она с головой погрузилась в колонки показателей, пальцы привычно и шустро забегали по клавиатуре, исполняя привычную работу. Зазвонил телефон, Лина ответила. Не отвлекаясь от экрана монитора, передала трубку Кате. Все как обычно. Все как всегда. И в то же время – не все и не так, как всегда...

Нет, что это с ней происходит, в самом деле? Вот опять вдохнула всей грудью, и вместе с воздухом будто радость в нее вошла. Отчаянная, бесшабашная радость предчувствия, как в детстве перед каникулами. Когда тянутся последние дни занятий, но брезжит впереди прекрасная летняя свобода, желанная, долгожданная, невозможная. Может, сама по себе летняя свобода и протечет обыденно, и даже наверняка обыденно, а все равно нет ощущения слаще, чем это предчувствие!

Все это так, но сегодня, сейчас-то Лина Смородина не школьница и не имеет права всякие там предчувствия себе позволять! Надо сначала разобраться в случившемся событии, осмыслить его во всех очевидностях и невероятностях. А может, оно и не с ней произошло, это событие? Да и произошло ли?

Вздрогнув, Лина потянула на себя ящик стола, нащупала пудреницу, открыла, уставилась в свое зеркальное отражение. Надо же, и на лице тоже – печать предчувствия! Губы улыбаются, глаза блестят, кожа на скулах натянута румяной крепостью, и даже мелкая сеть «гусиных лапок» подевалась куда-то, разгладилась сама по себе. Красота неопишуемая. Хоть любуйся, хоть рекламные байки слагай. Как там, в телевизоре? Эй, обратите внимание те, кому за сорок! Утренняя малина-смородина пополам с предчувствием – чудодейственный эликсир молодости! Два в одном! Спешите приобрести, это совсем недорого! Только будьте начеку те, кому за сорок, и с разбегу не обманитесь со вторым компонентом. Предчувствие – коварная субстанция, может и злую шутку сыграть...

Может, конечно. Но куда от него денешься, если все же пришло, соблазнило, позвало?

* * *

– Женюр, ты дома? А я смотрю – в твоей комнате свет горит... Как-то и непривычно даже, что ты дома!

Подперев худеньким плечом дверной косяк, Женька стояла, смотрела, как мать топчется по прихожей, снимая туфли.

– Устала, мам? Погоди, я тебе сейчас тапочки принесу.

– Давай... А чего ты дома-то? С Денисом поссорилась, что ли?

– Нет, почему... Просто я к экзамену готовлюсь, а он... У него родители завтра из отпуска возвращаются, в квартире холостяцкий бардак убрать надо.

– Ну так и помогла бы ему, чего ты!

– Да я бы помогла, только он не хочет.

– Почему?

– Не знаю, мам...

Женька вздернула вверх плечики, уныло опустила вниз уголки губ и надолго застыла в позе грустного недоумения. Помолчав, добавила осторожно:

– Он вообще сегодня весь вечер был какой-то напряженный.

– Может, жениться раздумал?

– Нет! Нет, что ты! – замахала руками Женька. – Он парень очень серьезный, такими вещами шутить не станет. Наоборот, весь день сегодня только об этом и говорил. У нас же любовь, мам! Самая настоящая! Нам друг без друга уже никак нельзя. Тем более его никто за язык не тянул с этим предложением, он сам...

– А мне сегодня тоже предложение сделали, Жень.

– Мам, ты чего, смеешься? – перестала улыбаться Женька. – Какое предложение... Кто?!

Женькино «кто» прозвучало так испуганно резко, будто в маленьком пространстве кухни, куда они постепенно переместились из прихожей, лопнул тугой воздушный шар.

– Кто он, мам?

– Хм... А чего ты так вдруг испугалась, Жень? Это человек один... Его зовут Павел Сергеевич Жук.

– Так. Так! Ничего себе, хорошенькая фамилия! – насмешливо заговорила дочь. – Прямо скажем, очень обнадеживающая! И откуда ж он взялся, этот Павел Сергеевич Жук? Почему ты мне о нем ничего раньше не говорила?

– А я раньше и сама ничего о нем не знала, – просто призналась Лина.

– А теперь, стало быть, знаешь?

– А теперь знаю.

– Мам, ты чего? – нахмурилась Женя. – У тебя крыша не поехала, случаем? Ты ж у меня вроде с головой женщина! Это же наверняка какой-то «развод», ты чего?

– Ну почему сразу «развод», Жень...

– Да потому! Вот скажи мне, у этого твоего Павла Сергеевича ПМЖ

имеется?

– А что это такое – ПМЖ?

– А ты не знаешь? Постоянное место жительства, вот это что!

– Ах, это... Это да, Жень. Я думаю, что у него имеется просто сногшибательное ПМЖ. По крайней мере, все предпосылки для этого ПМЖ имеются. И машина имеется, и дело свое, и шикарный офис в центре города. В этом плане никакого «развода» нет. Не переживай, Жень.

– А где ты с ним познакомилась?

– В маршрутке. Хотя нет, вру. В маршрутке мы как раз и не познакомились. Мы потом с ним познакомились, когда в его машине ехали.

– А какая у него машина?

– «Лендровер», кажется. Такая большая и черная, знаешь?

– Ух ты... Классно! И что, он прямо натурально тебе предложение сделал? В смысле – замуж за него выйти?

– Ну да...

– А ты?

– А я сказала – подумаю. Вернее, он сказал, чтобы я так сказала. А ты сама-то что по этому поводу думаешь, Жень?

– А он как, ничего? Он тебе понравился, или так себе?

– Кажется, да... Кажется, понравился. И даже очень...

– Ну, и что тут думать, мам? Тут не думать надо, а чемодан побыстрому собирать – и к нему на ПМЖ! Какие могут быть еще раздумья? Если это и в самом деле не «развод», конечно... Хотя... На что нас с тобой разводить, у нас же нет ничего!

– Ты и в самом деле так думаешь?

– А почему нет, мам? Я очень даже за тебя рада буду! Даже не рада, а просто счастлива! Да это... Это же все наши проблемы решит, мам! Ты к этому своему Жуку переедешь, а мы с Денисом тут будем... Ой, как это замечательно, мам! Ты даже не представляешь, как это замечательно! Ты же нас просто от всех проблем спасешь!

– От каких проблем? – насторожилась Лина.

– Ой, да как ты не понимаешь! Мы же с Денисом учимся еще, денег на съемное жилье у нас нет, естественно. Я думаю, он из-за этого и нервничает, что пришлось бы у родителей просить... А если так – просить ничего не придется!

– Постой, постой, Жень. – попыталась охладить пыл дочери Лина. – Ишь как ты галопом вперед поскакала. Я и сама пока не знаю, что мне со всем этим делать, а ты уж и решила все за меня! И вообще – я подумать должна. Не каждый день мне такие предложения делают.

– Вот именно, что не каждый... По крайней мере, очереди из страждущих за дверью нашей квартиры точно не наблюдается. Ой, прости... Я опять хамлю, да? Прости...

Зажав ладошки меж голыми худыми коленками, Женька глянула исподлобья, по-детски вытянув губы трубочкой, протянула:

– Просто я же с тобой как с подружкой, мам... Иногда ляпну чего-нибудь, не подумав... Не обиделась, нет?

– Да делать мне больше нечего, как на тебя обижаться! – устало махнула в ее сторону ладонью Лина. – Лучше поешь чего-нибудь дай, сейчас умру с голоду.

– Ой, так пирожки же есть! – кинулась к плите Женя. – Тепленькие, с капустой! Сейчас я тебе чай сделаю!

– Пирожки? Откуда у нас пирожки? Только не говори, что сама испекла, ни за что не поверю!

– И правильно. Не верь, конечно. Это тетя Люся принесла, она час назад приходила.

– Да? – удивилась Лина. – А чего ей надо было?

– Не знаю. Тебя хотела увидеть. Еще она сказала, чтобы ты обязательно к ней сегодня зашла.

– Так поздно уже!

– Ага, она так и сказала. Если, говорит, мать поздно придет и начнет кочевряжиться, ты ей скажи, что спать не лягу, пока она не придет. Ну ты же свою приятельницу знаешь, мам!

– Да, знаю. Что ж, придется идти... Ой, а пирожки какие вкусные! Все-таки умеет Люська готовить, не то что мы с тобой!

– Так ей положено, она дама замужняя, – широко улыбнулась Женя. – Вот мы замуж пристроимся и тоже научимся, делов-то!

– М-м-м... – с удовольствием запихивая в рот второй пирожок, промычала в ответ Лина, то ли соглашаясь, то ли насмешничая. Прожевав, подскочила с места: – Я тогда чай не буду, Жень! У Люси попью...

Дружба с Люсей, соседкой с верхнего этажа, образовалась лет пять назад, и по совершенно скандальному поводу – Люся ее затопила. Причем капитально так затопила, горячей водой по только что поклеенным обоям. И одного дня свеженькая красота не простояла, вся скукожилась от бурых потоков. Лина готова была убить рыжую толстую размазную, открывшую ей дверь и бубнящую что-то извинительно невразумительное! Так ей в лицо пискляво и выпалила – приходите, мол, завтра с утра с новыми обоями и сами их клейте, и чтобы ни часом, ни днем позже! И тут же ушла, развернувшись, и только дома дала волю злым слезам. Ни на какое утро с

новыми обоями не рассчитывая, конечно же. А зря.

Утром чуть свет раздался звонок в дверь. Толстая «размазня» хозяйски шагнула в прихожую и, отодвинув Лину, до конца не проснувшись, деловито приступила к осмотру сотворенного безобразия. Так деловито, будто и не сама она его сотворила. Стояла, уперев руки в бока, языком цокала, головой качала. Потом развернулась к ней резко:

– Ну? И чего стоишь? Умывайся-одевайся, работать будем! Я мужика своего в магазин за обоями снарядила, вот, пришла посмотреть, сколько рулонов брать надо. Я думаю, шести хватит. Надо светленькие взять, тут светленькие больше подойдут. А те, которые ты поклеила, больше на крематорий похожи. Ну что это за цвет, прости меня господи?

– Нормальный цвет, терракотовый... Это сейчас очень модно... – растерянно пролепетала Лина, сжимая на груди ворот пижамы.

– Ну вот и хорошо, вот и договорились. Покупаем светленькие, от них радости больше. Сейчас мой Коля в магазин сгоняет и приступим, помолясь. К обеду, я думаю, управимся. Тебя как звать-то, психованная?

– Лина...

– А я, стало быть, Люся. Будем знакомы, значит. Одна живешь, без мужика?

– Одна...

– Оно и видно, раз дерьмового цвета обои на стены ляпаешь. Это ж надо, придумала! Ну ничего, это мы сейчас поправим...

Странно, но Лину почему-то вовсе не разозлила Люсина бесцеремонность. Наоборот, смешно было. И очень легко. Выплывала из этой бесцеремонности такая обескураживающая доброжелательность, что хотелось натянуть ее на себя, как теплую одежду в холод. И потом, относительно «дерьмового» цвета обоев Люся оказалась права. Когда общими трудами поклеили «светленькие», комната будто ожила, разнежилась в лучах солнечного света. Потом сидели на кухне, обедали, слегка выпивали за знакомство. Не знали еще, что оно в приятельство перейдет. Легкое, непритязательное, ни к чему не обязывающее. То самое, в котором душа отдыхает, долгами и претензиями не напрягаясь. Видимо, переизбыток Люсиной горячей доброжелательности очень уж удачно и безоговорочно поместился в Линину хоть и горделивую, но порой до ужаса перепуганную незащищенность. (Чего уж греха таить – была, была в ней эта незащищенность, куда ж от нее денешься в одинокой женской жизни?) Такая вот гармония у них получилась, можно сказать, взаимовыгодная.

... – Привет, Линк... – открыв дверь, бодро приветствовала ее Люся. – Молодец, что пришла. А чего щеки бледные? Опять твоя старуха всю тебя

отхлобыстила? Зря ты на это дело подписалась, Линка, ой, зря... Пойдем, я тебе хоть шиповника заварю...

Изобразив на лице нарочитую детскую самой к себе жалость, Лина ткнулась лбом в круглое Люсино плечо, покрутила головой так же по-детски капризулисто, даже похныкала немного – м-м, м-м... Нет, все-таки это хорошо – вкусить иногда с устатку хоть каплю искренней к себе жалости-доброжелательности. Вроде и никчемная штука, а хорошо.

– Есть хочешь?

– Нет, Люсь. Я пирожков твоих поела.

– А котлетку? – не отстала Люся. – Как ты любишь, с поджаристой корочкой?

– Ладно, давай, – сдалась Лина.

– Ага, ага... Садись, я сейчас подогрею...

– Ой, а это что? Вы новый холодильник купили, да?

– А ты разве еще не видела? – с любовью провела Люся по боку гордого белого красавца. – Третьего дня привезли... Дорогой, зараза, опять пришлось в кредит оформлять... Так все и бьемся, и бьемся с Колей, никак из этих кредитов не можем выползти...

Они обе вздохнули, одинаково покачав головами. Помолчали, объединенные тяжестью материальной жизни.

Все в этом доме, сколько помнила Лина, приобреталось именно так – из последних сил. Евроремонт, новая мебель, плита, стиральная машина, теперь вот, пожалте, и холодильник. Все самое дорогое, самое лучшее. На всем стояла печать головной боли просроченных платежей по кредитам и временно «забытых» долгов по друзьям и знакомым. Наверное, потому и выглядело все это, с напряжением приобретенное, по-особенному? Вещи как будто выпячивались из общего строя вперед, кичливые, гордые от своей высокой цены и презрения к местной панельной малогабаритности.

– Зато смотри, какая у него морозилка большая! – с гордым придыханием распахнула дверь холодильника Люся. – Сюда целого поросенка вместить можно!

– Ага... Хорошая морозилка... – грустно кивнула Лина, наблюдая, как Люся трепетно разглядывает полупустое нутро холодильной камеры, как бережно закрывает дверцу обратно.

– Конечно, выплаты по кредиту опять офигенные получились, но что делать, Лин, если хочется? Прямо страсть как...

– Люсь... Ты чего меня позвала-то? – спросила Лина. – Холодильником, что ль, похвастаться? Еще и котлеткой поманила...

– Ой, и правда, чего это я? – по-слоновьи протопала к плите Люся,

схватила за сковородку. – Сейчас, сейчас, погоди, будут тебе и котлеты, и какао с чаем... Вообще-то у меня к тебе дело, Лина...

– Дело? Какое?

– Шубу у меня купи, а? Норковую?

– Шубу? С ума сошла, что ли? Она ж мне на три размера велика!

– Ну и что? Перекрой и за милую душу носить станешь. Я ж почти задаром ее отдаю!

– А чего тебе вдруг приспичило?

– Ой, и не говори. Правильно ты говоришь – приспичило. Телевизор новый хочу купить. Большую «плазму». Страсть как хочу, прямо зудит во мне все! Зудит-то зудит, а денег совсем нет!

– Люсь, уймись... На кой хрен тебе эта «плазма» сдалась? У тебя же нормальный телевизор в гостиной стоит!

– Ну да, нормальный... Только он, понимаешь... В новый ремонт не вписывается. В глаза бросается, как заплатка на новых портках. А так хочется, чтобы все кругом одно к одному было. Богато, одним словом...

– Богато? – переспросила Лина, стараясь нарочито «хэкнуть» на букве «Г».

Получилось довольно выразительно – буква «г» вышла объемная и похляцки вкусная, как сало с чесноком. По крайней мере, самой понравилось – смешно было. Однако Люся, похоже, никакой смешной нарочитости в ее стараниях вовсе не заметила.

– Ну да, богато... А чего ты улыбаешься? Да, чтобы достойно было, как у людей! Что мы, хуже других?

– Да каких других, Люсь? По-моему, у вас и так все отлично!

– Да ладно, понимала бы чего... Скажи лучше – будешь покупать шубу или нет? Купи, а? Всего за двадцатку отдам!

– А сама зимой в чем ходить будешь?

– Так до зимы далеко еще!

– А мне, значит, близко?

– Так. Понятно. Не будешь брать, значит, – обиделась Люся. – Ну и фиг с тобой.

– Так у меня все равно денег нет, Люсь... – промычала Лина, с удовольствием вдыхая сочный мясной пар из подsunутой Люсей тарелки, – о боже, как вкусно пахнет... Чего ты в котлеты кладешь такое, что скулы от аппетита сводит?

– Да ничего особенного. Розмарин, петрушку... А чего денег-то нет, если на двух работах вкалываешь?

– Так у меня свадьба на носу, Люсь. Женька вроде замуж собралась.

– Иди ты! – ахнула Люся. – Это за кого же? За того крепенького боровичка, которого я давеча во дворе с ней видела?

– Ага. Наверное.

– Молодец Женек! Одобрям! – радостно воскликнула Люся. – С этим делом запаздывать нельзя, надо мужика вовремя брать, пока влюбленный да тепленький. А он из каких, Лин? Из богатых или так себе?

– Ну ты и спросила, Люсь... А что, других критериев жениховства у тебя нету?

– А какие они нынче еще могут быть, критерии-то? – удивилась Люся. – Или бедный, или богатый, других и не бывает.

– Ну уж...

– Да ладно, не умничай! Ты же знаешь, я всякого словесного украшательства не люблю, всегда говорю как есть. Чего мы меж собою-то будем жеманиться? Родители у него из каких, у женишка вашего?

– Хм... То есть как это – из каких?

– Ну, кто они? Пролетарии, торгаши, чиновники?

– Скорее всего, последние. Денис говорил, у него отец в палате недвижимости работает.

– Ого! Это уже хорошо. Я тебе всегда говорила, что твоя Женька не промахнется. А где они после свадьбы жить собираются? Я надеюсь, с его родителями?

– Не знаю. Вообще-то они самостоятельно хотят...

– Это что, квартиру снимать, что ли? Знаешь, в какую копеечку вам всем эта самостоятельность выльется?

– Знаю, Люсь. Хотя... Есть тут один вариант... Нет, он, конечно, с Женькиным замужеством никак не связанный... То есть он как бы сам по себе...

– Что за вариант?

– Ой, ладно, Люсь, отстань! – попыталась отмахнуться Лина.

– Нет уж, говори, раз начала! Терпеть не могу, когда вот так пролепечут, а потом ручонками машут – ах, оставьте! Хотя погоди... Ой, кажется, я и сама доперла! Неужели мужичонка на твоём горизонте высветился? Да? Я права, Лин?

– Да права, права, моя ты ясновидящая...

– Иди ты... Ой, Линк, ну, наконец-то! Только я не поняла... Он что, этот твой «вариант», будет помогать снятую для молодых квартиру оплачивать?

– Нет, Люсь. Он меня замуж позвал. Представляешь? Мы толком и поговорить не успели, а он сразу – и в лоб... Даже не знаю теперь, что мне

об этом думать! До сих пор в себя не могу прийти.

– Да уж, задачка... – покачала головой Люся. – Вообще-то, у серьезных людей так быстро этот вопрос не решается, сама понимаешь. А попадетсЯ какой-нибудь идиот, потом смеешься с ним, и рада будешь развязаться, да не так просто окажется... У тебя ж опыта замужества вообще никакого нет, даже самого маломальского. Так ведь?

– Так, Люся, так.

– Ну тогда я своим поделюсь, что ли...

Плюхнув полное тело на стул, Люся стянула губы гузкой, свела брови к переносью, задумалась на минуту. Вздохнув, заговорила с явными нотками интимной снисходительности в голосе:

– Замужество, Линка, вещь для любой бабы трудная. Надо, чтобы в этот костер и мужик, и баба одинаково бросались, иначе ни хрена из этой затеи не получится. У меня вот, например, только по третьей ходке все получилось.

– Хм... Как ты забавно выразилась – ходке...

– Так иначе ведь и не назовешь! Помню, с первым моим мужем так пластались, чуть до смертоубийства дело не доходило! Все решали, кто из нас в доме хозяйин. А со вторым я вроде сразу себя поставила, загнала его под каблук да намертво придавила. Ну и дальше что? Сама же потом и смаялась. Поначалу радовалась, а потом так опостылело... Зато теперь с Колей у нас полная гармония! Я ж опыта набралась, знаю теперь, как надо с мужиком обращаться. Ну да ладно, не обо мне речь. И вообще, такого опыта на словах не передашь, его на собственной шкуре выстрадать надо. Как ты? Сумеешь?

– Не знаю, Люсь. По крайней мере, ни воевать, ни под каблук загонять кого бы то ни было у меня желания не возникает. А без этого что, никак нельзя? – рассмеялась Лина, не сдержавшись, чем вызвала, похоже, крайнее Люсино недовольство.

– А чего ты веселишься, я не понимаю? Ей дело говорят, а она веселится! Ты лучше скажи, сам-то он как тебе? Душа лежит или ее уговаривать приходится?

– Если честно, то лежит, Люсь. Ой, как лежит... Упала, отжалась и встать не смеет.

– Вы не спали еще?

– Нет... Не успели как-то.

– Вот это да! – поразилась Люся. – Что за мужик, ей-богу? Ни разу с бабой не поспамши, уже и предложение делает! А ты сама-то как? Без опаски с ним в постель ляжешь? Я вот когда с Колей сходилась, шибко

этого вопроса опасалась. Думала, противно будет. А потом ничего, привыкла. Коля-то мой в этих делах, знаешь... так себе. Не орел. А с другой стороны – это ж дело не главное, лишь бы человек хороший был. Чтоб мужик в семье! Чтоб за тебя – горой! Семья, знаешь, великое дело... А этот, твой-то, он из каких? Не очень задрипанный?

– Совсем не задрипанный, Люсь, – вздохнула Лина. – Наоборот, лощеный весь, в себе уверенный.

– Так это что, он из богатых, что ли?

– Из богатых, Люсь. Если со мной да с тобой сравнивать, то очень из богатых. Он бизнесом занимается, элитное жилье в городе строит. Да ты, наверное, слышала про такую фирму – «Формат» называется?

– Да ты что, Линк?!

Люся всхлипнула, будто подавилась своим же вопросом, глядела на нее со священным ужасом, возложив пухлую руку на такую же пухлую грудь. Потом вдруг огляделась по сторонам, словно проверяла, не подслушивает ли кто. Посипев горлом, будто откашливаясь, сглотнула, проговорила тихо:

– Вот это да... Чего ж ты мне сразу-то не сказала? А я тут, как дура, опытом делюсь... Ты это... Ты забудь, что я тебе сейчас о всяких там сомнениях наговорила! Костер, не костер, постель, не постель... Конечно, фигня все это, если он богатый. Эх, и свезло же тебе, черт... Заживешь теперь как белый человек. Главное, смотри, чтоб не обманул. У них, у богатых, с этим как дважды два...

– Люсь! – крикнула Лина. – Ну что ты заладила – богатый, не богатый! При чем тут его богатство, не понимаю? Он же в первую очередь человек, мужчина...

– Да ладно, не понимает она! Человек, мужчина... Дурочку-то из себя не строй! – фыркнула Люся. – Могла бы и сразу сказать, чтоб я лишний раз сердобольностью не разорялась!

Быстрый Люсин взгляд мазнул по лицу Лины, и тут же будто высеклась, сверкнула коротким сполохом искорка отчуждения. Маленькая такая искорка, пробежала и погасла, оставив после себя запашок тяжелой неловкости.

– Я пойду наверное, Люсь... – поспешно поднялась Лина. – Поздно уже, засиделись.

– Иди, раз засиделись. Что ж. А я, главное, еще шубу ей предлагаю купить, вот идиотка какая. У тебя, поди, сейчас этих шуб будет, хоть задницей ешь...

Обиженно пыхтя, Люся молча прошествовала за Линой в прихожую,

не прощаясь, с силой захлопнула дверь – так вот тебе, дорогая! Иссяк в твой адрес поток искренней доброжелательности, уж извини. Захлебнулся неприятием твоего потенциального обогащения. Да и где нам, простым плательщикам кредитов, такие дружбы водить...

Медленно спускаясь вниз по лестнице, Лина недоуменно пожала плечами. Стало быть, закончилась дружба. А жаль. И замужества еще как такового нет, и дружбы уже нет. Ерунда, в общем. Глупость полная.

Открыв своим ключом дверь, она вошла в прихожую. Тихо, темно. Женька уже спит, наверное. Прокравшись осторожно на кухню, включила свет, огляделась зачем-то, будто впервые увидела скромную, но милую сердцу обстановку. Нет, и в самом деле, откуда у людей берется бешеная страсть к постоянному и скоропостижному бытовому обновлению? Ей-богу, непонятно. Вот, к примеру, ее старый кухонный гарнитур стоит, от бабушки еще достался. Дерево, обшито белым пластиком. И ничего ему с годами не сделалось, стоит и стоит, привычный глазу, исполняет свое кухонное предназначение. И еще сто лет простоит. А что, кому он мешает? Шкафы – они и есть шкафы.

Или вот холодильник, например. Старенький, уютный дедушка-друг. Стараются, урчит, работает. И зачем бы она по поводу нового холодильника стала убиваться, если этот работает? И телевизор, и стиральная машина... Что, в новом холодильнике будет еда вкуснее, а в новом телевизоре – передачи интереснее? Чего уж так сильно нового и крутого вожделеть, зачем вкладывать столько душевных страстей в обычное исполнение бытовых функций? Честное слово, глупо как-то. Все-таки страшная эта штука – вожделение. Наверное, как злая зараза, въедается в кровь и командует потом человеком: купи, купи! Денег нет, так в кредит возьми! Неважно, как отдавать его будешь, главное – купи, приобщись к миру имеющих!

А может, это она такая глупая, чего-то не догоняет в этих страстях приобретательства. У каждого – свои тараканы в голове, чего удивляться? Она вот, наоборот, всегда любила старые вещи, привязывалась к ним энергетически. Даже как будто договаривалась с ними, чтобы служили подольше, не доставляя хлопот с ремонтами и починками. Они и впрямь верно и преданно служили. А когда приходил срок, Лина благодарила их за хорошую службу совершенно искренне. Потом подолгу к новой покупке привыкала, снова договаривалась и снова привязывалась. Может, все это тоже не очень хорошо, кто знает?

На стене заворошились потугами старенькие часы – сейчас кукушка выскочит, вытянет смешно шею. Тоже, между прочим, птичка родная,

привычная. Ого, а птичка-то, похоже, полночь прокуковала! Ничего себе, давно уже спать пора...

Сна, хоть убей, не было. И мыслей хороших тоже не было. Крутились в голове обрывки какие-то из прошлой жизни, по содержанию незначительные. Наверное, и вся жизнь Лины Смородиной была такой вот, не очень значительной. Обыкновенной была, трудной, конечно, но и несчастной ее тоже не назовешь. Сама здорова, ребенок здоров, в хорошем институте учится – чего еще? Ах да, еще два часа утреннего счастья в этой жизни есть. Кофе, окно, йога, малина-смородина. Удовольствие от солнца, дождя, снега, быстрой легкой ходьбы. Да, свобода же от всякого приобретательского вожделения еще есть! И не приведи господь, если б с ней не случилось этой свободы! И собственное достоинство тоже есть, и самообладание, этими дарами тоже господь не обидел. Может, и не надо ей никакого замужества, а? Тем более – богатого? Может, там, в замужестве, совсем другие жизненные законы и ценности? Возьмет и потеряется в них, тоже научится вожделеть да искушаться, исходить приобретательской страстью? К тому же и опыта у нее нет, Люся права...

Тут же всплыло в памяти насмешливое лицо Павла Сергеевича Жука, сощурилось сердито глазами – я тебе покажу, мол! Ишь, засомневалась! Это в трудовую незамужнюю жизнь вписаться трудно, а в ту, которую я тебе предлагаю, – нет проблем...

Лина даже хмыкнула, будто ему в ответ, – громко и вслух. И губы сами по себе расплзлись в счастливой улыбке. И тело вдруг потянулось под одеялом, разнежилось в предчувствии телесных удовольствий. Как там давеча Люся спросила – без опаски с ним в постель ляжешь? Хм, смешно даже... Какая уж там опаска, прости господи душу грешную. Да если только его руки вспомнить, как он на прощание за талию прихватил...

Так. Надо бы как-то уснуть все-таки. Ночные мысли, они всегда бывают обманчивы. Отвлекись от них, что ли, телевизор на тихий звук включить? Бывало, раньше она хорошо засыпала под его бормотание. Где у нас пульт? Ага, на MTV обычная ночная череда музыкальных клипов хозяйничает...

Устроившись повыше в подушках, Лина с удовольствием отдалась созрцанию того, что творилось на экране телевизора. Три знакомые, приевшиеся до оскомины девчачьи рожицы вовсю хлопотали глазками и улыбками, голосили дружным трио что-то незамысловатое. Чего это они с такой страстью выпевают, надо прислушаться... Чего?! «...Мама, ну не виноватая я, не виноватая я, что не могу я без любви любить богатого...»

Приехали, называется, отвлеклась от ночных мыслей! Да что они там,

с ума все походили с любовью-богатством в одном флаконе? Одно без другого уже и в песнях не слагается, что ли?

Все, спать, спать! Ну его, это MTV, с его бормотанием...

* * *

Свое прекрасное утро она проспала. Впервые за много лет – проспала! Пришлось подскакивать с постели да проводить его в неприятной сутолоке меж ванной, зеркалом и платяным шкафом. Никакого удовольствия, черт побери.

Выскочила из подъезда, огляделась лихорадочно в тайной надежде – не затаилась ли поблизости большая черная машина с водителем Колей? И тут же себя одернула – не надо так суетиться! Все, что вчера произошло, и было вчера. Надо себя в руках держать. Может, оно, это произошедшее, давно одумалось, посерьезнело и помахало ручкой в ее сторону... А она даже и думать об этом не будет! Да, совсем не будет! Потому что так не бывает, на самом деле. Надо себе отчет дать – не бывает!

Однако все равно думалось. И пока в переполненном автобусе толкалась, и пока за рабочий стол усаживалась – все думалось. И не так, чтобы конкретные мысли-вопросы в голове вставали и четкого ответа требовали, вовсе нет. Просто гуляло по организму беспорядочное нытье, тосковало по вчерашнему ощущению предчувствия...

Когда заверещал в сумке мобильный – подскочила на стуле, как ужаленная! Выхватила из сумки, сердце зашлось, глянула на дисплей... Нет. Это всего лишь Женька звонит, просит ей денег на мобильный закинуть.

Хорошо, хоть после Женькиного звонка отрезвилась немножко. Чего это она, в самом деле, так расклеилась? Вон работы невпроворот. Не успела за стол сесть, как милая начальница Елена Эрастовна бумаг уже всяких понатаскала. И все – срочные. Подойдет, сунет Лине под нос, еще и грозно коготком сверху постучит, что означает – это, мол, очень, очень срочно!

И снова – звонок. И снова – подскок на стуле и сердце кульбитом в пятки. Буквы на дисплее скачут расплывчато – «Дина звонит»... «Да, Дина, конечно. Станислава Васильевна здорова. Да, конечно, вечером. Что? Мимо едете, сможете подвезти? Огромное, огромное вам спасибо. Да, в машине поговорим...»

А может, вообще этот мобильный отключить к чертовой матери, чтобы не унижать себя ожиданием? И с чего она взяла, что он должен звонить?

Сказал же – думать четыре дня. Вот она и будет думать. Нет, все-таки дурацкая, дурацкая ситуация! О чем она думать должна? Вылить бы сейчас холодное ведро воды себе на голову, встряхнуться да начать жить как раньше, легко прыгая из одной жизненной трудности да несправедливости в другую. Главное, чтоб получалось легко! И чтоб никто ножку не подставлял, не искушал всякими там предчувствиями.

Решено, она так и поступит. Выключит мобильный, включит достоинство и терпение. И – с головой в работу. Вон опять Эрастовна каблуками цокает, очередную бумажку тащит. Давай, тащи, чего уж. Я все сделаю. От зарплатной необходимости никуда не денешься, пока Женькин институт еще два года тянуть надо. А потом... А потом я пошлю тебя так далеко, дорогая Эрастовна, что ты с ног собьешься, прежде чем еще одну такую терпеливую идиотку найдешь!

Интересно, о чем это Дина с ней хочет поговорить? Если опять продуктовые чеки изучать будет, то и огрызнуться придется. Нет, в самом деле! Когда договор заключали, насчет унижения не уговаривались! По договору у них «дружественный» ужин с ее неврастенической мамашей, и все. И пусть еще спасибо скажет, что покупку продуктов для ужина Лина на себя взяла. А может, у них это вообще семейное – унижением развлекаться? Может, и дочка, как мама, ищет в нем доказательства своего «флера избранности»?

Стоп, стоп... Чего это она себя вдруг накрутила? То Эрастовну страсть как захотелось подальше послать, то на Дину огрызнуться... Так, пожалуй, и сама неврастеничкой станешь. Вот что значит – лишить себя утреннего двухчасового удовольствия! Весь день как на иголках...

Тем не менее рабочий день, каким бы ни случился, а подошел к концу. Лина включила телефон, пролистав строку «пропущенных вызовов» – нет, никакого звонка не было... И как это надо понимать, уважаемый Павел Сергеевич? Это у вас шутки такие, да? А может... вы тоже подобным образом доказательств своего «флера избранности» жаждете? Если так, то это совсем уж глупо...

Так Лина и села к Дине в машину – и вместе с чувством попранного достоинства, выпалила ей прямо в лицо:

– Если вы сейчас потребуете от меня чек на покупку продуктов, то я буду вынуждена разорвать наш договор! Вы что, не понимаете, как эта проверка меня унижает?

Дина, вздернув брови, вдруг улыбнулась вполне благожелательно. Хмыкнув, легко тронула ключ зажигания, молча вырулила на проезжую часть. Потом повернула к Лине довольное лицо:

– Все с вами понятно, Лина. Значит, и вас таки довела моя мамочка до точки кипения. А я уж сомневаться начала, грешным делом...

– В ком сомневаться? Во мне?

– Да нет. В себе. Знаете, как-то нехорошо сознавать себя плохой дочерью. Какая бы ни была, она мне мать все же... Вроде как терпеть надо. А теперь вижу – моя мамочка любого может до нервного срыва довести. Выходит, я совершенно правильно поступаю, что ограждаю себя...

– Значит, вы только за этим приехали? – вскипела Лина. – Чтобы тест на мое терпение провести?

– Ну да... А что?

– Да ничего. Между прочим, с моими нервами все в полном порядке. Я вообще девушка сильная, так что не надо на мне эксперименты ставить. Относительно экспериментов, кстати, мы тоже не договаривались.

– Ого... Как вы отвечаете, однако! Вы такая смелая и решительная, да? Не боитесь, что я обижусь?

– Нет. Это вам надо бояться, Дина, – вмиг успокоившись, сказала Лина. – А мне бояться нечего. Я свободна.

– Да? А по-моему, тот, кто до такой степени нуждается в деньгах, уже не свободен...

– У каждого своя оценка свободы, Дина. Не будем об этом спорить. И вообще, я очень устала, помолчим лучше...

Так и ехали дальше – в неуютном молчании. Откуда ему было взяться – уютному-то? И чего Дина хотела, интересно? Чтобы Лина в жалобы на свою бедную несчастную жизнь кинулась? Да не дождется! Жизнь как жизнь, вполне сносная. Кстати, надо ее попросить, чтобы прямо под матушкиными окнами не останавливалась, не наносила травму старушке. Если уж так стремится себя «от общения оградить».

Вид у Станиславы Васильевны, когда Лина к ней вошла, был совершенно загадочный. Интересно, к чему бы это? Ах да, понятно. Вон, на кухонном столе шкатулка стоит. Сегодня, стало быть, драгоценностями похвалиться будем. Что ж, вполне даже безобидное занятие. Как детский стишок – а у нас водопровод, вот!

– Что я сейчас вам покажу, Линочка! Даже и представить себе не можете! Вы, наверное, такой прелести и не видели никогда!

– Да, Станислава Васильевна, – изобразив заинтересованность, проговорила Лина. – Покажите, конечно.

– Вот, посмотрите... Это мне Диночка на мое семидесятилетие подарила...

Маленькая коробочка, трепет пальцев, любовное поглаживание по

синему бархату, тихий вдох. На выдохе – торжественное распаивание крышки, взгляд острый и торжествующий, ну точно как у похваляющегося ребенка: вот смотрите, что у меня есть!

– Прелесть, правда? Вам нравится, Линочка?

И – затаилась в ожидании эмоций. Даже в груди что-то пропищало силло и тоненько. Ну как тут не выдать порцию восторга, не порадовать бедную старушку?

– Да, Станислава Васильевна. Очень красивое колечко! У вашей Дины хороший вкус.

– Колечко?! Что вы говорите, Лина! Это же подвеска, а не колечко! Неужели вы даже не удосужились разглядеть?!

– Простите... Простите, Станислава Васильевна! – принялась оправдываться Лина. – Я целый день за компьютером, глаза к вечеру ничего толком не видят...

– Но вы хоть разглядели, какой здесь камень? Это же бриллиант! Видите, как сверкает?

– Да. Очень красивый.

– Ну что вы заладили – красивый, красивый... Он же не просто красивый, он самый настоящий, чистой воды! У вас когда-нибудь было что-либо подобное, Линочка?

– Нет, Станислава Васильевна. Не было.

– А вот у меня тут еще и колечко есть, и серьги, тоже с бриллиантами... Но я, пожалуй, не буду вам их показывать, раз вы так... А впрочем, чего я еще ожидала? К сожалению, у вас другой менталитет, вы в этом ничего не понимаете.

– Да, Станислава Васильевна, не понимаю.

– Да! У вас вообще уровень другой!

– Другой, Станислава Васильевна. Вы чай будете? Я купила очень хороший зеленый чай...

– Экая вы, Лина... Неженственная. Я с вами о таких вещах говорю, а вы – чай, чай... Даже обидно, право слово. Очень, очень обидно.

– Да чем же я вас обидела, Станислава Васильевна?

– Не знаю. Я почему-то решила, что вам все это на себя примерить захочется, в зеркало посмотреть...

– Нет. Не хочется. А зачем?

– Ох, какая же вы! Ну вот представьте себе... Закройте глаза и хотя бы на одну секундочку представьте... Вот выходите вы из своего дома, а в ушах у вас серьги, на пальце – кольцо, на груди – подвеска, и все это – с большими бриллиантами! Представили?

- Ну допустим... И куда я во всем этом направляюсь?
- Не знаю... Куда вы всегда ходите?
- На работу, например.
- Ну представьте, что вы идете во всем этом на работу... – Старушка явно входила в азарт. – Идете, и на вас все смотрят... Что вы при этом чувствуете, Лина?
- Да вроде неловкость какую-то, Станислава Васильевна. Я же на работу в автобусе ееду, и как я буду в толпе толкаться, вся бриллиантовая?
- Ну а если представить, что вы не в автобусе едете, а, например, в шикарной машине? Что вы тогда будете чувствовать?
- Хм... Не знаю... А что такое особенное я должна чувствовать, по-вашему?
- Как – что? Во-первых – особенность своего положения, отличного от других. Оторванность от толпы, высшего рода отстраненность...
- А, да, да... И еще этот, как его, запаматовала... Флер избранности, вот!
- Да, если хотите! Именно бриллианты все это могут вам дать.
- Хм... Как знаки отличия, что ли? Как ордена и медали?
- Ну, зачем сравнивать? – сморщила лицо бриллиантовая старушка. – Орденами и медалями в мою бытность награждали женщин в черных промасленных робах и оранжевых жилетках. Теперь другие времена, Лина. Но не к этому я сейчас пытаюсь привести вашу мысль... Что вы еще почувствуете, если будете сидеть в шикарной машине, вся в бриллиантах?
- Ой, не знаю я, Станислава Васильевна, – с трудом сдерживая раздражение, проговорила Лина. – Больше ничего в голову не приходит. И что я еще должна чувствовать?
- А я вам скажу, Лина. Это чувство называется – неосознанное презрение ко всем остальным, кто этого не имеет. Я повторяю – неосознанное. И не верьте тому, кто будет утверждать, что это не так... Презрение появляется исподволь, оно неистребимо, оно сразу входит в состав крови... Оно требует, чтобы его постоянно подкармливали, в конце концов! Женщина, которая начинает носить бриллианты, становится неузнаваемой!
- Но я не поняла... – Тут Лине стало даже интересно. – А разве это хорошо, Станислава Васильевна?
- Ну... Я думаю, это лучше, чем пропадать в толпе сыновей и дочерей тех женщин... Тех, из моей бытности, которые в черных промасленных робах и оранжевых жилетках получали ордена...
- Простите за вопрос, Станислава Васильевна... А вы сами... Не из

тех, случайно?

– Да. Я из тех. Вернее, почти из тех. И потому я так остро сейчас чувствую избранность моей дочери. И, стало быть, свою тоже.

– Что ж, понятно...

– Вряд ли вам что-то до конца понятно, бедная моя Лина. Вот Диночка, например, прекрасно меня понимает. А вы... Нет, вам меня не понять... Знаете, мне очень скучно с вами, Лина. Слишком уж вы одноклеточная, как инфузория туфелька. Идите уже домой, хватит на сегодня...

Во как! Надо же, второй вечер подряд старушка Лину домой прогоняет! Как бы потом претензию от Дины не получить за укороченные оплаченные часы... А впрочем, это уже не ее проблема. Не будет же она силой свое «туфелькино» общение навязывать! Домой так домой, и слава богу...

Выйдя из подъезда, Лина повела плечами, стряхивая с себя Станиславины ярлыки. То есть «непонятливую», «простую», «неженственную», «одноклеточную». Ах да, еще про «инфузорию туфельку» не забыть. Вот же противная старуха! Есть, есть у нее в голосе мерзкий посыл – так и тянет всерьез обидеться. Да только – фигу ей. Пусть родная дочка на нее за свое исковерканное детство обижается, а Лине – зачем? Встряхнулась и пошла себе на остановку. Вон и маршрутка как раз подскочила, через сорок минут дома будет. А Павел Сергеевич Жук так и не позвонил...

Всю дорогу эта мысль в голове стучала – не позвонил! Не позвонил! Поглядела в окно – вот на том самом месте его в прошлый раз водитель маршрутки и подобрал... А на тех сиденьях, чуть впереди, они с ним сидели тогда, о двадцати рублях спорили. Даже, казалось, запах его распрекрасного одеколона в маршрутке остался. Хотя и не факт, что это та самая маршрутка и есть... Ну почему, почему он не позвонил?!

А может, самой позвонить? Телефон-то в списке вызовов остался. Нет, ни за что...

Так, вместе с грустными мыслями, Лина и ступила на порог квартиры, открыв дверь своим ключом. И... обомлела. Во-первых, от запаха. В прихожей явно присутствовал запах одеколона Павла Жука! Сначала показалось – обман, просто мыслями грустными навеяло, а потом... Потом она услышала его голос. Вернее, два голоса, его и Женькин, смеющиеся захлеб. Прошла по коридору на цыпочках, заглянула на кухню...

– О, а вот и мама пришла, Пал Сергеич! – обернувшись к ней, звонко протараторила Женька. – Ой, мам, Пал Сергеич такой вкусный торт принес! Сидим вот, чай пьем да тебя ждем! Давай, присоединяйся!

– Вы... Ты, Павел Сергеич, как меня нашел? Я вроде номер квартиры тебе не называла...

– Ну это не так уж и трудно было сделать, – тут же подскочил к ней Павел. – В этом подъезде Лину Смородину всякий знает. Чего ты встала в дверях, как неродная? Давай, давай, присоединяйся...

Пока Женька сутилась по кухне, наливая чай и плюхая на блюдце огромный кусок торта, Лина все сидела, смотрела на него не отрываясь. Потом почувствовала, как сами собой растягиваются в улыбке губы. Неосознанно, исподволь и неистребимо, как давеча красиво выразилась Станислава Васильевна. Надо было что-то говорить, наверное, тоже что-нибудь неосознанное и неистребимое, да только ничего такого на ум не приходило.

– Мам, а Павел Сергеевич сейчас просил у меня твоей руки... Представляешь? – на одном дыхании проговорила Женька.

Встав за его спиной, Женя вдруг выпучила глаза и быстро выставила вперед два больших пальца, что, вероятно, должно было означать – во мужик!

– И что же ты ему ответила, Жень?

Вопрос прозвучал на удивление легко, даже и неприлично как-то. Почти риторически и немного кокетливо.

– Ой, да что тут отвечать! Дала свое согласие и благословила, еще и тебя расхвалила, как могла! Рассказала о тебе всю правду, какая ты у меня добрая, умная и красивая! А Павел Сергеевич сказал, что завтра он плату за мое обучение за два года вперед перечислит...

– Женя! Да ты что! Да как тебе не стыдно! – испуганно всполошилась Лина, махнув в сторону Женьки ладонью и нечаянно заехав пальцами в кусок торта. Ойкнув, тут же потащила их в рот – облизывать. Потом снова ойкнула, глянула на Павла в полном смятении, прикусила губу от неловкости.

– Не понял... А почему ей должно быть стыдно? – схватив Лину за кисть руки, потянулся он губами к испачканным в розовом креме пальцам. – Вот если бы я не стал платить за ее обучение, тогда, может, и было бы стыдно... А так... Вполне даже нормально... Хороший крем... М-м-м... Вкусно как...

– Но... Я прямо даже не знаю... – пролепетала Лина растерянно и сглотнула, чувствуя, как от прикосновения его языка пошла от пальцев к сердцу нервная дрожь. – Как-то это все... Слишком быстро...

– А, ну да! Я и забыл, что ты четыре дня для раздумий просила! А может, ну их к лешему, эти раздумья, а, Лин? Тем более Женька уже

благословение свое дала... Чего она теперь будет с этим благословением носиться, как дурища с писаной торбой? Давай я тебя прямо сегодня заберу!

– Куда... заберешь?

– Домой, куда же еще. Я надеюсь, мы в моем доме жить станем, у вас тут тесновато будет, пожалуй.

– Но... Как же сегодня? Мне ж завтра с утра на работу надо!

– Вот мы завтра с утра с тобой и решим, куда и кому надо. А до утра еще много времени, Лин... Поехали, а?

– Но... Павел! – щеки Лины запыхали. – Я не могу так!

– Мам... Да поезжай, чего ты... – встряла в этот странный разговор Женька, глядя на нее чуть снисходительно. Так глядят умудренные опытом подруги на глупых, младших, боязливых и неопытных. Тихо вздохнув и сложив худые руки калачиком, добавила: – Никуда твоя работа не денется, мам. Чего ты как маленькая...

– Жень! Но как же я... Надо хоть вещи какие собрать, что ли!

– Потом, потом соберешь! – заторопил Лину Павел. – Вставай, поехали. Там Коля в машине уже засиделся, наверное. Тебе его не жалко, да? Ему тоже домой хочется, к жене под бок. А мы тут сидим, чай распиваем. Поехали!

Странно, но Лина и впрямь встала и послушно пошла за Павлом в прихожую, будто страшно устыдилась Колиного долгого ожидания. Машинально сунула ноги в туфли, взяла сумку, глянула на себя в зеркало. Лицо было совершенно обалдевшим. То есть удивленным, возмущенным и счастливо-радостным. Разве можно вместить на одно лицо сразу столько эмоций? Наверное, можно, если случай особенный. А значит, у нее такой и есть. Ну просто ужас какой особенный случай на ее голову! И что-то с ней дальше будет...

* * *

А дальше было все как в добротном романе. А еще лучше – как в сказке про бедную Золушку. Хотя про Золушку – это не совсем правильно. Золушка, помнится, к полночи из дворца убежала, а Лина Смородина, наоборот, в полночь только ступила на дворцовый порог.

Ступила и застыла как соляной столб. Потому что и впрямь был – дворец... Хотя бог его знает, какие они бывают, современные дворцы. Наверное, вот такие и есть. С огромным холлом-гостиной, с камином, с

широкой, устремленной наверх белой каменной лестницей, с красивой и явно дорогой мебелью. «Богато», как сказала бы Люся. Однако было во всем этом «богатстве» нечто, совсем не располагающее к пресловутому хохляцкому «г»... Достоинство какое-то было, что ли. Разумная толерантность. «Богатая» обстановка совсем не пыжилась дороговизной, наоборот, приглашала довольно доброжелательно – ну же, ступай смелее, пользуйся мной. Я совсем не претендую на превосходство над твоей человеческой душенькой, я тоже хочу быть просто другом, как твой старенький дедушка-холодильник, к примеру...

– Ну, чего ты застыла? – подтолкнул осторожно Лину Павел. – Входи!

– Да нет, я не застыла... – объяснила Лина. – Я просто не предполагала, что мы приедем в дом. Я думала, ты на Пушкинской живешь...

– Ну да, – кивнул Павел. – Там я тоже иногда бываю. Там квартира, а здесь дом. Входи давай, осваивайся! Здесь все довольно удобно устроено, я сам этот проект делал. Внизу – гостиная, наверху – несколько спален. На третьем этаже сын обитает, на четвертом – мой кабинет. Пойдем, я тебе все покажу...

– А... он сейчас дома?

– Кто?

– Сын!

– Нет. Но я думаю, на днях появится. Удрал, даже не соизволил отца в известность поставить. Знает, что я бы не отпустил, вот и удрал. У него сейчас выпускные экзамены в школе, вот он удрал в промежуток между историей да математикой...

– Куда?

– На натуру.

– Куда?!

– Да возомнил, понимаешь ли, что он художник! И чего ему в голову вдруг взбрело? Такие перспективы у парня, в институт надо поступать, а он малюет целыми днями. Думаю, это у него так, возрастное. Со временем пройдет. Только вот времени-то как раз и нет! Ну да ничего... Вот приедет, и я с ним разберусь по-мужски.

– А как он к моему появлению отнесется?

– Да очень даже нормально отнесется. Он вообще такой... Немного не от мира сего. Может, и не заметит даже.

– То есть как это – не заметит?

– Да не бойся, шучу я... Все будет хорошо, вот увидишь. Пойдем шампанское пить, надо ж отметить это великое событие! Второй раз в

жизни женюсь.

– А я... – сконфуженно пробормотала Лина, – первый раз...

– Ну так и тем более!

Шампанское ей показалось вроде как и не шампанским. Глотнула, посмотрела на Павла удивленно:

– Это – шампанское?

– Ну да... «Дом Периньон». Ничего, постепенно всему научишься. И шампанское по маркам различать, и по салонам, и по шопингам шастать. Невелика наука. У тебя водительские права есть?

– Нет, конечно. Откуда?

– Значит, придется учиться. Я тебе частного инструктора найму, в один присест экзамены сдашь. Не трусь, Малина! Ты у меня вообще скоро засверкаешь, как бриллиант...

– Хм... Да уж... – согласилась Лина. – Я засверкаю и исполнюсь презрением, неосознанным и неистребимым, и оно войдет в состав моей крови...

– Не понял... Это ты о чем?

– Да так... Просто мне сегодня одна милая старушка целую лекцию о бриллиантах прочитала. Вернее, о женщинах, которые носят бриллианты. Она сказала, что женщина, которая начинает их носить, становится неузнаваемой.

– А что? Наверное, в чем-то и права твоя старушка... Только я бы слово «неузнаваемой» заменил на другое. Недостигаемой, например. Или – неприкасаемой. Защищенной, одним словом.

– От кого – защищенной? – удивилась Лина.

– От плохой неустроенной жизни, Малина, – глядя Лине в глаза, произнес Павел. – От унижений. От стыда. От всякой другой мерзости, которую плохая жизнь любит устраивать.

– По-твоему выходит, я раньше жила в сплошной мерзости?

– Нет. Ты просто из мерзости умудрялась творить себе благо. Потому что ты умная, сильная и красивая. А поскольку ты умная, сильная и красивая, тебе там и не место.

– А где мое место?

– Здесь, рядом со мной. И я тебя туда больше ни за что не отпущу, если даже будешь кричать и сопротивляться...

Так он это сказал – и сердце Лино будто мягкими лапками сжалось. Встал, протянул руку – пойдём со мной...

Какая горячая, сильная у него ладонь. Вложила в нее пальцы – будто током пробило. И ноги совсем не идут, предательски слабнут в коленках.

Шаг, еще шаг, лестничные ступени... Господи, скорее бы уж прийти куда-нибудь! Вдох, выдох. И сердце сейчас наружу выскочит, кажется. Выдох, вдох. Ну же! Открытая дверь спальни, мягкий свет ночника... И жадный поцелуй, как спасение. Обманчивое спасение! От чего – спасение? От его горячих ладоней, от бешеного сердцебиения? Или от собственной неуклюжести в пальцах, запутавшихся в петельках-пуговицах его рубашки? Вот же незадача – какой истязатель их выдумал, эти петельки-пуговицы? Нет уж, не надо им никакого спасения, и одежек-рубашек не надо, и ничего не надо, кроме этого ненасытного, жадного и обоюдного счастливого зова плоти... Господи, неужели именно с ней, Линой Смородиной, все это происходит? Здесь, в этой спальне, на этой постели, – с ней?! И обморочный счастливый сон уже под утро...

И пробуждение, как ей показалось, с этой же мыслью пришло – неужели именно с ней?

Открыла глаза, приподняла голову, долго смотрела в безмятежное мужское лицо на соседней подушке. Боже, какое оно красивое... И как хочется протянуть руку, коснуться пальцами щек с пробившейся за ночь едва заметной щетиной и сдуть легкую прядку со лба. И уловить момент счастливого пробуждения, легкое дрожание ресниц...

Нет, все-таки смешной, очень смешной перл давеча выдала Люся, когда сомневалась в скоропалительном предложении Павла! Как там она выразилась? «Ни разу с бабой не поспамши...» Смешно! И про трусливую «опаску» – тоже смешно... Наверное, этот сильный и красивый мужчина прав – надо верить только первому зову, первому порыву души и плоти, они никогда не обманут?

О, а вот и ресницы дрогнули... Распахнулись глаза, и улыбка на все лицо! И вновь его руки, и сильное вновь объятие...

– М-м-м... Доброе утро, Малина! Давно проснулась?

– Нет... Недавно.

– А отчего меня не будишь? Мне ж вроде как встать надо... Некогда расслабляться, дела ждут. Ты не представляешь даже, сколько у меня сегодня дел, и подумать страшно!

– Почему же – не представляю? Как раз и представляю... Дела – это конечно, это прежде всего... – проговорила Лина тихо, уловив в собственном голосе некоторое трусливое смятение. Выпроставшись из рук Павла, села на постели, огляделась в поисках своей одежды.

– Эй, ты чего? – удивленно хохотнул он, дотронувшись до ее плеча. – Никак обиделась?

– Ничуть не обиделась. Почему я должна вдруг обидеться? Все было

очень замечательно. Просто... Я же тоже на работу должна... Мне нельзя опаздывать... Надеюсь, ты отвезешь меня на работу?

– Не-а. Не отвезу.

– Что?! Я не поняла то есть... В каком это смысле?

– Да в таком и есть смысле. Чего ты там не видела, на работе своей? Оставайся лучше дома, осваивайся помаленьку. Скоро Анна Николаевна придет, познакомишься.

– А кто это – Анна Николаевна?

– О, это не просто Анна Николаевна, это замечательная женщина Анна Николаевна! Наш с Егором ангел-хранитель! Появляется здесь каждый день примерно от десяти до двух, порядок наводит. Нас в это время никогда в доме не бывает. Впрочем, теперь ты сама определишь, в какое время ей следует здесь появляться. Думаю, вы найдете общий язык.

– Да, но... Как же с работой-то? – попыталась прояснить ситуацию Лина. – Я ж не могу взять и прогулять целый день!

– Почему?

– Но так же не делается, ты что! Это же... безответственно, в конце концов. И вообще, у меня там срочные бумаги, квартальный отчет надо сдавать...

– Ничего, без тебя сдадут как-нибудь. А если уж так тебя разнесло на ответственность, то можешь после обеда съездить и спокойно уволиться. Попросишь Анну Николаевну, она тебе такси вызовет. Туда-обратно съездишь, вся процедура и двух часов не займет. К пяти часам уже дома будешь.

– Почему – к пяти?

– Потому что в пять мы отправимся на дачу к моему заму, а по совместительству другу Ленке Сосновскому. У него сегодня день рождения. Заодно и познакомишься со всеми, там только свои будут.

– Погоди... Мы что, весь вечер там проведем?

– Ну да... А как еще?

– Ой... А я же не могу вечером! У меня договор, я тебе говорила...

– А... Это ты про ту старушку, да? Ее дочь тебя в компаньонки наняла?

– Да...

– Ну, здесь уж совсем проблемы нет. Позвони этой умной дочке и откажись от договора. Пусть дочка сама свою маму развлекает, уж эта канитель тебе вовсе без надобности. А хочешь, я этой дочурке позвоню? – предложил Павел.

– Нет, нет, что ты... Я уж лучше сама.

– Ну сама так сама... Слушай, а где мой мобильник, ты не видела?

– Нет...

– А часы?

– Часы? Часы вон, на тумбочке...

Протянув руку, Павел глянул на циферблат, тихо чертыхнулся и, сбросив с себя одеяло, быстро и ловко соскочил с кровати, еще и умудрившись каким-то образом поцеловать Лину в голое плечо.

– Малина, у меня катастрофа! Через полчаса бельгийские партнеры нагрянут, мы по их проекту гостиницу строим! Так что давай дальше сама, ладно? Увольняйся, звони своей хитрой вечерней работодательнице, осваивайся...

Последние слова он прокричал уже из-за соседней двери, под шум льющейся из крана воды. Надо полагать, там ванная комната устроена. Ага, вот и душ зашуршал, мягко, вкрадчиво. Надо же, как удобно – ванная комната прямо в спальне! Да и сама спальня – как произведение искусства. Одно изголовье кровати чего стоит... Вроде как роспись на камне – окошки, завитушки растений какие-то. Надо будет спросить потом, что все это означает. А окно! Какое оно огромное, солнечное... Или это не окно?

Закрутив кое-как вокруг себя шелковую простыню, Лина шагнула к окну, потянула в сторону легкую портьеру. Боже, да здесь же выход на террасу есть! Низкий столик, плетеные креслица, приятная шершавость белых каменных плит под ступнями. Внизу деревья, цветы, птицы поют... Господи, как в раю...

– Малина? Ты где?

Вздвогнув, Лина обернулась, испуганно прижимая к груди скользнувшую вниз простыню. Павел стоял в проеме, смотрел на нее, улыбаясь. Волосы мокрые, лицо свежее, чисто выбритое. Интересно, сколько ему лет?

Последняя мысль заставила Лину хмыкнуть и улыбнуться, смущенно втянув голову в плечи. Надо же, решила женщина замуж пойти! Утром встала с брачного ложа и хорошими вопросами задалась наконец...

– Ну? И чего ухмыляешься?

– Да не ухмыляюсь я вовсе... Просто думаю – я ж ничегошеньки про тебя не знаю!

– А чего такого ты хочешь узнать в первую очередь?

– Например, сколько тебе лет...

– Месяц назад пятьдесят шесть стукнуло.

– Сколько?! – тихо ахнула Лина, округлив глаза и прижав ладонь ко рту. – Пятьдесят шесть? А я думала, мы одногодки где-то... Что тебе сорок с небольшим...

– Ладно, за комплимент я тебе потом отдельное спасибо скажу, – смущенно и радостно нахмурился Павел. – А ты давай пока осваивайся, осваивайся! И с работами своими сегодня же разберись, ладно? Ну все, я ушел... Ой, погоди, чуть не забыл! Паспорт у тебя с собой?

– Нет...

– А где он?

– Дома, в тумбочке.

– Значит, не забудь сегодня еще и до тумбочки добраться.

– А зачем тебе мой паспорт?

– Как это – зачем? Я вроде тебе официальное предложение сделал, ты не забыла? Или собираешься со мной во грехе жить? Да и потом – надо же на твое имя счет открыть, карту кредитную оформить... Ну чего ты на меня так смотришь, будто в обморок падать собралась?

– Нет, я не... Я не буду падать...

– Правильно, не надо. У тебя на это дело времени нет. О, и у меня, кстати, тоже! – Павел мельком глянул на циферблат часов. – Ну все, до вечера...

Повернувшись, он быстро исчез, так и оставив свою невесту в состоянии изумления. Легкий порыв ветра принес запах цветов, ухо уловило звук шуршащих по гравию колес отъезжающей машины. Так, это что же? Выходит, она совсем одна в этом большом доме осталась? Голая, в простыне? Ой, мамочки...

В ванной на полочке Лина обнаружила вакуумно упакованную зубную щетку. Данное обстоятельство умилило – надо же, позаботился... Долго стояла под душем, не узнавая собственного тела. То есть будто его и не было совсем. Легкость была, упругость была, а тела – не было. И лицо... Прежнего лица тоже не было. Девчачье изумление с круглыми глазами глядело из зеркала, а не лицо сорокалетней женщины с трудной судьбой. И румянец – во всю щеку. Безо всякой малины-смородины образовавшийся...

Волосы послушно потянулись за ветерком фена, ловко устраиваясь в привычное каре. Так, с внешним видом вроде нормально дело обстоит. А вот с одежкой... Одежка оказалась изрядно помятой, потому что провалялась всю ночь разбросанной по полу. А что делать? Не до порядка уж было... Ладно, и так сойдет. Если по моде, то льняной костюмчик таким и должен быть, слегка помятым. Интересно, а вторая босоножка куда запропастилась? Боже, как она под кровать-то попала, интересно бы знать... И на жакете одной пуговицы нет... Может, по дороге потерялась, когда она в спальню шла? Вернее, они шли...

Так Лина и отправилась вниз, в гостиную, опустив очи долу, в поисках

несчастной пуговицы. Потом рукой махнула – разве найдешь ее в таком необъятном пространстве? Села на диван, огляделась, задумалась... Внутри все стянулось в комок от нахлынувшей вдруг неприкаянности. От объемности тишины, от хоть и благожелательной, но непривычной пока обстановки.

Тихо звякнула колокольчиком входная дверь – вошел кто-то. Лина вздрогнула, села прямо, спину вытянула. Ни дать ни взять девочка Маша из сказки про трех медведей. Как там, в сказке-то – кто здесь напроказничал? Кто ел из моей большой плошки, зарычал папа-медведь...

Вместо медведя в проеме двери показалась дородная дама в светлом брючном костюме, с заранее заготовленной улыбочивой приветливостью на лице:

– Ой, доброго вам утречка... Вы Лина, да?

– Да. Я Лина. А вы, наверное, Анна Николаевна. Здравствуйте.

– Ага, ага... А мне как Павел Сергеевич позвонил, я, знаете, сразу обрадовалась... Слава богу, думаю, наконец-то хозяйка в доме объявится! Это ж непорядок все-таки – одному, без хозяйки...

Сказала – и шасть по Лине быстрым взглядом, оценивающим. Замешкалась в опасливости – не перегнула ли палку в таком панибратском общении? Пришлось Лине ей улыбнуться ободряюще. Ничего, мол, нормально все.

– Я обычно часам к десяти сюда прихожу. – принялась объяснять Анна Николаевна. – Прибираюсь, завтрак-обед готовлю. Павел Сергеевич редко когда обедает, да и Егорушку тоже поесть не заставишь... Когда уж чуть не силой его за обеденный стол тащишь, ей-богу! Ну вот... А к двум часам я отсюда ухожу. Меня к двум уже в другом доме ждут, там хозяйка аккурат к этому времени просыпается. Вас как, такой распорядок устроит? Вы сами в котором часу просыпаетесь? Вы скажите, я к любому времени могу приноровиться...

– Не надо ни к чему принаравливаться, Анна Николаевна, – замотала головой Лина. – Пусть все идет как идет.

– Ой, правда? Ой, как хорошо... – обрадовалась Анна Николаевна. – Спасибо вам, Лина! Огромное вам спасибо!

– Да за что?

– Ну... Хотя бы за то, что на дверь не указали. Я уж знаю, как это бывает... Ой, да чего это я тут стою, разболталась... Я вам сейчас кофе сварю, завтрак приготовлю! Вы чем обычно завтракаете? Хотите овсянку? А может, сырники? А кофе какой? Черный? С молоком? С лимоном?

– С кардамоном...

Надо же, с какой вдруг тоскою из Лины это вывалилось – с кардамоном... И откуда она вообще взялась, эта тоска? Подумаешь, кофе ей сварят! Не обижать же эту милейшую женщину, в самом деле...

– Ой... – растерялась милейшая женщина. – А я и не знаю, есть ли у меня этот кардамон в хозяйстве... Но вы не беспокойтесь, я завтра же прикуплю!

– Да это не важно, Анна Николаевна. В принципе, мне все равно. Давайте лучше вместе и кофе сварим, и позавтракаем. Вы сами-то как любите? С молоком или с лимоном?

– Ой, да какой там... У меня ж гипертония, я и не помню, когда в последний раз кофе баловалась. Мне себя беречь надо, у меня внуки еще не устроенные. Один школу заканчивает, другой на втором курсе в хорошем институте учится.

– А вы давно у Павла Сергеевича работаете?

– Да уж год почти. С тех пор, как жена его умерла. У ней, царствие небесное, другая домработница была. Молодая такая, симпатичная, из хохлушек. Видать, обнаглела потом без хозяйки, приставать к мужику стала, он ее и прогнал... А что? Я думаю, так оно и было. Он же мужик особенный, к нему на одних сиськах не подластишься. Ой, чего это я болтаю ерунду всякую, вам неприятно, наверное...

– Да ничего, что вы... – торопливо глотнув кофе, который за разговором моментально сварила Анна Николаевна, сказала Лина. – Ничего, нормально все...

– А жена у него вроде хорошая женщина была, мне рассказывали. Ну не без гордости, конечно... Лишнего слова не скажет, но и ногой не топнет. Благородная, одним словом. Дай бог, и вы со временем такая же будете, – проговорила Анна Николаевна и тут же одернула себя: – Ой, простите, опять я лишнее брякнула...

Так, за разговорами, они и позавтракали. Правда, готовить ничего не стали – бутербродами обошлись. Судя по виду Анны Николаевны, она вполне осталась довольна новой хозяйкой. Еще бы – сидит, бутерброды за милую душу лопает, никаких претензий-требований не выставляет. Золото, а не хозяйка, пока в «благородную» не образовалась! Все б такие хозяйки были...

– Ой! – всполошилась вдруг она, прижав руки к пухлым щекам. – Павел Сергеевич ведь просил для вас такси вызвать! Я ж запомновала совсем... Сейчас, сейчас... У меня даже особый номерок есть, там по первому зову... Сейчас... – торопливо засуетилась она, копаясь в памяти выуженного из кармана мобильного. – Как это я запомновала, надо же...

Такси примчалось и впрямь по первому зову – уже через десять минут. И водитель попался довольно любезный. Завидев Лину на крыльце дома, подскочил с места, услужливо открыл дверцу. Нет, все это хорошо, конечно, но в какую сумму эта скорость-любезность может вылиться, интересно? Вдруг имеющейся в кошельке наличности на нее не хватит?

– Простите, а в какую сумму мне обойдется ваша услуга, можно узнать? – торопливо поинтересовалась Лина.

Водитель посмотрел на нее удивленно, хмыкнул, пожал плечами. Потом, улыбнувшись, произнес вежливо:

– Не беспокойтесь, пожалуйста. Этот заказ проходит как безлимитный. Все наперед уже оплачено.

– То есть как это – безлимитный? – удивилась Лина. – Как телефонный тариф, что ли?

– Ну да... Что-то вроде того. Клиент оплачивает сразу определенную сумму, потом пользуется услугами такси в течение месяца без ограничений.

– То есть... Я могу на целый день вас занять?

– Пожалуйста. Как вам будет угодно.

– А если я выйду и буду отсутствовать некоторое время, вы меня подождете?

– Конечно, – кивнул водитель. – Как скажете.

– Хм... Хорошо. Спасибо...

Родной «муравейник» уже вовсю кипел деятельностью – мест на стоянке практически не было, и вежливому таксисту пришлось проявить чудеса водительского мастерства, чтобы кое-как приткнуться у самого офисного крыльца. Выйдя из машины, Лина медленно поднялась по ступеням, потянула на себя стеклянную дверь. Странно, но радости от предстоящего увольнения не было. И торжества – тоже. Даже злое лицо Леночки Эрастовны за стеклом кабинетика не вызвало никаких отрицательных эмоций. Ну прибежит сейчас, потрецит над ухом собственной некомпетентной трусливостью, подумаешь...

– Смородина! Вы что, вконец обнаглели? Время – двенадцать часов! – не заставила себя ждать Леночка, возникнув над ее столом разъяренной фурией. – Я уже не знаю, какие меры наказания к вам применять, честное слово! Как на вас еще воздействовать, скажите?

– Не знаю, Елена Эрастовна... Может, розгами? – подняла на нее спокойные глаза Лина, одновременно положив перед собой чистый лист бумаги и медленно вытянув из ящика стола авторучку.

– Что?! Какими розгами? Что вы себе такое позволяете? Немедленно

займитесь отчетом, Смородина! И задержитесь сегодня, иначе не успеете ничего! Кто, по-вашему, должен за вас отчет делать?

– Вы, Елена Эрастовна. Я очень сожалею, но именно вам и придется его делать. – сказала Лина.

– Как это?

– Да так. Увольняюсь я.

– Вы... Да как вы... Как вы смеее вообще! Что вы там пишете, Смородина?

– Как – что? Заявление на увольнение.

– Но я не собираюсь его визировать! – замотала головой Леночка. – Вас никто не уволит, Смородина!

– Ну да... Прикуют наручниками к столу и заставят отрабатывать вашу зарплату. И никак иначе. Да, Леночка? Ой, простите великодушно, Елена Эрастовна...

– Так... – гневно засопела Леночка Эрастовна. – Так, значит... Ну, хорошо...

Резко развернувшись и взмахнув длинными искусственно приспособленными кудельками, она шустро выскочила из кабинета, дробно застучала каблуками в сторону начальственной приемной.

– Наверное, жаловаться пошла... – тихо прокомментировала ситуацию Катя Стогова, выглянув из-за своего монитора. – Ишь, как резво побежала! А ты что, и впрямь увольняешься, да?

– Да, Катя.

– Так ведь могут заставить две недели отработать...

– Если надо, отработаю. – кивнула Лина. – Вообще-то у нас на фирме такое правило не в чести. Вроде всех с миром отпускают. Сама знаешь – свято место пусто не бывает.

– Ну да... Только, по-моему, тебя-то как раз и не отпустят. Ты же самая компетентная, без тебя тут никак... И самая терпеливая, самая спокойная, самая выдержанная...

– Да ладно тебе, Катя! Не хвали, а то расплачусь. Мне и самой жалко отсюда уходить. Привыкла как-то...

Вежливо тренькнул внутренний телефон, Лина автоматически схватила трубку:

– Да!

– Лина, здравствуйте, – проворковал в ухо любопытный голосок секретарши Даши. – Вас Олег Петрович срочно вызывает. От него сейчас только что Ленка вышла. Ой, пардон, Елена Эрастовна. Злая как собака...

– Хорошо, Даш, иду.

– А что у вас случилось-то? – таинственным шепотом спросила Даша, когда Лина вошла в приемную. – Впервые слышу, чтобы Олег Петрович так на свою племянницу орал...

– Да ничего особенного, Даш. Просто я увольняюсь.

– У-у-у... Ну тогда все понятно. Укатали сивку крутые горки. Идите, Олег Петрович вас ждет. Два чая мне заказал. Выходит, и вы чайного уважения удостоились, надо же...

Когда Лина вошла в кабинет, Олег Петрович и впрямь проявил чудеса уважения. Вдруг подскочил из своего начальственного кресла, подвинул ей стул, сам уселся напротив, дружелюбно улыбаясь.

– О-о-о... Вижу, вижу, заявление на увольнение принесли... – скосил глазом на листок бумаги в ее руке. – А не поторопились ли вы с выводами, а, Лина... Забыл, как вас по бабушке...

– Можно просто Лина. Тем более вы меня никогда по отчеству не величали.

– А как я вас величал?

– По фамилии. Смородина я.

– Да. Помню. Смородина... Ну вот что, уважаемая Лина... Смородина. Хочу вас попросить не делать скоропалительных выводов и с увольнением не торопиться. Нет, вы не думайте, я все, все понимаю, конечно же... И обиду вашу прекрасно понимаю и абсолютно с ней согласен! Да, Лена девочка еще неопытная, и я, конечно, перегнул палку, и с зарплатой вас ощутимо обидел... Я все понимаю и все исправлю, обещаю навести справедливость в этом вопросе в самые короткие сроки!

– Олег Петрович, вы не поняли... Спасибо, конечно, за обещания, но я увольняюсь вовсе не по причине зарплатной несправедливости.

– А по какой же, если не секрет?

– Ну... Просто увольняюсь, и все.

– Темните, Лина, темните. Просто так важные решения не принимаются. Давайте мы с вами так поступим...

Вошедшая в кабинет с подносом Даша плавным замедленным движением поставила перед ними две чашки с чаем, сахарницу, вазочку с печеньем, стрельнула любопытными глазами по лицам. На секунду озлившись, Олег Петрович показал ей глазами на дверь, потом снова подобрел взором, произнес бархатисто:

– Давайте мы с вами так поступим... Я вам на две недели отпуск подпишу. Отдохнете, соберетесь с мыслями, съездите куда-нибудь, в конце концов. К отпуску вам и премиальные выпишут, и материальную помощь оформят. А когда вернетесь, зарплатный вопрос будет уже решен... Я все

понял, я вас не обижу. И с Еленой Эрастовной вопрос улажу. Она больше не будет вас... То есть с вами... В общем, эмоциональный конфликт тоже будет решен. Как вам такой вариант?

– Но, Олег Петрович...

– Вот и хорошо, и договорились! Вы пока пейте чай, я сейчас... Я к генеральному, на минуту...

Подскочив со стула, он вышел из кабинета, оставив Лину в состоянии удивленного изумления. Как просто, оказывается, у них на фирме зарплатные вопросы решаются! И впрямь – даже и настаивать на своем увольнении теперь уже неудобно. Что ж, пусть будет отпуск. А уволиться и потом можно, какая разница...

Вернулся Олег Петрович быстро, вполне довольный.

– Ну вот, я все согласовал... Пишите заявления – на отпуск и на материальную помощь, и прямо с сегодняшнего дня отдыхайте. А на время вашего отсутствия мы Ксению Борисовну вызовем. И еще... Если хотите, то Лена... Елена Эрастовна то есть... Она может перед вами извиниться.

– Нет, не надо. Это уже лишнее, Олег Петрович. Что я, изверг, что ли?

– Хм... Это у вас юмор такой, да? – вскинул брови Олег Петрович. – Интересная вы женщина, как оказалось...

– Спасибо за комплимент, – проговорила Лина, направляясь к выходу. – Заявления я в приемной оставлю. До свидания.

– Всего вам доброго, Лина... Смородина. Отдыхайте...

«Безлимитное» такси послушно распахнуло перед ней дверцу, водитель с готовностью кивнул, принимая команду ехать по новому адресу. Надо же, как удобно на такси по городу передвигаться! Едешь себе, кондиционер работает, а хочешь – ветерок в окошко дует... И времени впереди – навалом. Сейчас домой забежит, паспорт возьмет, вещички кое-какие похватает – и обратно, в дом Павла. Или... уже в свой дом? Нет, как-то в голове не укладывается...

– Жень... Ты дома? – крикнула Лина из прихожей в глубину квартиры, на ходу скидывая босоножки.

– Дома, мам...

– Боже... Что это с тобой? Ты плакала, да? Что случилось, Женечка?

От ее испуганных вопросов лицо у Женьки, и без того красное и припухшее, тут же скривилось в жалкую слезную гримаску.

– Да ну, мам... Не спрашивай лучше...

– То есть как это – не спрашивай? Что случилось, Жень? С Денисом поссорилась?

– Если бы... Он... Он вообще пропал, мам...

- Что значит – пропал?
- Ну... Я звоню, а он вообще не отвечает... С ним что-то случилось, мам! Он... Он вчера должен был с родителями поговорить насчет нас... Хотел меня сегодня с ними познакомить, на обед пригласить, а сам – пропал...
- Ой, да просто телефон дома забыл, чего ты!
- Нет, тут что-то другое... Я же ему на домашний номер тоже звонила...
- И что? – похолодела Лина.
- Да ничего. Мать его трубку взяла, я попросила Дениса к телефону позвать, а она трубку бросила. Я через пять минут снова номер набрала, и она снова не стала со мной разговаривать! Что это, мам?!
- Не знаю, Женечка...
- И я не знаю! Что мне теперь делать-то? Где его искать? Его и в академии не было.
- А ты что, к нему в академию ездила?
- Ну да...
- Зачем?
- Ой, ну как это – зачем? Я же беспокоюсь за него, вдруг и в самом деле с ним что-то случилось? Или мне надо было сидеть сложа ручки? Что делать-то, мам?
- Во-первых, давай-ка мы пойдем в ванную и умоемся. Во-вторых, успокоимся. В-третьих, чаю попьем. Ты ела сегодня хоть что-нибудь?
- Не-е-т...
- А на занятия ходила?
- Да нет же! Я ж тебе говорю, к Денису в академию ездила!
- Ну хорошо, хорошо... Иди умывайся, я тебе сейчас приготовлю чего-нибудь на скорую руку. И перестань себя изводить! Найдется твой Денис, никуда не денется. А если не найдется... так и бог с ним!
- Мам, да ты что?!
- Женечка, послушай меня, пожалуйста... Не надо больше звонить Денису. И по домашнему номеру тоже звонить – не надо. Наверное, его родители не хотят, чтобы он женился, понимаешь? Дай ему самому в своей семейной коллизии разобраться. Когда страсти улягутся, он придет и сам тебе все объяснит...
- А что, по телефону объясниться нельзя, что ли? – всхлипнула Женя. – Хоть бы раз ответил... А еще говорил, любит, жить без меня не может! Кто его за язык тянул с этим предложением?
- Все будет хорошо, Женечка, вот увидишь. Успокойся.

– Да ладно, мам... Ты и сама нервничаешь, я же вижу. Вон телефон в сумке надрывается, а ты и не слышишь.

– Что? Ах да, телефон...

Выудив из сумки трубку, Лина автоматически нажала на кнопку голосового включения, рассеянно ответила:

– Да, слушаю...

– Малина, ты где? Почему не отвечаешь? С тобой все в порядке?

– Да, Павел, да. Я дома. Тут у Женечки неприятности, жених пропал...

– Ма-а-м... – возмущенно округлила заплаканные глаза Женька. – Зачем всем-то рассказывать?

– Жених пропал, жених найдется. А не найдется, так новый появится, – решительно разрубил сложившуюся ситуацию Павел. – Ты, главное, про паспорт не забудь, Малина!

– Да, я помню.

– И что мы сегодня в гости едем, тоже помнишь?

– Да, Павел, да... Слушай, а может, без меня? Ну как я дочь в таком состоянии оставлю?

– Что, все так плохо? Дай-ка ей трубку...

– Да не надо. Она вон руками машет, отказывается от моего участия.

Женька действительно изображала жестами сплошное отрицание – качала головой, махала руками, пятилась назад и даже приседала слегка. Сложила домиком брови, сделала умоляющие глаза – не надо ничего такого, мам...

– Ладно, Павел. Я приеду к пяти. Все, пока...

Нажав на кнопку отбоя, Лина вздохнула, потянулась руками к дочери, обняла за хрупкие плечи.

– Может, я все-таки останусь с тобой, малыш?

– Нет, мам, не надо. Мне сейчас лучше одной побыть. А плакать я больше не буду, честное слово. Просто ждать буду... Все равно он должен позвонить, правда? Я так люблю его, мам... Я даже и сама не понимала раньше, как я его люблю...

– Все будет хорошо, Женечка, – пообещала Лина, – вот увидишь. Все будет хорошо...

– А у тебя-то как, мам? Я смотрю, отношения вовсю развиваются? Уже и в гости тебя сегодня везут?

– Ну да...

– А куда вы едете?

– Не знаю. На дачу к кому-то.

– А что ты наденешь?

Запоздало всхлипнув, Женька отстранилась, по-деловому сощурила глаза, оглядела свою мать с головы до ног. Почесав затылок, выставила вперед указательный палец:

– Тебе надо надеть мои новые голубые джинсы! Они мне чуть велики, тебе в самый раз будут!

– Ой, Жень, ты что! – отмахнулась Лина. – Они ж молодежные, все из себя навороченные! Куда я в них?

– Нормально, мам! Для дачи – самое то! И мои белые кроссовки надень. Правда, они не новые, но вполне ничего еще смотрятся. А сверху наденешь белую льняную жилетку. Ту, фирменную, которую мы с тобой в секонд-хенде весной покупали, помнишь? На ней же не написано, что она из секонд-хенда, правда? Сейчас я тебе все это притащу...

Вздыхнув, Лина покорно стянула с себя заветный льняной костюмчик, влезла в принесенные Женькой вещи, с опаской подошла к зеркалу. Что ж, вполне даже ничего. Правда, джинсы очень уж лихо все прелести обтянули, но смириться можно. Не огорчать же дочь отказом, вон как у нее глаза живо заблестели.

– Какая ты у меня классная, мам! Я так за тебя рада, честное слово! Ну, иди давай...

– Погоди, я ж тебя покормить хотела!

– Ой, да что я, сама не справлюсь? Я ж не маленькая уже! Все со мной нормально, не переживай. Иди.

– Да, сейчас только вещи кое-какие соберу. Ах да, и паспорт еще не забыть...

Про вечерний визит к Станиславе Васильевне она вспомнила, уже подъезжая к дому Павла. Черт, как нехорошо вышло! Надо было с утра еще позвонить...

Выхватив телефон, Лина торопливо кликнула Динин номер. Трубка тут же отозвалась слегка возмущенным удивлением:

– Что у вас случилось, Лина? Почему вы звоните?

– Здравствуйте, Дина, – преодолевая робость, заговорила Лина. – Дело в том, что я больше не смогу посещать вечерами Станиславу Васильевну. Извините, так вышло.

– То есть... – очевидно, не поверила своим ушам Дина. Потому что голос у нее был соответствующий. – Как это? Вы что, с ума сошли?

– Нет, я пребываю в здравом рассудке, Дина. Вам придется найти своей матушке другую собеседницу. Еще раз извините.

– Но... Но так же не делается, что это вы, ей-богу! – закричала в трубку Дина. – Если вас не устраивает оплата, так и скажите, я добавлю!

Шантажируете меня, что ли? Пользуетесь тем обстоятельством, что мама к вам привыкла?

– Нет, я вас не шантажирую. – вздохнув, сказала Лина. – Я действительно разрываю все наши договоренности. Всего вам доброго, Дина. Прощайте.

– Нет, погодите! Как это – прощайте? Что это вы себе позволяете? Нет, я вовсе не собираюсь с вами прощаться! Где я теперь, по-вашему, другого человека найду?

– Не знаю.

– Вы обиделись на наш давешний разговор, да? – догадалась Дина.

– Ничуть. Просто так сложились обстоятельства.

– Обстоятельства? Нет, ну какие у вас могут быть обстоятельства? – в точности копируя свою мать, воскликнула Дина. – Смешно это слышать от вас! Вы хоть понимаете, сколько я вам платила? Практически – за пустяшное дело? Что вы о себе возомнили вообще?

– Да ничего я о себе не возомнила, Дина! Я понимаю, что надо было вас предупредить... Но я и впрямь не знала, что мои обстоятельства изменятся! – настойчиво поднажала Лина голосом на слово «обстоятельства», столь пренебрежительно произнесенное Диной.

– Да вы же нигде больше такого приработка не найдете, уж я-то знаю, что говорю! Подумайте, Лина, стоят ли того ваши обстоятельства? – со своим обычным тоном превосходства выпалила Дина и с растерянностью добавила: – И как мне теперь с мамой быть?

– Не знаю. Наверное, самой к ней иногда заезжать. Исполнять свой дочерний долг.

– Мне? Самой? Ну знаете ли... Вы же в курсе наших с ней взаимоотношений, вы же прекрасно понимаете, что я этого просто не смогу! В конце концов, я имею возможность себя оградить... Вы что думаете, я больше никого не смогу найти на ваше место? За такие-то деньги?

– Да. Конечно, – точно так же, как Станиславе Васильевне, поддакнула Лина, – найдете. На исполнение своего дочернего долга вы наверняка никаких денег не пожалеете.

– А что это вы... будто иронизируете? – взбеленилась Дина. – Кто вы вообще такая, чтобы мне советы давать?

– Я не советую. Вы спросили, я ответила. Прощайте, Дина.

Трубка снова захлебнулась возмущенной скороговоркой, но Лина уже не расслышала, нажала торопливо на кнопку отбоя. Что-то там было про «наглость» и «безответственность», очень пылкое, раздраженное. Ну да и

бог с ним. В конце концов, бедную Дину можно было понять, хоть и с большой натяжкой...

Павел уже шел Лине навстречу по гравию дорожки, улыбался, разглядывал ее с видимым удовольствием.

– А тебе это прикид идет, Малина! – радостно воскликнул он. – Такая ты в нем озорная. Ну-ка, покрутись... Ух ты, а сзади-то как аппетитно!

– Да ну тебя... Мы ж на дачу едем, вот я и оделась – для дачи. Вернее, это Женька меня нарядила.

– Как она? – тут же озабоченно спросил Павел. – Успокоилась?

– Не знаю... – покачала головой Лина. – Вроде обещала больше не плакать. Все равно у меня на душе неспокойно, очень уж она впечатлительная. Тем более это у нее первая настоящая любовь...

– Ничего, все обойдется, – с уверенностью произнес Павел. – Ну что, поехали?

– Поехали.

Они подошли к машине, и Коля приветливо помахал Лине через лобовое стекло. Потом, будто одумавшись, выскочил наружу, распахнул перед ней дверцу. Подсаживая, подхватил под локоток.

– Ишь ты, какой дамский угодник! – удивленно поднял бровь Павел. – А я и не замечал за тобой, Колян... Я жутко ревнивый, между прочим! Ты это учти!

– Учту, Пал Сергеич. Я это, чего подумал-то... Хорошо, что у вас тогда машину угнали! Если б не угнали, то вы бы сроду себе такую женщину не нашли.

Ничего себе, фамильярность! Хмыкнув, Лина удивленно вскинула брови, посмотрела на Колю, потом на Павла. Однако, похоже, никто ее хмыканья не заметил, мужчины продолжали увлеченно меж собою беседовать, будто ее и рядом не было.

– ...Да, тут ты прав, Колян. Ситуация у меня тогда хреновая до смешного образовалась. Ты ж в тот день – помнишь? – отпросился с обеда, я сам за руль сел, еще и к однокашнику решил по пути заскочить. Вроде днем с ним созванивались, обещал дома быть, звоню в дверь, звоню, а никто не открывает. Выхожу – нет машины!

– Так вы ж у нее дверь наверняка не закрыли! Еще и портфель на заднем сиденье оставили, как приманку. Привыкли, что я все время за рулем, вот и расслабились.

– Ну да. Выходит, расслабился. Еще и устал в тот день как собака. Выхожу от приятеля – гол как сокол! Ни машины, ни денег, ни телефона... Прощу у прохожих позвонить – все от меня шарахаются! Пришлось

голосовать... Чего только судьба с нами, с мужиками, не творит, чтобы столкнуться с нужной женщиной!

– Ага. Я и говорю – судьбоносно у вас тогда машину угнали.

Нет, зря Лина насторожилась относительно фамильярности-то. Нет тут никакой фамильярности. Вполне даже нормальный разговор двух нормальных мужиков. И ничего, что один из них начальник, подумаешь. Хороший, значит, начальник, если умеет говорить по-человечески. И ей тоже так хорошо вдруг стало, будто перетекает этот прекрасный разговор через нее, как чистый ручей по лесной поляне, журчит нежной приятностью.

Разомлев, она прикрыла глаза, возложила голову Павлу на плечо – хорошо... До чего ж приятно сознавать, черт возьми, что ты не просто сама по себе Малина Смородина, а еще и судьба чья-то! Хорошо...

Выехав из города, они свернули с шоссе на проселочную дорогу. За окнами пошел зеленой полосой июньский лес – яркий, свежий, не траченный еще пыльной жарой. Господи, когда она была последний раз в лесу? Сейчас уже и не вспомнить...

С пригорка неожиданно открылась деревня – безлюдная, неудобная. У одного из домов приткнулся старый «жигуленок», у другого – стадо гусей расположилось на зеленой полянке. Интересно, а жители-то где? И в огородах никого не видать. Странно, вроде дачный сезон начался...

– Ну вот и приехали. Сосновский уже заждался, наверное.

– У него что, в этой деревне дача? – удивленно подняла на Павла глаза Лина.

– Ну не совсем... У него дача сама по себе, на взгорке. Сейчас сама все увидишь...

Унылый деревенский пейзаж оборвался как-то вдруг, открыв перед глазами уже другую картину. Большой каменный дом-дворец, окруженный мощным бетонным забором, будто вздыбился Гулливером среди лилипутов, смотрел со взгорка на деревенскую унылость немного надменно. Подъехав к воротам, Коля нетерпеливо посигналил, и они тут же распахнулись, будто приглашая в объятия.

От крыльца дома к ним уже семенил смешной лысый человечек на толстых кривых ногах, колыхал пузом под белой рубахой. Павел первым выскочил из машины, потянулся, раскинув руки в стороны.

– А хорошо тут у тебя, Лёнька! Воздух чистый, водой пахнет!

– Ну пока еще не очень, конечно... Вот погоди, территорию до конца обустрою, тогда хорошо будет. Все руки не доходят, столько времени на эту плотину угробил! Зато месяц назад песок наконец привез, настоящий пляж

оборудовал. Ну, давай знакомь, что ли... – стрельнул он любопытными глазками, увидев, как Лина выбирается из машины.

– Здравствуйте, я Лина! – протянула ему руку Лина, улыбнувшись.

– Очень приятно, Леонид... – сграбастал он ее ладонь в обе руки, потряс осторожно, как величайшую драгоценность, и даже будто присел слегка в странном реверансе. Помолчав немного, добавил зачем-то: – Мы с Павлом друзья детства, теперь вот работаем вместе... Служу, как говорится, верой и правдой, и правой рукой... Очень рад, очень рад...

– Да ладно тебе, Ленька, расшаркиваться! – вытянул Павел ладонь Лины из вежливого плена. – Давай веди нас к гостям, что ли. У тебя нынче кто?

– Да все свои, Павлуша, все свои... Идемте, они там, за домом, на террасе. Сейчас сам увидишь, какие я там чудеса организовал!

«Чудеса» за домом открылись и впрямь великолепные! Во все стороны от широкой, увитой плющом террасы раскинулся великолепный газон с нежнейшей зеленой травкой, перемежаемой взрывами ярких цветочных островков. Выложенная белыми плитами дорожка, начинаясь прямо от террасы, мягко тянулась к песчаному берегу небольшого то ли озера, то ли прудика, в водяной глади которого игриво бултыхались последние всполохи солнечных бликов. Красота! Так и хочется, скинув обувь, пройти по белой дорожке, ступить сначала на песок, потом подойти к воде и попробовать ее голыми ступнями на ощупь. Теплая, наверное.

– Ди-и-н! Дина! Где ты там? Иди скорее сюда, у нас гости! – повелительно и в то же время несколько суетливо воззвал в сторону террасы Леонид.

От произнесенного Леонидом женского имени Лина вздрогнула. Дина?! Неужели... Да нет, этого не может быть...

На выходе из террасы действительно появилась Дина. Хотя узнать ее было трудно. Сроду не наблюдала Лина на Динином лице такого приветливого выражения, такой радушной улыбки. Даже крайнее удивление не смогло стереть с ее лица эту улыбку, пока Дина шла к ним по зеленому газону. Потом удивление сменилось крайним недоумением, а потом практически в ужас переросло, будто она приближалась к направленному на нее дулу пистолета.

– Лина?! – Голос Дины предательски дрогнул. – Лина... Это правда вы? Но как же... Да, действительно. Надо же...

– А вы что, знакомы? – удивился, в свою очередь, и Павел, поочередно переводя взгляд с ее лица на Лино.

– Да, Павел, мы знакомы, – придя в себя и тихо качнув головой,

подтвердила Лина его предположение. – Дина и есть та самая вечерняя работодательница, которая...

– Постой, постой! Оп-па... Ну надо же! – рассмеявшись, весело хлопнул он себя рукой по лбу. – Нет, как это я раньше не догадался, идиот? Ты ведь мне даже имя своей вечерней собеседницы как-то проговаривала – Станислава Васильевна! Я еще подумал – какое имя знакомое, вроде на слуху... – И, обращаясь к Дине, ухмыльнулся насмешливо: – Ну ты даешь, Динка! Как это ты мою жену к своей мамаше в компаньонки умудрилась нанять?

– Жену?! – казалось, Дину сейчас хватит удар. – Но... Паш... Но я же не знала... Извини, конечно... И впрямь, как все неловко получилось...

– Да у тебя всю жизнь так... – вдруг досадливо прошипел Леонид, бросив на супругу очень нехороший злой взгляд, – одни проблемы мне создаешь со своей мамашей...

– Но... Откуда я могла знать, Лен? Мне ее порекомендовали, она сама согласилась... Ведь правда, Лина? – подняла на Лину полные виноватого отчаяния глаза Дина.

– Правда. Конечно же, правда, – пришлось срочно прийти ей на помощь с объяснениями. – Просто Павел сейчас пошутил не совсем удачно. Никакая я ему не жена, мы познакомились всего три дня назад...

– Ну, ты даешь! Какие шутки? Во-первых, не три дня, а уже четыре! – обняв за плечо, притянул ее к себе Павел и потряс слегка возмущенно. – А во-вторых, чего это не жена-то? Самая настоящая жена, перед людьми и богом! А всякие там формальности – дело десятое, я их в два счета организую. Да, именно так! Между прочим, я никогда слов на ветер не бросаю, вон Ленка может подтвердить! А, Ленка?

– Да, да, конечно! – бодренько улыбнувшись, старательно закивал тот лысой головой. – Жук сказал, Жук сделал. Да, Лина, именно так всегда и было. И в бизнесе он этому правилу не изменяет, решения принимает спонтанные и практически безошибочные. На том и стоим.

– Да, Ленчик... Кстати, о решениях. Пойдем пошепчемся о своем, о злободневном. А девочки пусть сами по себе дружить начинают, – слегка подтолкнул Лину в сторону Дины Павел, – я вижу, там, на террасе полно всяких девочек собралось, пусть Дина мою жену всем представит.

– Да, да! Пойдем, Паш, в мой кабинет... – суетливо засеменял толстыми ножками Леонид, направляясь в сторону высокого крыльца и увлекая за собой Павла. – Я, знаешь ли, на втором этаже себе кабинет оборудовал...

Лина и Дина остались стоять вдвоем, как неприкаянные, смотрели

мужчинам вслед. Помолчав, Дина произнесла тихо:

– Да уж... Всего от Жука могла ожидать, но такого... Как видите, жизнь непредсказуема, Лина. Вчера я была вашей, как вы только что выразились, работодательницей, а сегодня... Сегодня ваша карта сверху легла. Причем козырная.

– Какая карта, Дина? О чем вы, не понимаю?

– Ой, только не надо вот этого, ладно? Все вы прекрасно понимаете! Не заметили разве, как мой Сосновский... Как он пятки Жуку лижет? Всю жизнь около него подвизается, бездарь несчастная... Тоже мне, друг детства! Вся его состоятельность только на этой дружбе и держится, сам ничего не умеет. Теперь и я еще должна с вами... дружить.

– Ну это совсем не обязательно, Дина. Я думаю, мы и без дружбы обойдемся.

– Да... Вам легче, конечно. Вы-то как раз обойдетесь. А я? Я теперь поневоле всяческие усилия должна прилагать, чтобы снискать ваше дружественное расположение, иначе этот идиот меня со свету сживет. Так что уж будьте любезны, проявите участие.

– Хм... – произнесла ошарашенная всей этой историей Лина. – Всегда считала, что дружба – дело обоюдное и по меньшей мере добровольное. И любезность с участием тут ни при чем.

– О господи... – с мукой на лице воскликнула Дина. – Да вовсе я не собираюсь вам в подруги навязываться! Я же объясняю – я видимые усилия должна прилагать... Так надо, понимаете?

– Кому – надо?

– Мужу моему надо! Он полностью от Жука зависим, он боится потерять его дружеское расположение. Я же вам объяснила уже! Нет, ну в самом деле, вам это так трудно, что ли?

– Да нет, не трудно... Просто все это странно как-то. И что я должна буду делать? На шопинги с вами ходить? В салоны?

– Да. Именно так. И по телефону тоже трещать иногда. И обниматься-целоваться при встречах.

– А если я не хочу?

Дернувшись, Дина резко вскинула подбородок, глянула, будто выстрелила. Лине даже в сторону отскочить захотелось от этого взгляда или хотя бы руками прикрыться, слишком уж там всего много было. И раздражения, и страха, и откровенного бессилия, и даже ненависти с легкой сумасшедшинкой. Видимо, сама своего взгляда испугавшись, Дина тут же прикусила губу, сглотнула нервно, спросила с коротким смешком:

– А если я вас очень попрошу? Если вас так на дружбу ломает, то хоть

просто проникнуться моими обстоятельствами можете? Чисто по-человечески? Я же вашими обстоятельствами сегодня вроде как прониклась!

– Ой ли? – усмехнулась Лина. – Так уж и прониклись? Странная вы все-таки женщина, Дина... По-моему, никогда не стоит дружбу выпрашивать.

– Нет, я не странная. Я абсолютно обыкновенная. И вообще, что вы в этом во всем понимаете? Выпрашивать, главное... А хоть бы и выпрашивать, и что с того? Просто я очень люблю свою благополучную жизнь и ради нее на все готова. Я умею ценить те удовольствия, которые мне эта жизнь дает. Между прочим, это особое женское искусство – по-настоящему любить и ценить удовольствия... Это талант, если хотите. А таланту все простить можно, даже некоторое невольное унижение.

– Да... Где-то я эту фразу уже слышала – про талантливую любовь к удовольствиям. От вашей мамы, кажется.

– А вот у вас, похоже, такого таланта совсем нет... – полностью став сама собой, брезгливо сморщилась Дина. – Бог обидел, да? Вы, похоже, из той породы женщин, которые лезут в ванну с горячей водой с единственной целью – грязь с себя смыть, им и в голову не приходит, что эта процедура относится к категории удовольствий. Нет, вы не из нашего круга, Лина, это сразу видно. И... Не обижайтесь, конечно, но зря вы в этот калашный ряд полезли. Все-таки Паша совершенно слеп... Слеп и, как всегда, непредсказуем. Он у нас вообще мастер на всякие выходки. Простите... на странные поступки.

– Дина! Диночка! – ворвался в ее страстный монолог веселый женский голос со стороны террасы. – Чего же ты нас бросила, Диночка? Мы ждем, ждем...

– Да иду! – раздраженно махнула Дина рукой, не отрывая взгляда от лица Лины.

Потом замолчала, прикрыла глаза, с трудом сглотнула. А когда их открыла – о, чудо! – они вдруг засияли благожелательностью, такой искусной в своей старательности, что и впрямь ее можно было принять за искреннюю.

– Вы простите меня, Лина... – протянув руку, дотронулась Дина до Лининового предплечья, – простите, не совладала с собой, наговорила лишнего. Я думаю, вы не станете обижаться? Тем более вы-то как раз и должны меня понять, вы же все про меня знаете! И про маму, и про тяжелое детство...

– Да я и не думала на вас обижаться, что вы. Я же любовью к

талантливым удовольствиям не измучена, слава богу, – развела руками Лина. – Я женщина в этом плане свободная, поэтому меня трудно обидеть.

– Что ж, спасибо за щедрость, – кивнула Дина. – Идемте, я вас представлять буду.

Общество на террасе собралось в основном женское, с потугами на гламур и блондинистость. Были и мужчины, конечно же, но тоже гламурно-невразумительные, ушедшие природой и сутью в свой внешний лощеный вид. Еще дама почтенных лет была, но с хорошо сохранившейся фигурой и молодой сноровкой лица, то есть играла им, как хотела, изображая девчачью наивность. Наверное, подумала Лина, пока они стояли с Диной там, недалеко, на газоне, оценочная кампания относительно ее как вновь прибывшей дамы уже совершилась. Судя по выражениям лиц – явно не в ее пользу.

– Знакомьтесь, господа! Это Лина, жена Павла Сергеевича Жука, прошу любить и жаловать! – раздался голос Дины.

Эка, как она это произнесла, с насмешливым и душераздирающим апломбом! Еще и стоит, произведенным эффектом наслаждается. Немой сценой, как в «Ревизоре».

Первой пришла в себя та самая, с хорошей фигурой и молодой сноровкой лица. Поднялась из кресла, подошла к Лине, протянула руку:

– Очень приятно! Меня Юлей зовут. А можно, простите, вопрос прямо в лоб?

– Можно и в лоб, отчего ж нет? – улыбнулась Лина, пожав плечами.

– Поделитесь опытом, а? Как это вам удалось Жука захомутать? Тут некоторые грудью на шпагат сесть готовы были, да все никак... Где вы его сцапали, уважаемая Лина?

– В смысле – сцапала? – чуть поморщилась Лина. – Где познакомилась, что ли?

– Ну да...

– Мы с Павлом познакомились в маршрутке.

– Где?!

Опять немая сцена, как в «Ревизоре». Даже Дина уставилась удивленно, будто впервые Лину увидела. Юля всхотнула вдруг, развернулась к рослой молодой девахе, застывшей с бокалом, так и не донесенным до больших и очень пухлых губ, произнесла насмешливо:

– Слышь, Снежанка! Ты-то как относительно этого варианта не доперла? Оказывается, он иногда развлекается, в маршрутках время проводит! Пролетела ты, Снежанка, как фанера над Парижем. Целый год титанических усилий – и псу под хвост...

– Можно подумать, ты, Юлечка, усилиями не напрягалась! – глотнув-таки из бокала, медленно повела плечиком девица по имени Снежана. – Я-то знаю, сколько ты бабок на массажистов потратила, между прочим! И на подтяжку в Швейцарии!

– А ты поживи с мое, трех мужей смени да после них с приличным состоянием останься, потом учить меня будешь, поняла? – грубо осаждала ее Юля и, развернувшись, грациозно уселась в кресло, положив ногу на ногу.

Дальше процедура знакомства покатила более благополучно – имена, лица, влажные рукопожатия, пьяненькие улыбки. Одно лицо мелькнуло и запомнилось трезвым внимательным взглядом, и имя тоже запомнилось – Лиза. Кто-то всунул Лине в одну руку бокал с шампанским, в другую – тарелку с едой. Лина огляделась – присесть бы куда. Та, которая Лиза, махнула ей призывно рукой, показав на выход с террасы – идите за мной...

– Вон там, за кустами, есть спокойное местечко, пойдете туда, – прихватила она Лину за локоток, – а то вы совсем растерялись, вижу...

За кустами действительно обнаружилось несколько пластиковых столов с креслами. Устроившись за одним из них, дамы глянули друг на друга вполне дружелюбно, улыбнулись.

– Меня Лизой зовут, помните?

– Да. Помню. Спасибо за участие, Лиза, – с благодарностью проговорила Лина. – А то я и впрямь потерялась немного.

– Ну, про «немного» – это вы себе льстите, конечно... – усмехнулась Лиза. – Здесь вы себя вообще никогда не найдете, и не старайтесь даже.

– Почему?

– Да потому, что вы здесь чужая. И всегда чужой будете, это же невооруженным глазом видно! Странно, как это вообще вас сюда занесло...

– Да я, собственно, и не собираюсь здесь навеки поселиться. Это чужой праздник, только и всего.

– Да нет, вы не поняли... Я не об этом конкретном месте говорю, а вообще. То есть о том образе жизни, в который вы так стремительно вляпались. Не вписываетесь вы в этот образ, понимаете? Вы из другого мира, вы... с той стороны баррикад, понимаете?

– А у нас что, война миров разве объявлена? – Лине это сравнение очень не понравилось. – Что-то я ничего про нее не слышала...

– Да ладно вам, Лина, – с умным видом прищурилась Лиза. – Все вы прекрасно понимаете. Послушайтесь моего совета – бегите обратно в свой мир. Не лезьте не в свое, не гоже рядиться в чужие одежды. Ничего из этого не выйдет хорошего, я по своему горькому опыту знаю.

- А вы, значит... обрядились в чужие одежды?
- Да. Обрядилась. Когда-то поддавалась искушению. Теперь жалею.
- Но ведь никогда не поздно...
- Поздно. В том-то и дело, что поздно...

Вздыхнув, Лиза медленно подняла бокал с шампанским на уровень глаз, сощурилась от сполоха играющего в нем запоздалого солнечного луча. Потом, еще раз вздохнув, осушила бокал до дна, со стуком поставила его на стол. Помолчав, заговорила тихо:

– Вы знаете, мы с мамой одни жили, ни отца у меня не было, ни дедушек с бабушками... Она учительницей музыки была, частными уроками подрабатывала. В доме всегда так чисто было, свежо... И будто музыкой все пространство заполнено. Моцарт, Бетховен, Шуберт... Я тоже музыке училась, даже в консерваторию поступила. Особых талантов у меня, конечно, не обнаружилось, но удовольствие, помню, от музыки получала огромное. Да, мы бедно жили, но у нас был свой мир, собственный. Такая здоровая аскеза, знаете ли, и духовная, и физическая... Как утренний свежий воздух, чистая и прозрачная. И жених у меня был – тоже из музыкантов. А потом разом кончилось все. Появился на горизонте обожатель, пухлый кошелек с деньгами. Коварный искуситель. Я замуж за него вышла... Не сразу, конечно. Поначалу напрочь отвергла, а потом уговорила себя. Хожу теперь, в чужие одежды ряженная, и сбросить их с себя духу не хватает. Затягивает, знаете ли. Есть у злата коварная особенность – оно просто так не дается, ему из той, из прежней аскезы свежий и чистый воздух подай... Вот такие дела, милая моя Лина. И никакой тебе больше музыки...

– Да. Грустная у вас история, Лиза. Только я не поняла – музыка-то тут при чем? Она ж вроде сама по себе, ею при любых жизненных обстоятельствах можно наслаждаться, было бы желание?

– Нет. К сожалению, это не так. Для духа музыки свобода нужна. Тот самый чистый воздух, если хотите. А с ними... – сделала Лиза пренебрежительный жест рукой в сторону террасы, – какая с ними может быть музыка? Для них Бетховен – всего лишь имя собаки из американского фильма...

– Да при чем тут они? Зачем вы все время на них оглядываетесь? – с удивлением воскликнула Лина. – Вы – сами по себе, они – сами по себе!

– Нет. Не все так просто, как вам кажется. У этой стороны баррикады свои правила игры, если хотите. Хочешь не хочешь, а соответствуй. Попробуй-ка открой им глаза на правду про того же Бетховена! Не поймут. Оскорбятся своим же незнанием. Или ты с ними, или против них. Вы

знаете, я иногда хожу в консерваторию – тайно от мужа... Сажу в зале, смотрю, как моя отверженная когда-то любовь на скрипке в оркестре играет. Послушаю, поплачу, тоску свою полелею, и – домой. Мне потом надолго хватает. Кстати, он до сих пор не женат...

– Так, может...

– Нет, Лина, не может. Поздно уже. Знаете, я часто возвращаюсь мыслями назад, туда, в момент искушения. Если б я именно тогда его преодолела! Что-то есть в этом моменте преодоления важное, значительное, необъяснимое. А может, оно в самой сути аскезы заложено... Не знаю. Не смогу объяснить. Так и живу с тайным диссидентством в душе. А вам искренне советую – хорошо подумайте, прежде чем... О, а это за вами идут, кажется! Все, ухожу, исчезаю...

По газону к их столику быстро шел Павел. Встав со стула и то ли улыбнувшись, то ли поздоровавшись с ним кивком головы, Лиза поплелась в сторону террасы, неся в руке пустой бокал.

– Вот ты где... А я тебя там обыскался. Слушай, Малина, тут такое дело... Нам с Ленькой срочно уехать надо, у нас маленькая неприятность возникла. Я тебя оставлю тут ненадолго.

– Ой, а можно, я лучше с тобой? – испуганно воскликнула Лина.

– Да брось! Чего ты так испугалась? Мы же быстро смотаемся! Сиди, расслабляйся... Вон уже шашлыком пахнет, скоро музыка будет, фейерверк, все танцевать начнут... Вечер только начинается, иди к гостям, отдыхай! Входи, как говорится, во вкус...

– Но, Павел...

– Все, Малина, я убежал. Не скучай, я скоро! – проговорил он уже на ходу, помахав рукой.

Оставшись одна, Лина с тоской огляделась вокруг. На террасу идти не хотелось – чего ей там? Лиза права – чужая она на этом празднике. И сидеть тут одной – тоже как-то не совсем в тему. Пожалуй, лучше пройтись. Вон там, по берегу пруда, босиком по песочку.

Скинув кроссовки, она ступила босой ногой на траву, медленно пошла к берегу. А вот и прибрежный песок – чистый, гладкий, прохладный. Вода замерла зеркалом у ног, будто приглашая – ну же, входи, не бойся... Вот бы и впрямь – взять да искупаться сейчас! Заплыть на середину прудика, побултыхаться... А потом бы костерок на берегу разжечь, обсохнуть, согреться, на вечернюю зорьку посмотреть. Тихо, без музыки, фейерверков и танцев.

Присев на корточки, Лина окунула в воду ладонь. Холодная! Да и то – кто ж это купается в начале июня? Наверное, здесь потом, в жару, будет

настоящая благодать. Вышел с террасы – и в воду! Да, очень удачное место для дачи Леонид выбрал. Такой хороший и чистый пруд прямо на участке! Только он странный какой-то – не круглый, а будто по диагонали обрезанный. Ах да, он же про какую-то плотину толковал... Интересно, что там за плотина такая? Надо пойти, полюбопытствовать.

Она медленно пошла по берегу, оставляя следы на песке. Однако песок вскоре кончился – берег стал обрывистым, для ходьбы совсем неудобным. И пасторальный пейзаж тут же исчез, оборвавшись за грядой сухих сосновых стволов. Что ж, и в лесу погулять можно, хотя бы до того бетонного ограждения добрести... Наверное, здесь граница дачного участка проходит? О! А в ограждении-то проход имеется... Хотя, наверное, это и не проход вовсе, просто бетонные плиты встали криво, образовав меж собой щель. Если слегка пригнуться, подсобраться, то пролезть можно...

За ограждением ничего интересного Лина не увидела. Тот же самый лес, только неухоженный, немного напоминающий свалку. Да уж, Леонид проблемой вывоза строительного мусора не особо напрягался! Свалил его за забором, и все дела. Хорошо хоть, вдоль ограждения пройти можно. Надо бы направо взять, на плотину же хотелось посмотреть. Там и река должна быть, наверное. Если плотина есть, значит, и река должна быть.

С небольшого взгорка Лине открылся вид на деревню. Крыши домов, огороды, дорога. Посередине – излучина реки. Только... Интересно, а сама-то река где? Берега обрывистые, пустые, лишь по дну течет слабое подобие ручейка, поблескивает полосой в лучах заходящего солнца.

– Хм... А сама-то река где? – тихо пробормотала себе под нос Лина, удивленно расставив руки в стороны. – Где река-то?

Пробормотала и вздрогнула от раздавшегося невдалеке смущенного покашливания. Обернулась, схватившись рукой за сердце. В пяти шагах от нее, примостившись на пенечке под кривой сосной, сидел пожилой мужчина вполне интеллигентного вида. То есть очень даже интеллигентного. Седая, аккуратно зачесанная назад грива волос, острый умный взгляд, выражение лица насмешливо-доброжелательное. Одет был седой «интеллигент», как она сразу мысленно его окрестила, в старые, до белизны отстиранные джинсы и наглаженную клетчатую ковбойку с коротким рукавом.

– Простите, барышня... Я не очень вас напугал, надеюсь?

– Да как вам сказать... Вообще-то я не из пугливых. А... у вас тут что, привал? – Лина рассмотрела на соседнем пеньке что-то вроде накрытого закуского стола. На аккуратной холщевой салфетке лежали куски порезанного хлеба, огурец, в пластиковом поддончике – слепленные друг с

другом кружки копченой колбасы. В одной руке мужчина держал маленькую фляжку, в другой – изумительной красоты черненую серебряную рюмку.

– Нет, у меня не привал. У меня здесь поминки.

– Что?!

– Да не пугайтесь так, барышня. Здесь у меня тело верного друга Каштана покоится, хорошая была собака, сорок дней назад схоронил. Да вы присаживайтесь на соседний пенек, гостьей моей будете. Не полагается на поминках стоять. Коньяку хотите?

– Ой, нет, спасибо... – замахала руками Лина, но на пенек все же присела. Надо же, какой дядька интересный! Поминки у него, главное.

– Ну нет так нет, ладно. Тогда, если хотите, я на ваш вопрос отвечу.

– На какой вопрос?

– Да на тот, который вы сами себе давеча задали. Куда, мол, река делась.

– А... Ну да. И куда ж она делась?

– Так вы сами, наверное, ее недавно видели. Вы ж оттуда, из-за забора сюда пожаловали? – Интеллигент показал рукой в сторону ее недавней лазейки.

– Ну да... Там сегодня у хозяина день рождения, я его гостя. А причем тут река-то?

– Экая ж вы несообразительная, право... Пруд хозяйский на территории видели?

– Да. Конечно. Очень красивый пруд.

– Ну так это и есть наша бывшая река Серебрянка... Красивый, говорите, пруд получился? Ладно, что ж... Хоть не задаром сгнула красавица, и то хорошо.

– Погодите... Как это – сгнула? Вот этот маленький ручеек... Это и есть бывшая река?

– Ну да... Так решил господин Сосновский – ни к чему нашей деревне такое удовольствие. Притащил технику, в два счета плотину соорудил. Уж третий год мы без реки живем. Ни огорода полить, ни баньку истопить, ни искупаться, ни порыбачить. На всю деревню одна действующая колонка осталась, да и та на окраине. Зато у него теперь пруд на участке есть! Эстет, чистой воды эстет ваш Сосновский.

– Он... Он не мой. Я про это... не знала ничего, честное слово! Я тут в первый раз...

– Да ладно, не оправдывайтесь. Я и сам понял, что вы не в курсе этой драмы.

– Но... Почему вы так спокойно об этом говорите? Можно же было сразу этому произволу воспротивиться!

– Воспротивиться? Хм... Это вы хорошо сейчас выразились, конечно. И как, по-вашему, мы должны были воспротивиться?

– Ну не знаю... Жалобу в сельсовет написать, в полицию, в прокуратуру...

– Ну да, ну да. Можно еще и в Организацию Объединенных Наций, к примеру. Или в Совет Безопасности, – невесело пошутил Линин собеседник. – Тоже очень хорошая контора, ничего не могу сказать.

– Это вы шутите так, что ли, я не поняла?

– Шучу, конечно. Когда на жизни целой деревни одним махом крест поставлен, только и остается – шутки шутить. Я вот всю жизнь вроде серьезным человеком был, кафедрой прикладной математики в техническом Вузе заведовал, а на старости лет, видите, пришлось шутником заделаться... А что делать? Когда у меня пять лет назад сердце прихватило, врачи посоветовали прогулки по лесам да чистый воздух. Вот мы с женой и выбрали эти места, квартиру в городе продали... Теперь вот гуляю каждый день – на дальнюю колонку с коромыслами. Час иду туда, час – обратно. Да еще и одинокой бабушке, соседке Пелагее Макаровне, надо бы воды принести. Какое ж сердце такие перегрузки выдержит?

– Но неужели вы и впрямь никак с этим произволом не боролись?

– Да бороться-то мы, конечно, боролись... То есть еще как боролись! И митинги проводили, и подписи под петицией всей деревней собирали, и в сельсовет ходили, и в полицию, как вы присоветовали, и в прокуратуру... Бабки даже анафему господину Сосновскому в церкви заказывали.

– И что?

– Да ничего, как видите. Плотина построена, реки нет. Результат сам за себя говорит. Народ на митинг больше не собирается. Все тихо и спокойно. Живем, как бог на душу положит.

– Значит, смирился народ?

– Смирился? Нет, я бы так не сказал... Здесь, понимаете ли, еще более страшная вещь произошла. Наши деревенские... они словно бы приняли произвол вашего друга Сосновского за некую аксиому. Признали. Объяснили для себя. Прониклись им на уровне знания. Как в школе дети принимают знание о том, что Волга впадает в Каспийское море. Сказали – впадает, значит, так оно и есть. Если сопротивление не принимается, значит, Сосновскому действительно все можно. Вроде того – он же богатый, стало быть, право имеет. А мы, небогатые твари дрожащие, все это принять должны как данность. Такая вот коллективная Достоевщина у

нас в деревне Серебрянке случилась. Ну скажите, не свинство ли?

– Да, пожалуй... – согласилась Лина. – Но что же теперь с этим делать?

– Со свинством-то? Да ничего, милая барышня, ничего уже тут не поделаешь... Дьявольская эпидемия богатомании совершила свою паразитическую задачу, обратной дороги нет. Скосила людей, как холера. Иной, смотришь, только вчера вроде нормальным человеком был, а сегодня уж и в нем этот вирус трепета к богатству сидит! Он, этот вирус, главное дело, сразу в мозг человеческий внедряется, питает его искушением да вожделением. Так и происходит замена. Был нормальный человек, и нет его. Одно только молчаливое уважение к «высокому», то бишь к материальному в нем и осталось, как эталон правильного нынешнего миропонимания. А отсюда, как гриб, и произрастает соответствующее уважение к пакостям «имеющего».

– Ну так уж и уважение... – не согласилась Лина. – Да включите телевизор – там же сплошные протестующие с экрана кричат!

– Это не протест, когда кричат. Это такая форма зависти. Как это, мол, у соседа есть, а у меня – нет? Да и немудрено, при наших-то социальных катаклизмах... Сначала людей в равенство-братство да в безденежье мордой тыкали, потом сразу, не дав опомниться, новые времена тяжким испытанием явились. Вот народ и не выдержал, заболел. Завожделел, запотреблял, закредитоманился. Посмотрите, какой нынче трепет вызывает пресловутая обустроенность – евроремонты, мебели... Нет, я вовсе не против комфорта как такового, просто мне за суть человеческую, растворенную в холодильнике и телевизоре, обидно... Кто он нынче, наш человек, без евроремонта и купленного в кредит автомобиля? Получается – никто. Выпал из общего ряда. Пусть он будет семи пядей во лбу и очень развит духовно, все равно – никто!

– Ну не знаю... Как-то все это слишком уж безысходно звучит. И что, никакого выхода нет?

– А в чем выход? Противопаразитные инъекции всем ставить, что ли? Или парадигму народного сознания чистить да на корню менять? И кто ж это делать станет? Нет, это не так просто, да и не выгодно никому... Я вот недавно передачку одну по телевизору посмотрел, там народ в студии возмущался по поводу отказа от миллионной премии одного нашего математика. Сколько злобных эмоций, сколько совершенно искреннего возмущения! Некоторых от гнева вообще сотрясало, только что пена изо рта не шла. Откуда, мол, такая сволочь выискалась, посмела оскорбить общество отказом от денег?! Ату его, этого математика! Все, в едином

порыве – агу! Вон его из рядов человеческих!

– Да, я тоже эту передачу смотрела. Только я как-то... Таких трагических выводов не сделала, – аккуратно возразила Лина. – Мне кажется, вы немного преувеличиваете проблему. Вот относительно чиновников – тут да, тут я согласна. На этом поприще есть где вирусу вожделения разгуляться. Наверняка Сосновский их всех подкупил, поэтому вы и проиграли борьбу за свою Серебрянку! А может, вам снова ее возобновить, борьбу-то? Сейчас вон даже указ новый вышел по борьбе с коррупцией!

– Да ладно вам, барышня... Гиблое это дело, никакая борьба с коррупцией тут не поможет. Если у чиновника вирус вожделения уже грибами разросся по всему организму, он все равно путь-дорогу к своей выгоде найдет. И полицейский, бывший милиционер, тоже найдет. Его по рукам будут указами бить, а он найдет! Все руки в кровь разобьют, все равно извернется! Все это – полумеры... Помните, как умница Булгаков сказал? Разруха, мол, в головах наших, то есть в сознании человеческом... Нет-нет, указами вирусов не убьешь и человеческое достоинство обратно не восстановишь. Потому что оно состоит в первую очередь в свободе от любой одержимости, в том числе и денежной. От одержимости надо себя сохранять в первую очередь!

– Да, да! Это вы хорошо сказали! – теперь согласилась со своим собеседником Лина. – Именно – от одержимости... Мне тоже, знаете, немного странно и обидно бывает, когда мои друзья и знакомые ни с того ни с сего исполняются великим денежным или бытовым «хотением»... Только я и не предполагала, что все это так серьезно. Вернее, я именно так все это и чувствовала, только словами выразить не могла!

– Правда?

– Да, да!

– Ну что же... Очень приятно, если так. Стало быть, я в этом лесу единомышленника обрел. Значит, не все еще потеряно. Может, такие, как вы, новых деток народят да по-другому воспитают. Или внуков, может. Надо же с чего-то начинать! Звать-то вас как, единомышленница?

– Марина Васильевна Смородина, – почему-то представилась Лина полным именем, протянув руку.

– А я – Петр Петрович Горский. Будем знакомы, Марина Васильевна. Какая фамилия-то у вас знатная – Смородина... Чисто деревенская! Будете еще раз в Серебрянке – заходите в гости. Я во-он в том доме живу, с острой крышей, который у самого берега... Вернее, у бывшего берега...

Лина проследила взглядом за его рукой, промычала утвердительно –

да, вижу, мол. Дом, стоящий у «бывшего берега», хоть и был добротным, но выглядел сиротливо, глядел окошками на обмелевшее дно реки, словно изумляясь произошедшей с ним несправедливости.

– Скажите, Петр Петрович... А раньше, когда Серебрянка жива была, вы поутру купаться ходили? С крыльца по тропинке и прямо в воду?

Вздыхнув, она ругнула себя – бог его знает, зачем такой бестактный вопрос задала. Может, просто подумалось – как это здорово, когда можно вот так, проснувшись утром, пойти и окунуться в воду... Вот Сосновский, например, захотел и организовал себе такое удовольствие. То есть просто отнял его у Петра Петровича.

– Да чего теперь о былом переживать, Марина Васильевна! Я стар, мне недолго осталось. Жаль только, дружок Каштан меня не дождался, покинул безвременно. Хорошая была собака, добрая, верная. А может, все-таки выпьете за упокой его собачьей души, а? У меня хороший коньяк, еще из той жизни остался, когда о суррогатах и не помышляли. Никому тогда и в голову такая мысль не могла прийти – суррогатный коньяк производить. Да, были времена...

– Нет, спасибо, Петр Петрович, – покаянно прижала ладонь к сердцу Лина. – Пойду я. Темнеет уже, боюсь, дырку в заборе не найду.

– Так, может, проводить вас? – сделал торопливую попытку подняться с пенька Горский.

– Нет, не надо, что вы! Я сама... Я помню, где это. Аккурат напротив свалки строительного мусора.

– Да уж, хорошая примета... Ну тогда спасибо вам за компанию, за приятную беседу! Потешили старика вниманием.

– И вам спасибо. Вы... Вы держитесь, Петр Петрович... Может, оно как-то и устроится все по-другому?

– Тогда и вы – держитесь! Держите себя изо всех сил в достоинстве да в свободе от одержимостей, не поддавайтесь искушениям. Счастья вам, милая женщина.

– И вам тоже, Петр Петрович. Прощайте...

Сумерки совсем сгустились, когда Лина добрела до дырки в заборе. Пока шла по лесополосе, со стороны дома нарастали звуки музыки – невнятное «бум-бум» постепенно переходило в знакомую, запетую до состояния обморочной скороговорки мелодию. Надо же, господа господами, а музыку слушают самую примитивную, простонародную..

Обогнув декоративные кусты, Лина ступила на газон, нехотя поплелась на свет китайских фонариков, под которыми вовсю происходили именные пляски. Гости не танцевали, они именно плясали. Потешались.

То есть очень старались изображать лицами и телами некоторую нарочитость – ах, посмотрите, как мы под эту простоватую музычку балуемся! Приелись нам спаржи с устрицами, нам простотой поиграть хочется, селедочкой да под водочку! Вон и Дина, подняв вверх бокал и прикрыв глаза, изгаляется в незамысловатой пляске. И Лиза с ней рядом вьется!

Впрочем, угадывалось-таки за этой нарочитостью неподдельное, истинное удовольствие. Надо бы его сокрыть, конечно же, а оно ползет наружу, и никакими стараниями его не прикроешь! Уж больно вкусовые ощущения знакомые, для души родные... А стараться-то все равно надо, держать лицо в насмешливости.

Подойдя к Дине, Лина тронула ее за руку, качнула головой – отойдем, мол, в сторонку. Недовольно пожав плечами, та пошла за ней, обмахивая ладонью разгоряченное танцем лицо и продолжая по инерции слегка подтанцовывать.

– Послушайте, Дина... Вы в курсе, что из-за вашей плотины вся деревня Серебрянка осталась без воды?

Дина, сфокусировав на Лине взгляд, возмущенно развела руки в искреннем недоумении. Было и еще что-то в этом недоумении – очень злое.

– Ну без воды. И что?

– Да там же всего одна колонка функционирует, и та на краю деревни!

– И что?! Вам-то какое дело? Или вы эта... как ее... революционерка Клара Цеткин? Роза Люксембург, да?

Дина вдруг захохотала так громко, что все танцующие с интересом оглянулись. Потом, словно испугавшись собственного смеха, Дина припала к бокалу с шампанским, осушила его до дна. То ли вздохнув, то ли всхлипнув, приблизила к Лине подернутые пьяной поволокой глаза и прошипела:

– А ты что, милая, решила здесь свои порядки навести, да? Из грязи да в князи выпрыгнула и теперь не знаешь, как этим обстоятельством покруче выпендриться? Или у тебя там, в деревне, близкие родственники остались?

Она собралась было еще выплюнуть парочку подобных вопросов, но вдруг застыла, вглядываясь в синеву сумерек. И тут же быстрая судорога пробежала по злему лицу, надевая на него маску приятности – глаза распахнулись, губы растянулись в милейшей улыбке. Обняв Лину за плечи и слегка развернув назад, Дина проворковала в ухо:

– Ой, а вот и наши дорогие мужчины приехали...

По газону, улыбаясь, шли им навстречу Павел со своим другом детства. Вернее, улыбался только Павел. Сосновский лишь притворился,

озабоченно оглядывая пьющую-танцующую толпу.

– Ну как вы тут, девочки? – потянул к себе Павел Лину из Дининой обнимающей руки. – Соскучились, наверное?

– Конечно, соскучились! – игриво взвизгнула Дина, неловко покачнувшись и продолжая цепляться за Лино плечо. – И шампанское без вас не пьется, и шашлык в горло не лезет!

– У-у-у, милая... Ты набралась, похоже? – с ноткой сердитой брезгливости тихо проговорил Сосновский. – Мы ж с тобой вроде договаривались... Давай отойдем на минутку, я тебе шепну пару ласковых...

Цепко ухватив за предплечье, Сосновский быстро повел жену в сторону террасы. Павел усмехнулся, прошептал Лине на ухо:

– Ну все, пропала бедная Динка... А ты чего такая кислая? Тебя никто не обидел?

– Нет. Никто меня не обидел. Просто... Я домой хочу. Давай отсюда уедем, а? Прямо сейчас? Ну пожалуйста...

Видимо, присутствовало у нее в голосе что-то такое – до крайности отчаянное. Внимательно посмотрев Лине в глаза, Павел тихо произнес:

– Что ж, давай уедем... Только уедем по-английски, не прощаясь. Пошли, пока Ленка не вернулся... Я ему из машины позвоню, скажу, что у тебя голова заболела.

Коля устроился на заднем сиденье, свернувшись калачиком. Перебравшись на водительское место, проговорил, позевывая:

– Чего-то вы рано отстрелялись, Пал Сергеич, еще и мотор не остыл... А я думал, спать сейчас залягу!

Лина начала извиняться, но Павел остановил ее. Машина тронулась.

– Ну что случилось, рассказывай! – повернулся к Лине Павел, когда миновали ворота и автомобиль помчался по улицам спящей деревни. – Я же вижу, с тобой что-то не так!

– Ничего себе – что-то не так! Да ты хоть знаешь, что вытворил твой Сосновский? – проговорила Лина.

– А что он такое успел вытворить? Мы вроде вместе уехали...

– Да нет, не сегодня! Вообще! Представляешь, он, чтобы себе на участке красивый пруд устроить, речку Серебрянку плотиной перекрыл! И теперь вся деревня осталась без реки! Всегда была с рекой, а сейчас – без реки! Ни огород полить, ни искупаться, ни баню истопить! Одна колонка на всех! А если и там воды не будет, когда упадет уровень подземных вод? Представляешь, целую деревню практически уничтожил!

– Ну так уж и уничтожил...

– Ты... – не поверила услышанному Лина. – Ты что, оправдываешь его, что ли?

– Да нет, зачем... Я ж не судья, чтобы обвинять или оправдывать. Просто... Это его дело, личное. Его дача, его территория, его менталитет.

– Менталитет?! Это что значит? Что ему все можно, так, что ли?

– Да нет... Ну понимаешь, Ленька, он вообще такой... У него чувство собственности оказалось слишком открытым, незащищенным. Это его беда.

– Не поняла, объясни...

– А чего тут объяснять? В каждом из нас живет болевая кнопка чувства собственности, только не до каждой кнопки может черт дотянуться. Или ты сам на нее нажимаешь, или черту это право отдаешь – есть разница... А черт особенно любит таких, которые ни умом, ни интеллектом, ни способностями не блещут. Раз – и нажал на кнопку! И все, пропал человек, понесло его на всякие дикости. Таких людей жалеть надо, а не осуждать.

– Значит, и ты... не осуждаешь?

– Ну да. Он же мой друг детства... Куда его теперь девать-то?

– И что? И ты бы так смог?

– Я – нет. Я, знаешь ли, сам своей кнопке хозяин. И никогда ни у кого ничего не отнимал. Я только давал. Людям жилье строил, причем такое, какое они хотели, рабочим зарплату давал, и не самую маленькую. Но это – я, понимаешь? Я сам за себя отвечаю. А за Леньку я отвечать не буду. И тебе не советую. Ты же не за него замуж выходишь, а за меня.

Притянув Лину к себе, Павел прижался губами к виску, ласково провел ладонью по затылку, успокаивая:

– Экая ж ты у меня трепетная оказалась. Чужую беду близко к сердцу берешь. На свете много всяких бед, милая моя, а сердечко беречь надо. Успокойся...

– Как интересно вы про кнопку-то, Павел Сергеич... – вдруг тихо проговорил со своего места Коля, и Лина с Павлом посмотрели на него удивленно. – И где ж эта кнопка располагается, не подскажите? Это я к тому, чтобы случаем для того черта не открыться... Я тут недавно на дачку одну позарился, прикупить хочу. А вдруг и меня тоже на дикости понесет?

– Где, где! На пузе, где! – крепко обхватив Лину за талию и слегка потряхнув, громко расхохотался Павел. – Так что береги пузо, Коля! Никому свой пупок особо не показывай!

Мягко высвободившись из его рук, Лина лишь вяло улыбнулась, отвернулась к окну, замолчала грустно. Потом тихо проговорила:

- Ты меня сейчас домой отвези, ладно? Ко мне – домой...
- Да что с тобой, Малина? Обиделась, да?
- Нет, не обиделась. Просто за Женьку переживаю. Оставила ее там одну, совсем растерянную. У нее жених куда-то пропал, она нервничает.
- Так позвони!
- Нет, я лучше так, без звонка. Что-то на сердце неспокойно.
- Ну хорошо...

Дальше ехали молча. Машина уже бежала по вечернему шоссе, быстро промелькнули за окнами городские улицы. Когда остановились у подъезда, Павел взял Линину ладонь, прижал тыльной стороной к губам.

– Все будет хорошо, Малина... Все устроится со временем, поверь мне. Иди. А завтра утром я за тобой Колю пришлю. Завтра у меня выходной, завтра Егор приедет... Иди, спокойной ночи тебе. Женьке привет передавай...

– Хорошо, передам. Пока...

Выскочив из машины, она торопливо скрылась за дверью подъезда. Очень хотелось домой – как в собственное спасительное жизненное пространство. Закрывать дверь, включить свет в прихожей, в комнате стянуть с себя тесную одежду вместе с эмоциональной переполненностью утра, дня и вечера. Потом посидеть с Женькой на кухне за чашкой чая... Хорошото как!

– Жень, ты дома? – крикнула Лина в темноту, открыв дверь своим ключом.

– Да, мам... – послышался из комнаты надтреснутый слезный голосок. – А ты почему вернулась? – тут же появилась в прихожей дочка, смахивая со щеки слезу.

– Ну вот... А обещала не плакать! Как же я не вернусь, если ты плачешь? Что, Денис так и не объявлялся?

– Нет, мам...

– Ну и ладно. Сейчас я переоденусь, чаю попьем.

Однако ни до переодевания, ни да чая дело не дошло – обе они, войдя в комнату, вздрогнули от дверного звонка.

– Это Денис! Мам, я сама открою! – бросилась Женька к двери, чуть не сбив Лину с ног.

Она тихо опустилась на диван, прислушиваясь к происходящему в прихожей действу. Говорок оттуда слышался странный, вовсе не мужской. Скорее женский, торопливый, нервно булькающий. Вот и Женька в дверном проеме появилась, пятясь назад. За ней вошла незнакомая женщина. Ступила на ковер, огляделась кругом, будто прицениваясь.

– Да уж, не Версаль... Впрочем, как я и ожидала.

Узрев наконец Лину, сидящую на диване, гневливым жестом вскинула в сторону растерянной Женьки руку:

– А вы, стало быть, мать этой девицы, так я полагаю?

– Да, я ее мама... А вы, собственно, кто?

– Хороший, очень хороший вопрос вы сейчас задали, милая! Что ж вы так плохо свою дочь воспитали, интересно мне знать? Вы посмотрите, посмотрите, что творится!

Она нервно закопошилась в сумочке, выудила оттуда мобильник, потом быстрым жестом подсунула Лине к самому носу, так, что пришлось слегка отпрянуть.

– Нет, вы только посмотрите – сорок вызовов за день! Неужели ваша дочь думает, что таким образом можно приличному парню на шею сесть? Это что еще за наглость такая?

– Так вы мама Дениса, что ли? – запоздало догадалась Лина, почему-то виновато улыбнувшись.

И впрямь, черт его знает – почему вдруг виновато? Может, слишком уж напористо себя гостья повела, ворвалась, как штурмовик-бомбардировщик средь ясного неба, полоснула пулеметной очередью. Хотя с виду вполне себе интеллигентная женщина. И очень даже симпатичная. Ухоженная, красиво причесанная, одета дорого. Не вписывается хамоватый тон в ее облик, хоть убей. С толку сбивает. Вот и выползла на Лино лицо эта растерянная улыбка, да еще и, видимо, дополнительной смелости гостье придала. Ишь, как подбоченилась в боевой стойке.

– Да, именно так, я мама Дениса! И я не намерена терпеть неудобства из-за наглости вашей дочери! У мальчика сессия на носу, а мы вынуждены его к бабушке отправлять, целые детективные истории сочинять о ее тяжелой болезни! Да еще и телефон у него тайно экспроприировать!

– Так значит, Денис уехал... – тихим эхом проговорила Женька, прижав ладони ко рту. – Значит, его в городе нет...

– Да, милая, нет! – быстро развернулась дама к Женьке, зло сверкнув очами. – А как ты хотела, хитренькая моя девочка? Чтобы я для тебя и впрямь обеденный стол накрывала и умилялась твоей проницательности? Замуж захотела пристроиться за перспективного мальчика, да? Надоело в убогости жить? Одним прыжком в приличную жизнь проскочить захотелось? Нет, дорогая, не выйдет! Не на тех нарвалась!

Выбросив заряд ярости, дама устало бросилась в кресло, втянула в себя воздух, нервно трепеща крыльями носа и воинственно взглядывая на онемевших Лину и Женьку.

Онемение было таким сильным, что, казалось, ни одно слово не сможет проскочить через застывшее горло. Да и слова нужные как-то не находились, всплывали в голове удивленным ответным гневом и тут же лопались, как мыльные пузыри.

– Погодите, что вы... Да как вы... Да что вы такое говорите... – выскочило наконец у Лины первое хрипловатое возмущение.

– Да! И что я такое говорю, интересно! – сузив глаза и скорчив злую гримаску, подалась вперед из кресла гостя. – А вы думали, я свои объятия распахнуть пришла, что ли? Да вы... Да если б вы знали, чего мне... Чего нам с мужем стоила такая жизнь, в которую теперь ваша дочь вот так, за здорово живешь, прыгнуть хочет! Через какие мы унижения прошли, сколько чужих задниц лизали, чтобы в этой жизни как-то устроиться! Поверьте, и мы когда-то в таком же убожестве жили, – энергично взмахнула она рукой, обводя пространство вокруг себя, – но при этом не свешивали свои проблемы на чужие головы! Все, все сами! Ой, да что с вами говорить... Разве объяснишь...

Она вздохнула было, но, видимо, уловив созревшую в свою сторону попытку к сопротивлению, снова заговорила быстро:

– Нет, вы не думайте, мне ваши поползновения, между прочим, очень даже понятны! Мы ведь тоже... Мы сюда из маленького городка приехали, Дениска тогда еще и в школу не ходил. Квартиру там продали, здесь комнату в коммуналке купили. Муж у меня очень долго в мелких чиновниках сидел, никаких перспектив не было... Господи, да как мы только не изворачивались, чтобы ему движение по карьерной лестнице организовать! Все эти обеды в ресторанах для нужных людей, дорогие подарки к праздникам... Годы ведь жизни на это положены, годы! Причем лучшие годы! Вы знаете, сколько надо на лапу дать, чтобы заполучить хоть какое-то мало-мальски приличное место? А как нам квартира в элитном доме досталась, вам рассказать? Я, помню, колготки себе боялась купить, все время в брюках ходила, чтобы лишнюю копейку сэкономить! Я уж не говорю о взятках...

– На взятки, что ли, сэкономили-то? – вдруг вырвалось у Лины нервно-насмешливо.

– Да! Да, если хотите! Именно так! У самой колготок нет, а я мужу – костюм за тысячу долларов, чтобы выглядел прилично! А в карман пиджака – конвертик с деньгами! Я столько лет впроголодь жила, одними только мечтами о хорошей жизни... Даже не для себя, для сына скорее... А теперь – что? После всего этого я должна раскрыть объятия вашей нищей дочери? Пустить ее в свой устроенный комфортный мир? Поделиться

нажитым состоянием? Да окститесь, женщина! Я что, похожа на сумасшедшую?

– Ой... А ведь и впрямь – похожи... – вдруг сами собой родились в голове Лины нужные слова. – То-то я думаю, чего это меня сковало всю, когда вы сюда вошли? Энергия сумасшествия – она, знаете ли, заразна. И потому уходите, женщина, прошу вас. Мы с дочерью нисколько не будем огорчены вашим уходом. Одно только обстоятельство в этой истории удручает – любовь жалко. Любовь вашего сына и моей дочери...

– Ах, вас обстоятельство удручает? – скривила лицо мать Дениса. – Надо же, слово-то какое хорошее придумали – удручает... Еще и любовь сюда приплели. Красиво звучит, конечно. Любовь, надо же...

– А вы что, никогда раньше этого слова не слышали?

– Ну почему же не слышала? Я тоже иногда мыльные сериалы по телевизору смотрю. Иногда и всплакну от умиления, не без этого. Там тоже, знаете, бывает любви жалко. То есть... удручает. Но чтобы в реальную жизнь все эти страсти переносить... Это же даже не смешно, честное слово! А с вашей стороны – глупо и бездарно. Надули себе воздушный шарик, чтобы взлететь да протянуть руки к чужому состоянию, дураков нашли? Отчего ж ваша дочь в слесаря не влюбилась, интересно?

– А отчего ваш сын не влюбился в принцессу государства Монако, к примеру? – поинтересовалась Лина. – Вы этим вопросом не задавались?

Незванная гостья растерялась.

– Мам, не надо... Прекрати, мам... Пусть она уйдет... Выгони ее, мам!

Голосок Жени от двери пропищал таким скорбным отчаянием, что обе женщины дружно повернули к ней головы. По-разному, конечно, повернули. Лина – с испугом, гостья – с возмущением. Женька стояла, прижав кулачки ко рту и широко распахнув глаза, тряслась мелкой дрожью, как в лихорадке.

– Женечка, успокойся, что ты...

Лину будто ветром с дивана снесло, она бросилась к дочке, обхватила руками, прижала изо всех сил к себе, пытаясь отгородить от чужой злобности. Нет, как это она взяла и увлеклась глупейшим диалогом и совсем про Женькино присутствие в комнате забыла?

– Пусть она уйдет, мам... Выгони ее, пожалуйста! – трясась в ее руках, снова проговорила Женька сквозь дробное клацанье зубов.

– Вот! Вот, пожалуйста, полюбуйтесь! – резко вскинула гостья в сторону Женьки руку. – Что это значит – выгони? Что это за маргинальное воспитание? И попросите мне сказать после этого, что я не права! А еще

туда же – любовь какую-то приплели...

– Вы бы, уважаемая, для начала на собственное воспитание внимание обратили, оно у вас, если сказать мягко, далеко не аристократическое, – с удовольствием ощутила Лина долгожданный металл в своем голосе, – ворвались в чужой дом с криками, руками машете... А мы с дочерью, между прочим, в гости вас не приглашали. И не надо мою дочь оскорблять, пожалуйста. Она прекрасная, умная и воспитанная девушка. По крайней мере, ей в голову не придет вот так, в чужой дом с оскорблениями врывать. И я вас очень вежливо прошу – покиньте наш дом, пожалуйста. И чем скорее, тем лучше. Будьте так любезны.

– Ой-ёй-ёй... – вдруг скорчила злую гримаску гостья, собрав лицо востроносой куриной гузкой. – Какие мы тут все вежливые, смотрите-ка... Бедные, но гордые, да? Вот и сидите и не высовывайтесь никуда со своей гордостью! Кушайте хлеб с маргарином и радуйтесь! Куда вы полезли со свиным рылом в калашный ряд? Тьфу!

– Не надо здесь плевать, уважаемая, – с нажимом проговорила Лина. – Если уж вам так приспичило плюнуть, сделайте это в подъезде. Или до своего калашного ряда дотерпите. Уйдите, прошу вас. Не провоцируйте меня на применение физической силы.

– А что, можете?

– Могу.

Почуввав, видимо, в голосе Лины и впрямь для себя нехорошую перспективу, гостья торопливо поднялась из кресла и опасливо шагнула в сторону двери:

– Я ж и говорю – маргиналы... Дайте, дайте мне пройти!

Потянув Женьку за плечи, Лина отступила, давая дорогу. В прихожей, взявшись за ручку двери, женщина вдруг развернулась, выставила в их сторону указательный палец:

– Но вопрос мы решили, надеюсь?

– К счастью, у нас нет с вами общих вопросов. Да уйдете ли вы уже, наконец?! – рявкнула Лина.

От звука захлопнувшейся двери Женька вздрогнула, выгнулась в руках матери, будто ее стегнули розгой по худой спине.

– Тихо, тихо, моя девочка... – ласково провела руками Лина по вздрагивающим плечам. – Тихо, все уже закончилось... Пойдем, я тебя в твою комнату отведу, тебе полежать надо. Сейчас водички принесу...

Послушно вытянувшись на постели, Женька уставилась в потолок, не мигая, потом резко села, обхватила мать за шею, прошептала в ухо тоненько, слезно:

– Мам... Ну почему? За что она с нами так? Что мы ей плохого сделали? Я же... Я же ни в чем не виновата, я же всего лишь ее сына полюбила... За что?

– Женечка, милая... Сейчас можно кучу всяких вопросов задать и ни на один из них не получить вразумительного ответа... Как мне сегодня один умный человек сказал – каждый сам распоряжается своим сознанием. Его чужим добрым вмешательством не почистишь и противопаразитную инъекцию в него не введешь.

– Какую инъекцию, мам?

– От вожделения и бездостоинства, Жень. Понимаешь, эту женщину просто пожалеть надо, потому что она больна, безнадежно больна. Слышала же, какими способами она лезла в свою состоятельную жизнь? Как топтала свое богом данное человеческое достоинство?

– Да, слышала...

– Ну вот тебе и результат, прямо-таки мефистофельский. Отдай душевные природные качества – получишь богатство и глупую спесь в придачу. Наверное, самые страшные формы спесивости наблюдаются именно у тех, кто, как она, сделал такую вот отчаянную попытку – вылезти из грязи в князи. По-моему, очень жалкое зрелище...

– Да, мам. Наверное. Только все это – слова, хоть и правильные. Что мне от них? Я же его люблю, мам... И Денис... Я знаю, он меня тоже любит! Я точно знаю! Что нам теперь со всем этим делать, мам?! Как жить?

– Я не знаю, Женечка... Не знаю. Наверное, как-то перетерпеть надо. Я не знаю, что тебе еще сказать...

Они всхлипнули в унисон, расплакались, вжавшись друг в друга и смешивая на щеках общие слезы. Постепенно Женька обмякала, безвольно опустила руки. Свалившись в подушки, подтянула коленки к животу, отвернулась к стене, затихла, лишь изредка содрогаясь в запоздалых слезных конвульсиях.

– Жень... Давай я тебе горячего чаю с медом принесу? – предложила Лина. – Попьешь?

– Нет, мам... Не хочу.

– А может, съешь чего-нибудь?

– Нет, не надо.

– Тогда – валерьянки, что ли? А еще лучше – коньяку! Немножко! Давай, а?

– Ты иди, мам... – помотала головой Женька. – Можно, я одна побуду? Спасибо тебе, ты иди...

– Ну хорошо... Я тебя одеялом укурую. Ты поспи, Жень... До утра

поспи, а там... Там видно будет, как жить. Утром всегда все понятнее, Женечка...

Накрыв Женьку одеялом и подоткнув его со всех сторон, Лина на цыпочках вышла из комнаты, постояла у двери, прислушиваясь. Тихо. Не плачет вроде. Наверное, это плохо, что не плачет?

На кухне дрожащими руками налила в стакан коньяку, выпила одним глотком, поплакала еще сама с собою вволю. Показалось, отпустило немного, даже смятение улеглось, размылось по всему организму. Странно, но и злости от случившегося тоже как будто не осталось, был только страх за Женьку – как-то она переживет все это?

Ночью так и не удалось уснуть. Лина закрывала глаза – начиналась круговерть лиц, одно сменяло другое, и обрывки брошенных фраз проносились в голове, как пули. То Динино пьяно-насмешливое ясно слышалось – «...кто такая – революционерка Клара Цеткин? Роза Люксембург?», то вдруг всплывало злое ухоженное лицо недавней гостьи – «...надоело в убогости жить, маргиналки? Одним прыжком в приличную жизнь проскочить захотели?» Вздрагивала, садилась на постели, таранилась в темноту, отирая холодный пот со лба. Потом на цыпочках кралась к двери в Женькину комнату, заглядывала, прислушивалась. Тихо... Подозрительно тихо. Да жива ли она? Подходила, склонялась, клала руку на лоб, ловила сонное слабенькое дыхание. Почуввав руку на лбу, Женька стонала, переворачивалась на другой бок, вздыхала длинным всхлипом. Ну, ладно. Жива, и слава богу. А с остальным... Остальное – время вылечит. Хоть и обидно до слез, до боли записывать любовь в это безликое «остальное». Женькину любовь... Надо же, опять оно возникло из небытия, из собственного, давно пережитого – а как же любовь-то?

Уснула она под утро, когда за окном уже светать начало. Крепко уснула, будто прорвалась наконец сквозь жестокость обидных фраз да кружение чужих лиц. Прорвалась – и будто на свет попала, на зеленую солнечную поляну, а на ней Павел стоит, протягивает руки – беги, беги, мол, ко мне скорее...

Жаль, так и не добежала. Проснулась от звонка – телефон на тумбочке исходил привычной мобильной мелодией. И на дисплее подарком – «Павел звонит»...

– Да... Доброе утро, Павел!

– Привет, Малина. Ты права, утро сегодня доброе, хоть и позднее. Отрок мой наконец в дом заявился. Как у тебя там, уладилось все? Колю за тобой присылать?

– Ой, нет... Я не могу пока.

– А что случилось?

– Да трагедия у нас... – проговорила она извиняющимся шепотом, прикрывая ладонью трубку, – вчера мать нашего жениха заявила, устроила тут Содом с Гоморрой... Я за Женьку боюсь, Паш. Я не могу сейчас ее одну бросить. Извини меня...

– Так. Понятно. Я сейчас приеду. Жди. Вместе будем разбираться с вашей Гоморрой.

– Может, не надо, а? Женька и со мной-то не очень стремится эту тему обсуждать.

– А со мной – будет обсуждать. Ничего, разберемся, Малина. Сейчас буду.

Соскочив с постели, Лина опрометью бросилась в ванную, по пути заглянув в Женькину комнату. Та сидела на кровати, притянув к подбородку колени и обхватив их руками-плеточками, смотрела в окно, не мигая. Даже на ее быстрое «доченька, я сейчас, умоюсь только» никак не прореагировала. Пока торопливо приводила себя в порядок, неслись в голове тревожные вопросы – как, интересно, Женька сейчас будет ему свою проблему проговаривать? Чужому, по сути, человеку? Все-таки Павел очень, очень самонадеянный! Да и она тоже хороша – впустила в дочернюю боль постороннего.

Он и впрямь очень быстро приехал. Зашел, притянул Лину к себе на секунду, ткнулся губами в затылок. Потом отстранил, коротко и деловито поинтересовался:

– Где она?

– Там, у себя в комнате... Сидит как побитая сирота, смотреть жалко.

– Так... А чего она хотела, эта ваша жениховская мать? Ей Женька как потенциальная невестка с лица не нравится, что ли?

– Да не в этом, собственно, дело... Ей, Паш, на наши лица вообще наплевать. Мы ей по статусу не подходим, понимаешь? По уровню. По состоятельности. По положению в обществе. По черт-те чему еще, я не знаю, что у вас в понятие высокого положения в обществе включено! В общем, мы с Женькой как две коварные маргиналки вроде как покусились на их с трудами нажитое благосостояние, понимаешь?

– Так, ну что ж... Теперь картина ясна, по крайней мере. Теперь мне все понятно. Что ж, все правильно...

– Что? Как это – все понятно и правильно? – опешила Лина. – Ты что, Павел?

– А как ты хотела, Малина? Сейчас все свое благосостояние забором

огораживают, времена такие.

– Ты это серьезно?

– Тихо, Малина, тихо...

– Нет, ты мне скажи! Что значит – все понятно и правильно? Неужели это можно понять?

– Да, можно. Но нам этого не нужно. И вообще, не суетись вопросами, сейчас придумаем что-нибудь.

– Но... Что значит – придумаем?! Что тут вообще, в принципе, можно придумать? Она тут так оскорблениями изгалялась, эта мамашка, ты бы слышал!

– И что, Женька при этом безобразии тоже присутствовала?

– Ну да... А главное, она так любит этого парня, Дениса! Я ей попыталась что-то объяснить, да без толку... Ну как это вообще можно объяснить? В принципе? Как, как ей объяснить, что она не может его любить? Просто любить, и все? Я и сама не понимаю...

– погоди... А ты что, не сказала ей, чья Женька... Как это слово называется, забыл... Ну если я на тебе женюсь, кто она мне будет?

– Ну вроде как падчерица...

– Во! Правильно, падчерица! Ты что, не сказала ей, чья Женька потенциальная падчерица? Да и не потенциальная даже, а почти готовая?

– Нет... Не сказала, конечно.

– Почему?!

– Да с чего ради? И вообще... У меня бы даже язык не повернулся. Выходит, если Женька будет твоей падчерицей, ей можно будет любить, а если не будет – то и нельзя? Любовьто сама по себе тут при чем? Смешно, согласись.

– Не усложняй, Малина. Чего ты в бутылку лезешь?

– Да куда я не лезу.

– Вот и не лезь... Скажи лучше, откуда она взялась, эта жениховская мамашка? Из каких она?

– Хм... Ты прям как моя соседка Люся спрашиваешь – из каких... Муж у нее вроде в палате недвижимости работает.

– Фамилию знаешь?

– Конечно. Горохов у него фамилия.

– Ой, мать твою, держите меня сразу трое... Горохов! Знаю я этого хмыря! Тоже мне, нашелся статусный и состоятельный! Да он же никто, мелкая сошка, этот твой Горохов! На уровне сделай-подай-принеси! Боже, а я-то думал... Ну, считай, Женькина проблема уже решена, Малина!

– То есть... Как это? Ты что, с этим вопросом к нему пойдешь? Не

надо, не смей и не думай даже!

– Ладно, не суетись. Никуда я не пойду, не бойся. Просто я сделаю так, что не сегодня, так завтра до него дойдет информация, что Женька... Что она... Тьфу, опять это слово забыл! Кто она мне будет?

– Падчерица...

– Да, да, точно. Просто до него дойдет информация, чьей падчерицей они с женой так легкомысленно пренебрегли.

– И что?

– А сама увидишь! Так побегут Женьку сосватывать, что ветер в ушах свистеть будет!

– Значит, Женька с Денисом получают-таки отмашку на любовь... С твоей помощью, да? – с болью проговорила Лина. – Ты сам-то хоть понимаешь, как все это выглядит?

– Да нормально это выглядит! Так, как надо выглядит! Как и должно выглядеть!

– Ты в этом и правда уверен?

– Слушай... Чего ты от меня хочешь, Малина? Не я придумал эту жизнь, она сама так сложилась. Деньги и сила определяют многое, если не все. И жизни, и судьбы определяют. Я со своей стороны лишь приложил усилия, чтобы быть там, на стороне определяющих. А по-другому я просто не смог бы жить. И прошу тебя, не лезь в бутылку, не люблю я этих... рефлексий. Пойдем лучше твою дочь в порядок приводить.

Женька по-прежнему сидела на кровати, в прежней позе, сложив подбородок на худые коленки. К ним, вошедшим в комнату, даже головы не повернула, лишь болезненно дрогнула лицом, выражая досаду. Павел, кряхтя, присел около кровати на корточки, потянул на себя Женькины сцепленные вокруг поджатых ног руки.

– Жень, послушай меня, Жень... начал он.

Девчонка лишь мотнула взлохмаченной головой, уткнулась лицом в коленки, вяло, безнадежно выдохнув:

– Не хочу... Не надо, не говорите мне ничего...

– Да не буду я тебе ничего говорить! – гаркнул Павел. – Ну что я, болтун какой, что ли? Ты просто посмотри на меня, и все! Ну же! Гюльчатай, покажи личико!

Грустно хмыкнув, Женя подняла лицо, с трудом сфокусировала разлившееся в глазах отчаяние, кольнула взглядом, как иглой.

– Жень, ты послушай меня, пожалуйста... Вот сижу я перед тобой, простой мужик Павел Сергеевич Жук, за свои прожитые пятьдесят шесть лет не обманувший ни одной женщины... – по-киношному самую чуточку

ёрничая, но довольно-таки проникновенно заговорил Павел, потом помолчал немного, внимательно глядя ей в глаза, и тихо продолжил: – ...И если ты мне сейчас не поверишь, мне страсть как обидно будет... Поэтому ты просто возьми и поверь. Как минимум послезавтра твой жених вот здесь же, на этом месте, будет стоять на коленях и умолять тебя... Или не знаю, что он там будет еще делать! В общем, он будет здесь, я клянусь тебе. И все будет хорошо! Будет так, как тебе этого хочется, вот увидишь! Ты веришь мне, девочка?

– Да ладно вам, Пал Сергеич... Я слышала все, что вы маме сейчас там, в комнате, говорили. Только я не хочу так. Не хочу, не надо.

– А как ты хочешь, милая моя? Жизнь такая нынче, все в ней отвоевывать надо. Ни сил, ни средств не жалеть.

– И любовь – отвоевывать?

– А любовь – в первую очередь! – хлопнул себя по коленям Павел. – И считай, что у тебя сейчас на боевом поле самая выгодная позиция. Отчего ж ею не воспользоваться?

– Не поняла... Какая позиция?

– А такая! – объяснил Павел. – И стратегическая, и тактическая! Твоя будущая врагиня-свекровка весь слабый тыл свой вчера показала, даже и разведку боем проводить не пришлось. Жадна до денег, до показухи, вся насквозь прошита белыми нитками глупых амбиций. Она ж открылась, как новичок на ринге! А ты ей – длинный боковой удар из боевой стойки! И в нокаут!

– Да пошла она знаете куда? – с жаром воскликнула Женька.

– Согласен, – кивнул Павел. – Именно туда ей и дорога. Но мы будем хитрее, мы пошлем ее другим путем. Мы будем сильнее и хитрее, Жень! Я завтра же об этом позабочусь, не переживай. Она еще гопака перед тобой спляшет и в вечной любви поклянется, вот увидишь!

– Хм... Хм-хм... – вяло колыхнулась Женька в коротком смешке, с недоверием переводя взгляд с лица матери на лицо Павла. – Представляю эту мадам в гопаке...

– Ну, вот и умница! – обрадовался Павел. – Уже и улыбаешься! Давай, давай, расшевеливайся, сидишь тут, коконом свернулась! Сама из него выбирайся, и матери тоже дай возможность в личную жизнь выбратся!

– А я что, не даю?! – обиженно-возмущенно пропищала Женька. – Да наоборот, всегда пожалуйста! Что вы такое говорите, Павел Сергеич!

– Ну тогда вставай, собирайся. Ко мне в гости поедem, устроим моему Егорке процедуру знакомства с мачехой и падчерицей. Или ты только мне – падчерица? А Егорке – кто? Ладно, по ходу разберемся...

– Ой, Павел Сергеич... – взмолилась Женька. – А можно я это... Потом как-нибудь? У меня сейчас никаких сил нет, правда... И мне к зачету готовиться надо, а то завалю еще... Я потом, ладно? А мама пусть с вами едет, конечно же!

– Ну как хочешь... Потом так потом... – поднялся Павел во весь рост, грустно и немного разочарованно улыбаясь. – Я думал, так лучше будет...

Обернувшись к Лине, так и не проронившей за их беседу ни единого слова, бросил коротко:

– Собирайся, Малина, поедem!

– Погоди, Павел... Ты что? Как же я одну ее здесь оставлю? В таком состоянии?

– Ой, да какое у меня состояние, мам! Совершенно нормальное состояние! Я что, ребенок пятилетний? – подпрыгнула, сидя на кровати, Женька. – И вообще... Мне даже так лучше будет, если ты уедешь! Мне сейчас одной надо побыть... Правда, мам! Ну пожалуйста...

Умоляющие глаза, брови домиком. И ладошками перед собой машет, как крылышками. И выражение лица уже не грустное совсем, а наоборот, радостно-хитренькое. Ах, Женечка, Женечка, какая ж ты у меня глупая еще...

– Ну хорошо. Я оставлю тебя одну. Только дай слово, что плакать не будешь.

– Не буду! Не буду! Теперь уже точно не буду!

– Правильно, Женек! Сдаваться и плакать никогда не надо! Всегда себя в боевой готовности держать надо! – проговорил на ходу Павел, подняв указательный палец.

Задержавшись на секунду в дверях и мотнув в сторону Женьки головой, подмигнул ей, пробормотал удовлетворенно:

– Наш, наш человек... Собирайся, Малина, поехали. С твоей дочкой разобрались, теперь мой обормот на очереди...

* * *

– ...Егор! Ты дома? Выходи, знакомься!

На зов Павла сначала выглянула из кухни Анна Николаевна – уже с готовой медовой улыбкой на лице. Подняла голову, тоже стала смотреть, как быстро спускается по ступенькам долговязый парень, на ходу пытаюсь управиться с длинными, разбросанными по плечам светлыми прядями волос. Но таки справился – собрал хвостом под резинку. Подошел,

протянул руку:

– Егор...

– Очень приятно, Лина.

– Что, вас так и можно называть, без отчества?

– Конечно.

– Ну тогда мне тоже приятно, – просто и явно искренне сказал Егор. – Надеюсь, подружиться?

– И я надеюсь...

Павел стоял в сторонке, улыбался, наблюдая за их реверансами. Потом шагнул ближе, потянул Егора за хвост, отчего подбородок его вздернулся вверх, положил ему руку на шею, сжал слегка.

– Вот он, мой ребенок-жеребенок... Хорош обормот? Ты не смотри, что он такой с виду вежливый, он и взбрыкнуть может! Да, Егорушка?

Егор лишь скосил глаза в сторону, замер в неловкой позе под отцовской рукой. Что-то ворохнулось у Лины внутри нехорошее от этого жеста, от слов, сказанных в адрес сына. Слишком уж по-хозяйски все это прозвучало. Показательно по-хозяйски. Будто не сына, а породистого щенка ей демонстрирует. Да и слово «обормот» уж никак не прилепилось к облику мальчика. Ну какой он обормот? Он юноша хрупкий, отчаянно светлоглазый и, как видно, нежно задумчивый. Вон, стоит, не шелохнется в отцовских руках, покоряется снисходительным послушанием, но в то же время улыбается умно и грустно, исподволь рассматривая Лину.

– Павел Сергеевич... Может, отобедаете? – выплыло сбоку медовое лицо Анны Николаевны. – Я щи сварила, как вы любите, с бараниной и кислой капустой... За столом и продолжите знакомство-то...

– А что, давайте и впрямь, ребята, щец навернем! – отпустив Егора, плотоядно потер ладони Павел. – Начнем новую семейную жизнь с хорошего обеда! Символично звучит, между прочим. Давай, Анна Николаевна, накрывай на стол!

– Ой, так это я мигом... – радостно развернула женщина крупное тулово в сторону кухни.

– Вам помочь, Анна Николаевна? – сунулась было за ней Лина, но тут же ощутила под локтем жесткую руку Павла.

– Остановись, Малина... Не усердствуй. Здесь всякому свое место, запомни это. Ты здесь хозяйка, привыкай. Твое дело – распоряжения насчет обеда отдавать. А готовить да на стол накрывать Анна Николаевна будет. Ишь, побежала! Ты бы еще посуду помыть вызвалась!

– А что, я бы и помыла...

– Опять в бутылку лезешь, да?

– Нет. Никуда я не лезу. Просто не привыкла еще. Да и навряд ли привыкну. Я в этом смысле одноклеточная, как инфузория-туфелька.

– Это что у тебя – опять самооценка ниже нуля поехала?

– Нет, почему...

– А что тогда?

О боже, чего он привязался с этой проклятой самооценкой? Хорошо, мобильник в кармане его пиджака заверещал, отвлекая от продолжения никчемного диалога. И лицо сразу стало другое – более жесткое, непробиваемое.

– Да. Понял. Понял... Да, сейчас еду. Ничего без меня не предпринимайте, ждите. Еду!

– Что-то случилось, да? – спросила осторожно Лина, когда он сердито отправил мобильник в карман.

– Да. Авария на стройке. Слава богу, без смертельного исхода. Все, ребята, пообедайте без меня, я уехал! Эх, черт, невезуха какая... Плакали мои щи с бараниной...

Грустно подмигнув Лине, он развернулся, быстро пошел к двери, на ходу доставая телефон и делая вызов. Уже издали слышалось его тихое, яростное:

– Леня, мать твою, как это могло произойти, объясни мне? Почему я тебя все время должен телом прикрывать? Да не скули ты, объясни лучше, где опять накосячил...

– Ну что, Лина, пойдете обедать? – слышался за спиной Лины веселый голос Егора.

Она обернулась удивленно – слишком уж явственно прозвучала в его голосе эта веселая нотка свободы. Да и сам он будто в плечах расправился и ростом выше стал, и умная грусть в глазах сменилась обыкновенной мальчишеской беззаботностью.

Сели за стол – друг напротив друга. Лина было покусилась и Анну Николаевну пригласить на совместную трапезу, но та отказалась, расплывшись в благодарной и смущенной улыбке. Махнула рукой по-свойски, пробормотав неловко – ну что вы, мол, как же можно... Трепетно подняв крышку с фарфоровой супницы, похожей скорее на произведение искусства, чем на предмет домашнего обихода, разлила по тарелкам щи и скрылась торопливо на кухне, где что-то призывно шкворчало на сковородке, требуя немедленного пригляда.

Они принялись за еду, мучаясь обоюдным неловким молчанием. На Лину и впрямь напала жуткая стеснительность, будто она оказалась здесь случайной непрошеной гостьей. А может, она таковая и есть для этого

мальчика? Всего-то год прошел, как он мать потерял... Переживает, наверное.

Словно услышав ее неловкие пугливые мысли, Егор вдруг произнес с некоторой запинкой:

– Лина, да вы не переживайте, пожалуйста. Я очень даже рад, что вы... Что отец... Все равно это произошло бы когда-нибудь. Я же не маленький, все понимаю. Вы вполне можете располагать моим пониманием.

– Правда? Спасибо тебе, Егор... А то я действительно как-то потерялась.

– Да ладно, нормально все! Хотя, если честно, я боялся немного... Вдруг отец приведет какую-нибудь выдру мадамскую?

– А я, значит, не выдра мадамская?

– Вы – нет... Вы нормальная. Даже чем-то на маму похожи...

Он глянул на Лину коротко, будто оценивая. Улыбнувшись, продолжил с некоторой опаской:

– Мама, она, знаете, такая была... Понимающая. Мы с ней не только друзьями были, но и немножко сообщниками. Отец же сразу против моих творческих увлечений был, а мама меня сама в художественную школу возила... И на натуру со мной ездила. И работами моими восхищалась. Говорила, что я талантливый... Отец возмущался все время, а она... Нет, она с ним и не спорила никогда. Головой послушно кивала, а дело свое делала. Вернее, мне давала свое дело делать. А теперь... Теперь я и не знаю, как мне быть...

– А что такое, Егор? Чего ты не знаешь, в чем проблема-то?

– Ну если в двух словах... Отец настаивает на том, чтобы я в строительный поступал. Вернее, и не настаивает даже, а практически решил за меня. Чтобы я – по его стопам... И чтобы потом свое детище, то бишь эту его фирму-монстра, мне в руки передать. Ну вот скажите, скажите мне... – вдруг загорячился Егор, привстав на стуле, – почему надо обязательно по стопам-то? Кто это придумал такую глупость? А если я не хочу по стопам, тогда что?

– Я не знаю, Егор... Наверное, надо просто ему объяснить...

– Объяснить?! Да вы что? Как ему объяснить, если он даже слышать ничего не хочет? Он же упертый как бык... Одно время даже хотел, чтобы я в Англию поехал, в какой-то специализированный колледж. Потом понял, что я там, на свободе, и соскочить могу, теперь на нашем строительном институте зациклился. Хочет, чтобы я у него на глазах, как он выражается, человеком становился. Представляете? Будто те, кто строительными фирмами не руководит, и не люди вовсе. И что мне теперь, тайно в Питер

из дома сбегать?

– Почему – в Питер?

– Так я же в «Муху» хочу поступать... То есть в Санкт-Петербургскую художественную академию имени Штиглица. Слышали про такую?

– Ну да. Слышала, конечно. А почему именно туда? Можно ведь и компромисс какой-то найти. Например, в нашем строительном институте, я знаю, архитектурный факультет есть, и дизайнерский, по-моему, тоже...

– Нет, это все не то, не то... Я сколько себя помню, всегда о «Мухе» мечтал. Мне даже во сне все время видится, как я по Соляному переулку иду, как двери туда открываю... А как там все внутри, вы видели? Какие там мастерские, какие преподы интересные, настоящие художники? Мы с мамой туда летом после девятого класса ездили, она мои работы показывала. Хвалили, между прочим... Сказали, что мне туда обязательно надо после школы... А хотите, я вам свои работы покажу?

– Хочу, конечно!

– Тогда пойдемте! Пойдемте ко мне, наверх!

Воодушевившись, он так быстро подскочил со стула, что тот опрокинулся. Лина поднялась из-за стола, пошла следом за Егором вверх по ступеням.

– Ой, а вы куда это? – раздался снизу жалобный клич Анны Николаевны. – А я вам котлетки несусь...

– Потом, Анна Николаевна, потом... – нетерпеливо отмахнулся Егор, прыгая через две ступени.

Комната его и впрямь представляла собой художественную мастерскую. По крайней мере, по присутствию творческого беспорядка – уж точно. Сколь ни искал взгляд, нигде не находилось почетного места обычным юношеским удовольствиям, то есть ни компьютера не было видно, ни музыкальной аппаратуры, ни других явных и тайных атрибутов правильно проведенного детства и отрочества. Нет, конечно же, все это здесь присутствовало, но пребывало в состоянии изгнания, робко забившись по углам и уступая дорогу творческим изысканиям хозяина. Рисунки, наброски, вольно расположившиеся на всем свободном пространстве комнаты, – на столе, подоконнике, на кровати, даже на полу, – и висящие на стенах картины, исполненные акварелью и маслом, так рьяно начинали притягивать к себе взгляд вошедшего, будто истосковались по оценке и одобрению. Лина обвела все это творческое хозяйство глазами, не зная с чего начать...

– Вот, вот, посмотрите, Линочка, – раздался за спиной одышливый говорок Анны Николаевны, – он ведь даже и убирать у себя не позволяет!

Ну как тут уберешь, если свободного местечка от картинок не сыщется? Я уж вся смаялась с этим его баловством... И правильно Павел Сергеевич говорит – баловство все это, давно пора за ум взяться! Кому эти картинки нужны? Картинки, они и есть картинки...

– Анна Николаевна... По-моему, у вас на кухне горит что-то! – тихо, но твердо произнесла Лина, постаравшись вложить в голос еще и немного холодка.

– А... Ну да... Не мое это дело, конечно... – попятилась из комнаты Анна Николаевна. – И впрямь, чего это я... Извините...

– А здорово вы ей сейчас от винта дали! – уважительно глянул на Лину Егор, когда женщина удалилась, тихо прикрыв за собой дверь. – Я так не могу... Я все терплю, а она на шею садится. Послушает, как отец ругается, и повторяет его монологи слово в слово.

– Да, конечно... – рассеянно кивнула Лина, так до конца и не осмыслив, о чем он толкует. Слишком уж «картинками» увлеклась. Переходила от одной к другой, вглядывалась, отступала на шаг, замирала, снова вглядывалась...

Странное складывалось у нее впечатление от увиденного. А может, и не странное, а как раз то самое, которое и быть должно, когда смотрит тебе в глаза дух чужого таланта. Сначала просто смотрит-приглядывается, потом втягивает тебя всю, до последней клеточки, и ты начинаешь слышать, осязать, ощущать глазами увиденное живое движение жизни. Вот, к примеру, обычный пейзаж. Лес, опушка, ромашки на лугу, вдали речка серебром светится. И слышится в ушах, как кроны деревьев шумят от ветра, и полдень облит солнечной ласкою, и травами до одури пахнет...

– ...Это я с последней природы привез, – будто издалека донесся до нее голос Егора, – а вот это, вот это еще посмотрите! Это мы храм заброшенный нашли, видите, маковки куполов из-за деревьев видны? Там деревня была совсем древняя, все дома почти в землю вросли, а храм остался...

– Да, здорово... По-моему, ты очень талантливый, Егор.

– Вам правда нравится?

– Да. Очень нравится. Хотя, ты же понимаешь, я не специалист... Просто я вижу, что ты весь там, в этих рисунках! От них живая энергия идет. Наверное, именно ее я и почувствовала, так что мурашки по коже побежали. Это так... Так здорово, Егор, что я даже объяснить свое впечатление толком не сумею...

– Да и не надо! Теперь-то вы понимаете, надеюсь, что я не могу без этого? Я ж не виноват, что во мне творческая энергия сидит, покою не дает?

Понимаете?

– Да, понимаю...

– И что же мне теперь со всем этим делать? Вернее, что я буду со всем этим делать в строительном институте?

– Не знаю, Егор. Наверное, надо отцу объяснить...

– Как? Он же от меня никаких объяснений не принимает! И вообще в меня не верит. Он только в себя верит. У него, знаете, теория такая есть, своя, собственная, относительно первого решения. Вроде того, что оно всегда правильное и нельзя от него ни на шаг отклоняться.

– Да. Знаю.

– Ну вот... Так он и про мое поступление в строительный институт решил. И все. И точка. Шаг вправо, шаг влево – расстрел.

– Но... Все равно надо же что-то делать, Егор! Не бывает безвыходных положений!

– Конечно, не бывает. Я просто сбегу в Питер, и все. Не будет же он через полицию меня возвращать! Вообще-то я совершеннолетний уже, имею право выбора. Хотя... От отца всего можно ожидать... Но я все равно сбегу!

– Да погоди ты с такими кардинальными решениями! Может, еще и образуется все. Тем более время у тебя еще есть.

– Да. Есть немного. До аттестата еще два школьных экзамена осталось. Завтра математику пойду сдавать.

– Как – завтра? А готовиться когда? Чего ж мы тут с тобой о творчестве беседуем, если у тебя завтра экзамен?

– Да ладно... – отмахнулся Егор. – Сейчас сяду, учебник полистаю, и все дела...

– Вот и садись! А я пойду, не буду тебе мешать. Хочешь, чаю прямо сюда принесу?

– Нет, не надо. И это... Спасибо вам. Как хорошо, что вы человеческой женщиной оказались. Повезло отцу...

И опять Лина смутилась, как давеча, при знакомстве. Хмыкнула несолидно, по-девчоночьи плечом дернула. Неуклюже развернувшись, ушла восвояси, плотно прикрыв за собой дверь и решив-таки принести Егору чаю в комнату. Не сейчас, чуть позже. Когда первое впечатление от разговора уляжется да мысли толковые в голову придут. И впрямь, как-то надо бы усювестить, уговорить Павла сыну навстречу пойти. Чего ж он уперся лбом в этот строительный институт? Странно даже. Это ж ясно как божий день – нечего Егору с его художественными талантами там делать. Может, Павел просто слеп, как всякий до одури любящий родитель, и надо

ему на это обстоятельство глаза открыть? Истина-то вот она, прямо на ладони лежит...

Послеобеденное время потянулось в непривычном для нее безделье. И не сказать, чтобы оно, это безделье, оказалось таким уж тягостным. Скорее, наоборот, ненавязчивым было, плавно журчало минутами, как легкий чистый ручей. Бежит, струится, никому не мешает. Можно хоть в горсть набрать, хоть плыть бездумно в его тихом течении. Интересно, отчего это? В ее маленькой квартире, например, безделье было совсем другого рода. Болезненным было, раздражительным, как первый признак надвигающейся житейской проблемы. Когда выпадали такие бездельные минуты, Лина всегда старалась бежать от них. Ну если не считать минут утренних, тех самых, сладко-созерцательных. А здесь – странное дело! Отдалась вдруг безделью в объятия, как доброму другу. Наверное, для такого приятного безделья отдельная территория требуется? Огромная, залитая солнцем гостиная, например, или шикарная терраса с плетеными креслами и запахом цветов из сада? Обволакивает комфортом, ласкает глаз красивой картинкой.

Да уж... Хоть и банально звучит, но, выходит, действительно так – нельзя запретить жить красиво. Потому что и впрямь все это красиво и приятно, черт возьми! Сидишь себе бездумно в кресле-качалке, щуришься на солнце сквозь ветки деревьев, и лень даже ногой оттолкнуться, чтобы поплыть в легком покачивании. Да еще и глаза сами собой слипаются, напоминая о давешней бессонной ночи. О господи, как это она забыла, надо же дочери позвонить! Совсем расслабилась в нежном безделье, утонула, как в пуховой коварной перине...

– Женечка, доченька, ну как ты там? – выскочила из кресла тут же, как услышала в телефоне дочерний голос. Так торопливо выскочила, будто устыдилась чего.

– Да все хорошо, мам... Не бойся, я не плачу больше. Даже пытаюсь тетрадку с лекциями листать.

– А... Денис не звонил?

– Ну что ты! Рано же еще! – немного саркастически, как ей показалось, проговорила Женька. – Наверное, Павел Сергеич еще не успел папе-Горохову информашку скинуть! Давай уж до завтра подождем, когда мама-Горохова меня как свеженькую падчерицу любить начнет!

– Жень... Я понимаю, конечно, всю абсурдность этой ситуации, но... Ты не злись на Павла, пожалуйста. Он же тебе помочь хотел. Он такие вещи по-своему видит...

– А с чего ты решила, что я злюсь? Наоборот... Сижу вот, счастливого

хеппи-энда дожидаясь. Все будет как в сказке, мам! Усну маргиналкой, а поутру королевной обернусь!

– Ой, Женька... Не нравится мне твое настроение...

– Почему? Очень даже хорошее у меня настроение, насмешливое!

– Ну да... А сквозь насмешливость истерические нотки звучат, я же слышу...

– Не надо, мам. Успокойся. Нормально у меня все. Знаешь, даже какое-то спортивное любопытство разбирает, ей-богу! Неужели так просто все можно решить, как твой Павел Сергеич предполагает?

– Жень... В любом случае у тебя все будет хорошо, слышишь? Да мало ли в жизни всяких разочарований еще случится, доченька... Не думай о плохом. Отвлекись на что-нибудь. А может, сюда приедешь? С Егором познакомишься, он такой славный! Мне кажется, вы бы хорошо с ним поладили... Приезжай, а?

– Нет, мам. Потом как-нибудь приеду и с этим твоим Егором полажу. Да я ради твоего счастья хоть с кем готова поладить, ты же знаешь! А сейчас пока не могу. У меня сердце сейчас будто отмороженное. Если постучать по нему – зазвенит. Еще перепугаю твоего Егора.

– Жень...

– Да ничего, мам, не переживай. Может, это и хорошо, что оно на время заморозилось. Может, когда оттаивать станет, вся любовь вместе с морозом уйдет. А иммунитет от разочарований останется. Поживем, увидим. Ладно, мам, у меня батарея садится... Пока, целую!

– Пока, Женечка...

Нажав на кнопку отбоя, Лина задумчиво прошлась по террасе, крутя телефон в пальцах. Нет, какая ж это мука-маета материнская, когда не знаешь, чем своему ребенку помочь! И как у Павла на этот счет все просто – приду, мол, чужую беду руками разведу. Один раз решил-постановил и дальше следует своему решению до конца, и о таких тонкостях, как «замороженное сердце», не переживает. Кстати, надо бы ему эту Женькину аллегория в качестве аргумента преподнести, когда про Егора разговор зайдет. Как бы у мальчишки от его авторитарных судьбоносных решений тоже сердце не заморозилось...

Грустные мысли, наверное, спугнули мягкое очарование безделья, вдруг захотелось каких-то действий. Лина спустилась в гостиную, села на диван, щелкнула пультом телевизора. Тут же выплыло на экран пухлощекое капризное лицо известного бывшего депутата, героя почти всех развлекательно-политических шоу. А вот и ведущий программы – шустренький, белобрысенький, и говорок у него такой бойкий, так и

сыплет через приятную улыбочку: «...Наш гость, известный российский политик, объявил охоту на эмоции россиян... Внедриться в умы сограждан ему поможет особая система, разработанная некой маркетинговой группой... Подобного ресурса до сих пор еще не было, хотя и существуют всевозможные психо-эмоционально-фонетические программы...»

Да тьфу на вас! Делать больше российским политикам нечего, как охоту на эмоции россиян объявлять! Ну как тут не вспомнишь недавнего лесного знакомого, Петра Петровича, с его теорией вирусно-вожделенного проникновения? Не захочешь, да вспомнишь... Нет, надо переключиться скорее!

Далее тоже ни за одну программу глаз не зацепился. Везде ужимки, прыжки какие-то, громкий искусственный смех за кадром. Пробовала в сериал всмотреться – не поняла ничего. Кто-то за кем-то охотится, и разговор вроде бандитский пошел, потом кадр сменился, и нате вам... Все те же ребята, но в милицейских погонах. Про оборотней сериал, что ли? Или все-таки про бандитов? Нет, даже вникать не хочется. Ну его...

Ужин! Вот она сейчас чем займется. Анна же Николаевна ужин не готовит, завтрак да обед только! И вообще, давно пора с кухонным хозяйством ознакомиться... Да, она же еще чаем хотела Егорушку напоить!

Эк у нее ласково прозвучало в мыслях-то – Егорушка... Как же тебе помочь, милый Егорушка, с «Мухой» твоей вожделенной? То бишь с Санкт-Петербургской художественной академией имени Штиглица? Не иначе как действенный метод применить – побыть хитрою ночью кукушкой... А что? Говорят, он самый верный метод и есть. Что баба ночью мужику на ухо нашепчет, то он днем и принимает за руководство к действию. Хотя, наверное, на Павла этот метод вряд ли подействует. И откуда он это взял, что всякое решение без исключения должно быть первым, верным, окончательным и обжалованию не подлежащим? Прямо авторитаризм какой-то, ей-богу, махровый и замшелый!

В холодильнике аккуратно для ужина котлетки нашлись, в обед не съеденные, осталось разогреть только. Ага, вот и овощи для салата есть. Интересно, Егорушка очень сладкий чай любит или так себе? Наверное, очень сладкий. Все мальчишки в таком нежном возрасте сладкоежки. Так, теперь с подносом наверх, в его комнату...

Стукнула костяшками пальцев в дверь, прислушалась. Тишина. Опять стукнула – снова тишина. Спит, что ли?

Заглянула тихонько. Нет, не спит... Открыл папку с рисунками, теми, что давеча ей показывал, и будто взглядом в них потерялся. И лицо такое отрешенное – хоть пляши перед ним, хоть песни пой, все равно не

услышит. Поставила поднос на стол, тронула за плечо, он вздрогнул, поднял на секунду пустые глаза, моргнул коротко. И – раз! – будто где-то внутри лампочка включилась – бледное лицо полыхнуло такой улыбчивой приветливостью, что душа обмерла ей навстречу.

– Простите, я немного задумался... – принялся оправдываться Егор. – Даже не слышал, как вы вошли! Со мной такое часто бывает, простите.

– Да ладно, я ж понимаю... Вот, ужин тебе принесла. И чай. Ты, наверное, очень сладкий чай любишь, да?

– Не знаю... Мне все равно. Я как-то вообще над жизненными атрибутами не парюсь. Еда – она еда, а питье – оно питье. Проголодался – поел, жажда замучила – попил. И все дела. Не понимаю, зачем вокруг этой простоты люди всяких сложностей наворотили? Как будто ничего интересного на свете больше не существует.

– Ну что ты, Егорушка... Не всех же бог талантами наделил, некоторым просто радость от вкусовых ощущений досталась, земная, обыденная...

– Как вы меня назвали? Егорушка?!

– Да... А что? Тебе не нравится?

– Да нет... Ничего. Просто меня мама всегда так называла.

– Ой... Я же не знала, прости...

– А чего вы извиняетесь? Наоборот, мне приятно. Отчего ж еще немного Егорушкой не побыть, коли выпала такая везуха? Я ж вижу, что вы настоящая. От вас искренняя доброта волной идет. Вот как сейчас... Вижу, чувствую...

Потерев одну ладонь о другую, он выставил их перед собой, как заправский экстрасенс, втянул вовнутрь губы, сдвинул брови смешным домиком. Тихо рассмеявшись, Лина отпрянула стеснительно, махнув рукой:

– Ой, да ну тебя... Ты поешь лучше, а то котлеты остынут, невкусные будут. А еще ты собирался учебники полистать. Завтра экзамен, не забыл?

– Да нет, не забыл. Я вроде и начал, а потом опять туда потянуло... – показал Егор глазами на папку с рисунками. – Но сейчас буду заниматься, честное слово!

– Ладно, верю. И не стану тебе мешать. Посуду потом вниз отнесешь, хорошо?

– Ага. Отнесу. Спасибо вам! Я и впрямь чую – проголодался...

Повернувшись, Лина вышла за дверь, тихо прикрыла ее за собой. Спускаясь по лестнице, поймала свое отражение в зеркале – лицо было совсем обалдевшим. Каким-то очень по-хорошему обалдевшим, будто забывшим принять обычное свое спокойное выражение. Глаза искрились,

губы сами собой улыбались, и даже брови были радостно-удивленно вздернуты вверх. Не лицо, а застывшее послевкусие от общения. Все-таки у талантливых людей особая энергетика, вмиг ее в себя втягиваешь...

Из приятной задумчивости ее вывел зов мобильного, оставленного на диване в гостиной. Так бросилась Лина на этот зов, что чуть кубарем не скатилась с лестничных ступенек. Прав, прав Егорушка-то, совсем в ней ничего мадамского нет! По такой гостиной, наверное, с чувством надо гулять, с толком, с расстановкой. А не поспешать сломя голову.

Звонил Павел. Пробурчал недовольно в трубку:

– Ты где, Малина? Я уже пятый раз тебя набираю. Ты не сбежала, надеюсь?

– Нет. Куда мне бежать? Я здесь, тебя жду. А ты скоро?

– Боюсь, что нет... До ночи вряд ли управлюсь. Ты меня не жди, спать ложись. Все, Малина, прости, некогда мне...

Торопливые гудки отбоя полились в ухо, и она лишь коротко вздохнула, пожав плечами. И впрямь, что ли, спать пойти? Рановато, правда, но если учесть, что предыдущая ночь бессонной была... Тем более и заняться особо нечем. Все, спать так спать!

Заснула она мгновенно, как провалилась. Проснулась лишь под утро – от шороха дождя за окном. Сырой воздух волнами wpłyвал в спальню, баюкал озоновой свежестью, усиливая и без того сонную рассветную негу. Подняла голову от подушки – Павел вот он, рядом лежит... Потянулась разнеженным телом, ткнулась носом в плечо. Где-то на задворках сонного сознания всплыла короткая мысль – хорошо-то как... Хорошо, когда рядом – мужское плечо. И тут же снова уснула. Ровно, глубоко, спокойно.

Когда снова открыла глаза, Павла рядом уже не оказалось. В открытую дверь террасы вовсю заглядывал новенький день, омытый ночным дождем. Это сколько же она проспала, интересно?

Потянулась к лежащему на прикроватной тумбочке мобильнику, и не успела взять его в руку, как тот подал голос, приветливо мигнув дисплеем – «Павел звонит»...

– Проснулась, Малина? Я ночью тебя будить не стал – слишком уж спала сладко.

– Ага, проснулась... Только что. Лежу и удивляюсь – никогда так много не спала...

– Ну это уже хорошо! Входишь во вкус, значит. Сон для женской красоты – большое дело. Хотя ты у меня и без того красавица!

– Да уж... Если подкормить, обласкать и дать выспаться, то конечно... А ты опять до ночи уехал, да?

– Нет. Нет, что ты! С делами расправлюсь и к обеду точно буду. И целых два дня потом никуда от тебя не отойду. А то что же мы – все урывками... Будь проклята эта работа, пора и личным счастьем заняться. И вообще – семейную жизнь надо вплотную обозначить... Я во всем четкость и порядок люблю, Малина.

– Да. Я это уже поняла... Приезжай скорее, буду ждать личного счастья.

– И плотного семейного обозначения! Кстати, мне чиновники в ЗАГСе обещали уже через неделю нас окрутить.

– Как – через неделю?!

– А ты что, не согласна?

– Нет, ну почему... Просто я даже опомниться не успеваю от твоих решительных действий...

– Ничего, привыкнешь. Я никогда и ни над чем долго не думаю, если ты успела заметить. Ну все, пока! Чего мы по телефону-то... Жди, я скоро приеду!

Нажав на кнопку отбоя, Лина снова упала головой в подушки, полежала еще немного, пялясь в потолок и пытаясь собраться с мыслями. Они, заполошные, обалдевшие, прыгали в голове, толкая друг друга, переплетались испугом и радостью и снова разбегались в разные стороны, и сматывались в конце концов в единый счастливый клубок. И лицо в зеркале ванной, когда она к нему сунулась, было таким же – яркоглазым, заполошным и опять словно обалдевшим. Господи, да неужели это счастье именно с ней сейчас происходит? И как это хорошо – ждать дома своего мужчину, того, которого очень хочется ждать... Наверное, она всю предыдущую жизнь только тем и занималась, что его ждала?

– Ой, миленькая, как хорошо, что вы проснулись! – встретила ее внизу неизменной медовой улыбкой Анна Николаевна. – А я ведь к вам с просьбой, Линочка...

– Что такое, Анна Николаевна?

– Да мне бы сегодня пораньше надо уйти... Дочка у меня сегодня приезжает, вот я и хотела... Мне уж бежать надо, а вас все нет и нет. А сон ваш порушить я не решилась.

– Ну и зря... Конечно, идите, Анна Николаевна! Да можно было и вообще сегодня не приходить, раз такое дело!

– Ой, ну как же можно... Мне это место дорого, что вы! Где я еще хозяев таких найду? Вы бы видели, как в других домах с домработницами обращаются... А завтрак я вам приготовила, и обед тоже! И кофе сварила! А уборкой завтра займусь. Ну все, я побежала, спасибо вам!

Кофе Лина пила на террасе. С кардамоном, кстати! Какая она заботливая оказалась, эта Анна Николаевна... И все равно, ужасно неловко, что кто-то для нее по утрам кофе варит... На душе некомфортно. Наверное, не проснулся таки в Лилиной человеческой природе ни один аристократический ген, даже самый завалыщенький. Хотя не очень-то и хотелось, если честно. То ли дело – все сама! Сама себе кофе варишь, сама себе на хлеб зарабатываешь, и живешь тоже сама...

А вот посидеть просто так на террасе, поглядеть на июньский разгорающийся денек вполне даже и комфортно, и в удовольствие! Есть, есть в этом бездельном времяпрепровождении что-то ужасно притягательное. Так что из формулы «все сама» показатель «хлебозарабатывания» вполне даже исключить можно. А что? Если уж такое счастье вдруг привалило...

Ухо уловило звук шагов, голоса снизу, и она весело полетела им навстречу – Павел приехал! Наверное, вместе с Егорушкой. Наверное, из школы его забрал, после экзамена!

– Ну, как, сдал? – подходя к парню, поинтересовалась весело. – Легкие тесты достались? Хороший балл будет, как думаешь?

– Не знаю... – легкомысленно пожал Егор плечами, улыбаясь ей навстречу. – Какой будет, такой и будет, какая разница. Но я вроде старался, все нужные галочки во всех нужных местах честно поставил! – Проговорив, Егор быстро стрельнул взглядом в сторону нахмуренного Павла.

– Нет, ты только послушай его, Малина... – сердито улыбаясь, мотнул головой в сторону сына Павел, – нужные галочки в нужных местах! Будто не экзамен сдает, а бестолковщиной занимается!

– Пап... Но я же говорю – старался...

– А что ты называешь старанием, интересно? За три дня перед экзаменом из дома смотреть, чтоб картинка на воле малевать?

– Ой, а давайте-ка мы лучше обедом займемся! – весело вступила Лина с предложением в этот опасный диалог. – Вы ж оба наверняка голодные! А для голодного желудка любые споры вредны, они гастрит вызывают! Моем руки, и за стол! Я сейчас быстренько все накрою...

– Почему – ты? – удивленно бросил в ее сторону Павел остаток сердитости. – А где у нас Анна Николаевна?

– Я ее домой отпустила, Паш... У нее сегодня дочь приезжает.

– Да? Ну что ж... Но мой тебе совет на будущее, Малина, – не давай себе на голову садиться!

– Хорошо. Не буду.

– А ты куда, Егор? – удивленно окликнул он поднимающегося наверх по ступенькам сына. – Ты что, не будешь с нами обедать?

– Нет... Я не хочу. Я потом...

– Егор! Что это значит – потом? Кто тебе накрывать будет – потом? Вернись немедленно!

– Ой, Паш, прошу тебя... – подскочила к нему Лина, слегка расставив руки в стороны, будто загораживая телом от Егора, – не трогай его, не надо... Пусть он идет. Проголодается – сам поест.

Мотнув головой, как усталый конь, Павел плюхнулся на диван, вздохнул, закинул ногу на ногу. Глянул на нее снизу вверх, улыбаясь:

– Ты мне так всех домашних сладкой добротой перепортишь, Малина... Ничего, скоро и твоим воспитанием займусь. И учти, мало тебе тех уроков не покажется! Ну что стоишь, улыбаешься? Вроде как обед обещала...

Быстро разобравшись в кухонном посудном хозяйстве, Лина лихо накрыла на стол, водрузила в его центре давешнюю так поразившую ее воображение супницу. Открыла крышку, вдохнула чесночный запах борща, глянула на Павла так гордо, будто сама этот борщ и варила все утро.

– Приятного аппетита! – поставила перед ним наполненную до краев тарелку.

Он молча принялся есть, покрхтывая едва слышно и чем-то до ужаса напомнив ей голодного слесаря Гошу из фильма «Москва слезам не верит». Утолив первый голод, глянул на нее немного удивленно:

– Чего ты так на меня смотришь?

Опа! А слесарь-то Гоша, похоже, именно этот вопрос героине в прекрасном финале фильма и задал... А она ему что ответила, дай бог памяти? Что-то такое ужасно трогательное, вроде того – «...как долго я тебя ждала...». Может, и ей сейчас, как той героине, с подобным ответом подсуетиться? Наверное, красиво будет...

Однако не вытекло ничего из благих намерений. Оттолкнув красоту, киношную и удобную, вдруг выскочил сам по себе неудобный вопрос, будто давно готовился и никак не мог дожидаться своего времени.

– Павел... Ты почему Егора в такой суровости держишь? Чего ты его все время окриком шпыняешь? Нельзя же с ним так – все время окриком...

– Да потому и шпыняю, что наивность из него выбить хочу! Наивность и расслабленность! Ну что это за мужик, который картинки рисует? Мне надо, чтобы он сильным был, чтобы удар умел держать! Сила, сила мне в нем нужна! Сила и характер. На силе нынче весь мир держится.

– А по-моему, он как раз на наивности держится... Однажды пришел

такой наивный, и с его Рождества люди начали другой отсчет времени. Правда, заблудились в нем по самое ничего, забрели сослепу не туда, приняли черное за белое, теперь и сами не знают, как из всего этого выбраться.

– Ого! Эка в дебри тебя понесло, милая! Ну что ж, это даже интересно... Люблю иногда за обедом пофилософствовать. Давай, давай поговорим о времени, если уж разговор такой начали. И какое сейчас время, по-твоему?

– Какое, какое... Нормальное, человеческое. Времена всегда одинаковые, Павел. Это люди в них получают разные.

– То-то и оно, что разные... И именно – получают, это ты правильно подметила. Как родители постараются, такие и получают. Одни получают сильные, состоятельные и обеспеченные, а другие – так себе. Нет, я не сноб, конечно, но я все-таки предпочитаю, чтобы мой сын был из породы тех самых – сильных, состоятельных и обеспеченных. И это так и будет, уж поверь мне! Он будет заниматься тем делом, которое даст ему состоятельность и обеспеченность.

– Но... Он же по натуре другой, как ты не понимаешь? Ему твое дело не подходит, он прежде всего человек творческий, он художник...

– Кто? Художник? – насмешливо перебил ее Павел. – А кто это такой – художник? Уж не тот ли вечно голодный пьяненький мужичок, что на улице в дождь и в снег сидит, портреты прохожих рисует, сгорбившись на низкой скамеечке?

– Ну почему сразу – на скамеечке! Егор, между прочим, очень талантливый! И я уверена, что он обязательно состоится именно как художник!

– Да ладно... Ты хоть знаешь, сколько из этой братии вылупляется именно состоявшихся? А главное, состоятельных? Да единицы, Малина, единицы! Нет, это все не то, не то... Состояться и быть состоятельным – это разные вещи. И давай закроем вопрос, Малина! Я даже спорить с тобой на эту тему не хочу. Прости, но со своим сыном я как-нибудь сам разберусь!

Павел так резко выскочил из-за стола, что стул с грохотом опрокинулся на пол. Казалось, этот грохот привел его в чувство – он обернулся, долго смотрел на стул удивленно, потом хмыкнул, глянул на Лину виновато.

– Прости... Сам не знаю, чего я так занервничал. Но и ты тоже хороша, заладила свое – состоится, не состоится... Да ни фига он не состоится, время только потеряет. Это же ясно как божий день...

Наклонившись, он резким движением вернул стул на место, постоял

около него задумчиво, потом сел, снова взялся за ложку. И тут же ее отшвырнул от себя. Сцепив пальцы в замок, долго смотрел на Лину исподлобья, потом произнес тихо, вкрадчиво:

– Ну вот скажи мне... Ты никогда не задумывалась над тем, почему каждый человек так стремится быть состоятельным? Ты слышишь, с каким придыханием это всегда произносится – состоятельный человек, обеспеченный человек... Я бы даже сказал – с благоговением! Оно в человеческой природе уже подсознательно присутствует – благоговение перед чужим состоянием. И что бы это значило, как ты думаешь?

– И что?

– А то, что состоятельный – он уже и есть состоявшийся во всех ипостасях. Энергия уважения к нему хошь не хошь, а присутствует уже автоматически. Именно поэтому я сделаю все, чтобы мой сын был именно состоятельным, понимаешь? В самом пресловутом материальном смысле этого слова! Не состоявшимся, а состоятельным. Я ж ему отец, а не ехидна. Что делать – без денег в нашей стране жить нельзя... Можно в щель забраться и сидеть там до поры до времени, а жить – нельзя. Состоятельность – основной атрибут нынешней жизни. И даже не атрибут, а объективная необходимость, если хочешь.

– Хм... – удивилась Лина. – По-твоему выходит, состоятельность главнее жизни как таковой? А что такое вообще жизнь, по-твоему?

Павел глянул на нее слегка раздраженно, погулял желваками щек. Потом, будто сделав над собой усилие, переспросил вкрадчиво:

– А по-твоему, что это такое – жизнь, как ты говоришь, «вообще»?

– Ну хорошо, – кивнув своим мыслям, начала Лина, – я тебе скажу... Скажу, как чувствую. По-моему, жизнь – это просто движение счастливой человеческой природы. То есть достойное ее в себе ощущение. И неважно, в бедности или в богатстве это движение происходит. Ты – есть, ты – живешь, и этого уже достаточно для счастливого мироощущения! Если человек в этом движении теряется, акцент неправильный делает, то есть позволяет загонять свою счастливую природу в маленькие удовольствия зрительно-бытового ряда, то она обижается, отворачивается от него безвозвратно. И что ему остается? Торговый центр с боулингом да выплата очередного кредита для очередного бытоустройства?

– Ну и что плохого ты находишь в боулинге и бытоустройстве?

– Да ничего плохого, по сути, там нет, конечно, – пожала плечами Лина. – А только, знаешь... Я вот помню, как в детстве мы с бабушкой на годовую подписку журнала «Юность» отмечаться ходили. В шесть утра вставали и шли. Вроде чего особенного? Ну, стоят страждущие, номера на

ладонях пишут, общаются, кофеек из термосов пьют. Обычное дело. Но вот честное слово, Павел! Там такие человеческие лица были... Настоящие! У них в глазах живой дух светился! Да разве в боулинге найдешь сейчас хоть одно такое лицо? А еще я помню, как бабушка над повестью Распутина «Живи и помни» всю ночь проплакала... Ты знаешь, она совсем обычная была женщина, как, впрочем, все те, которые в той очереди за подпиской стояли. Она и за холодильником так же стояла, и за «стенкой», и за сервисом... Но ей это не мешало плакать над книгой, вот что главное! Не должен человек терять свою самость, свою внутреннюю божественную состоятельность в любых испытаниях, понимаешь?

– То есть... Ты хочешь сказать, пусть в гладе и в хладе, но каждый обязан жить в обнимку со своей внутренней божественной природой? И только этим обстоятельством довольствоваться?

– Ну да... Понимаешь, в разумной аскезе душа человеческая сохраняется. И не я это придумала, так испокон веков считалось.

– Хм... А в сытости и тепле она что, не сохраняется, по-твоему?

– В чрезмерной сытости – нет. Сытость требует еще большей сытости, потом громадной сытости, потом самой что ни на есть сытости, и душа в конце концов растворяется в этой кислоте вождления. Подхватывает заразу, принимая ее за нектар.

– Ну в таком случае я должен тебя огорчить... За этой заразой выстроилась огромная очередь страждущих, и несть им числа. Но дело даже не в этом! Ты, ты меня сейчас удивила, Малина! Неужели ты и впрямь такая наивная – по самое ничего? Да ты выйди сейчас на улицу, спроси у любого, чего бы он выбрал при наличии возможности – мою состоятельность или твою божественную природу? Да тебя же обсмеют, поколотят на первом же перекрестке! Те самые простодушные, которые над Распутиным слезы проливали, и поколотят! А что делать? Сначала верили в аскезу и коммунистическую партию, потом с такой же яростью поверили в богатство и капитализм... За новую веру и поколотят!

– Да, – неожиданно для Павла согласилась Лина. – Наверняка поколотят. И наверняка – от души. От простой души, ты это правильно подметил. Как сказал один мой знакомый – такая уж сложилась парадигма человеческого мышления, и ничего с этим не сделаешь. Ее бы начать менять изнутри потихоньку, да уже некому. Разве что второго пришествия ждать...

– А вот тут ты права – действительно некому. И поэтому надо кушать то, что дают. Время сейчас такое. Никто сейчас не хочет быть бедным и обиженным, никто. Или ты обиженный, или сам обижающий. Другого

варианта нет. А сама, сама-то ты, неужели никогда не жила с ощущением обиженности по поводу материальной несостоятельности?

– А ты знаешь, нет! – с уверенностью заявила Лина. – Не я с обиженностью жила, это она рядом со мной существовала. Параллельно. Я – сама по себе, она – сама по себе. Я раньше думала, это у меня чистоплюйство такое, а теперь понимаю, что нет... Это другое что-то...

– Что? Внутренняя божественная природа? – спросил Павел с легким сарказмом в голосе.

– Да! Именно так! – кивнула Лина. – И еще это протест, если хочешь!

– Протест?

– Ну да, протест! И не спрашивай меня, ради бога, в чем он состоит... Я и сама толком не знаю! Если честно, я раньше никогда и не думала, что могу вообще так мыслить. И уж тем более – протестовать. Не было у меня раньше в голове ничего подобного! Жила и жила себе, всем довольна была. А что сейчас – не знаю! Вроде и счастье безумное привалило, и на седьмом небе от него должна быть, но будто ворошится во мне что-то, радоваться мешает. Вот мы сидим с тобой сейчас, говорим об этом, а между нами словно пустота висит... Почему, Павел? Мы же с тобой из одного практически поколения, в одном и том же социуме варились! Ну вспомни, как это было... Какие мы были живые, все кругом спорщики веселые! Потом чуть обалдели, конечно, засомневались, приутихли в спорах... Но все равно жить хотелось, выражать свою точку зрения, исходить веселой доказательной яростью! По-живому спорить, понимаешь? И точка зрения была у каждого – своя! А теперь – что? Теперь, когда заботы о материальном возведены в эталон правильного нерушимого миропонимания, спорить уже практически не с кем. И не о чем. Как можно спорить с эталоном? Никак нельзя... Наверное, мой протест в этом и есть. Смешной, как капля пресной воды в соленом море. Но он есть, и я ничего, ничего не могу с этим поделать, Павел! Еще и разговор этот наш дурацкий... Как в пустоту. Зачем я его только затеяла?

– Да, – кивнул Павел. – И впрямь – не надо было.

– Ну если уж затеяла, то и до конца доведу... Я что, собственно, хотела сказать... Отпусти сына, Павел. Не ломай его, не бери грех на душу. Слишком уж он не вписывается в эталон правильного миропонимания, в придуманный тобою образ состоятельного, обеспеченного и... Как там еще? Всех обижающего и право имеющего?

– А в образ внутренней божественной состоятельности, значит, вписывается? – язвительно проговорил Павел.

– Да. Именно так. Именно в этот образ он и вписывается.

– Ох, Малина ты моя, Малина... Если б ты понимала, какие сейчас глупости городишь! Милые наивные глупости! И вообще, я еще раз тебе повторяю – со своим сыном я сам как-нибудь разберусь. На днях получит аттестат и потопает в строительный как миленький. Там уже все оговорено, его с распростертыми объятиями примут. Я своих решений не меняю, ты уже знаешь об этом.

– Павел! – воскликнула Лина. – Я прошу тебя, не надо так с ним!

– Все, Малина. – Павел совершенно не слышал ее. – Этот вопрос уже решен, не о чем говорить.

– Но ты хоть понимаешь, на какой поступок его толкаешь? Он же сбежит от тебя! Сбежит и потом будет своим же поступком мучиться! Он же любит тебя, Павел!

– Не понял... – снова заинтересовался Павел. – Куда это он сбежит?

– Да в Питер, в «Муху» свою! – вырвалось у Лины.

– Это он сам тебе сказал?

– Да какая разница, сам или не сам?

– Нет... Это большая... Это большая разница...

Она и не поняла сначала, что произошло в следующую секунду. Снова грохнулся на пол стул, и Павел промчался мимо разъяренным демоном. Туда, вверх по лестнице, напрямик в комнату Егора... Охнув, Лина тоже подскочила с места, понеслась вслед за Павлом.

Картина, которую она застала, повергла ее в шок. Совсем уж безобразная была картина, похожая скорее на дурной сон. Крутилась кинолентка, выхватывая крупными планами самые жуткие кадры. Вот Павел, стоя у стены, срывает Егоровы нежные рисунки, рвет их истошно, яростно, и они летят жалкими клочками ему под ноги. А вот еще один крупный план – лицо Егора. Бледное, серое, будто из картона слепленное. И удивление в глазах сменяется страхом тупой безнадеги, и голова – в плечи, и тонкие кисти рук сжаты на груди по-девичьи, в немой мольбе. Застыл, смотрит не мигая. Потом опустил глаза вниз, на разбросанные по полу клочки, потом поднял взгляд на Лину, застывшую в дверях... Будто в грудь толкнул.

– Что ты делаешь, Павел? Прекрати, прекрати немедленно! Одумайся, Павел, что ты творишь?!

Надо же, какой странный, отвратительный вышел из груди крик. Высокий, визгливый, как у базарной торговки, аж горло горячим спазмом зашло. Наверное, никогда этот дом не слышал подобного визга-крика. Но, видать, действие он свое возымел. Вздогнув, Павел обернулся, встретился с Линой глазами, застыл на секунду, мотнул головой, будто

стряхивая с себя наваждение.

– Чего ж ты кричишь, Малина... – проговорил хрипло, с удивлением разглядывая комок бумаги в руке. – Чего ж ты голосишь-то так...

Попятившись, Лина ступила за порог, метнулась по широкому холлу сначала вправо, потом влево. Остановилась, соображая – куда бежать-то? Да не все ли равно куда... Вот, на террасу хотя бы, плюхнуться без сил в кресло, воздуху глотнуть...

Горло, казалось, все еще сжимало болезненным спазмом. И лицо горело, и руки тряслись в мелкой лихорадке. Что это с ней было сейчас? Надо же, сроду не знала, что способна выдать голосом такую истерику... И ладно бы голосом, это еще полбеды! С образовавшимся внутри переполохом что делать? Бьется что-то внутри напряжением, решения требует. Немедленного, срочного какого-то решения, иначе... А бог его знает, что – иначе. Сейчас, сейчас она посидит еще одну минуту, и ясно будет, что же – иначе...

– Успокойся, пожалуйста, ты дрожишь вся...

Лина вздрогнула, обернулась лихорадочно – Павел за спиной стоит. Взгляд виноватый, озабоченный.

– Ну ты чего, Малина... Я напугал тебя, да?

Присел перед ней на корточки, за руки взял. Надо бы сказать ему что-то, да горло вновь перехватило, будто кто наждаком по нему провел.

– Ну погорячился, с кем не бывает? Да мы помирились уже, успокойся! Он же мой сын, он меня всегда поймет и простит! Ну все, все, давай забудем...

Павел потянул ее за ладони, прижал их к щекам, глянул в глаза с тревогою. Какие у него щеки горячие. А может, и не горячие, может, это у нее руки так заледенели? И напряжение внутри по-прежнему бьется, дышать не дает, выхода требует. Какого, какого выхода? Что ж это с ней происходит, господи ты боже мой, вразуми?

– Зачем ты... Зачем... Порвал... – с трудом удалось вытолкнуть из груди хриплое, перемежаемое короткими вздохами-всхлипами. – Он же... Нельзя было... А ты... Зачем?!

– Ну и порвал, и подумаешь! Да он еще сколько хочешь тебе намалюет! Чего ты так переполошилась-то?

– Переполошилась?! – с ужасом глянула на него Лина. – Ты считаешь, по этому поводу можно всего лишь переполошиться?

Собственное удивление, казалось, было осязаемым и очень горьким на вкус. С трудом сглотнув эту горечь, Лина помотала головой, передернулась в короткой лихорадке. И вдруг... Будто лопнуло что-то внутри, исходя

паром давешнего тяжкого напряжения. И дрожь из тела ушла, и в голове образовалась такая звонкая ясность, что даже дыхание перехватило. И решение пришло – мгновенное. Да, другого решения и быть не может...

Подскочив из кресла, Лина сосредоточенно огляделась вокруг, будто искала чего. Павел тоже поднялся с корточек, смотрел на нее испуганно и удивленно. Потом, спохватившись, властно усадил обратно, пробурчав сердито:

– Да успокойся же ты, ну... Ничего особенного не случилось, жизнь продолжается. Хочешь, валерьянки принесу? Хотя черт его знает, есть ли она в доме, валерьянка эта...

– Нет... Нет, Павел, – спокойно проговорила Лина. – Не надо никакой валерьянки. Просто... Я не буду здесь жить. Я не буду здесь жить – с тобой. Я не смогу жить – во всем этом! Я уйду прямо сейчас, ладно?

– Не понял... Как это – уйдешь? Куда – уйдешь? Ты что говоришь, Малина?

– Я не смогу больше здесь оставаться, прости.

– Но почему?!

Лина неловко пожала плечами, отвернув лицо в сторону. Напряглась, собираясь с силами, чтобы, не дай бог, не расплакаться. Какие уж тут могут быть слезы, когда принято решение, окончательное и бесповоротное? При чем тут слезы?

– погоди... – растерялся Павел. – погоди, Малина...

Он снова присел перед Линой на корточки, неловко вытянул шею, пытаясь поймать ее взгляд. Заговорил тихо, ласково, но в то же время довольно жестко:

– послушай... послушай меня сейчас внимательно. Милая моя, ты думаешь, я ничего не услышал, не понял из того, что ты мне за обедом толковала? Про твой не до конца осознанный протест, про эту твою природную... фу, черт, забыл, как эта хрень называется... внутреннюю божественную состоятельность? Да все я прекрасно понял, дорогая моя! И все услышал! Я тебе даже больше скажу – именно этой своей природой ты меня к себе и притянула. Ты вот такая и есть, с этой... как ее... божественной состоятельностью. Просто... Не я эту жизнь придумал, в которой жить приходится. Она всегда будет такой, алчной и богатства страждущей. И детей своих надо в эту жизнь за собой тащить, и с этим тоже ничего не поделаешь!

– Ну почему же... Почему же ничего не поделаешь... – проговорила Лина так тихо, будто сама с собой разговаривала, – почему же... Все равно когда-то и кому-то с чего-то надо начинать...

– Да. Надо. Конечно же, надо, я согласен. Только почему именно я должен начинать, причем с судьбы своего сына?

– Да, Павел, ты прав. Ты ничего никому не должен.пусти меня, я пойду...

– Не пущу. Я тебе еще не сказал, что люблю тебя...

– Пусти! Да пусти же!

Вырвавшись из его рук, Лина заметалась по террасе, как глупая перепуганная курица. Еще и уши руками зажала – не слышала, мол, ничего! Так потом и по лестнице вниз бежала – с прижатыми к ушам руками. Хорошо, хоть сумочка вовремя по пути попала – лежала сиротливым комочком на тумбе у входных дверей. Гравийная дорожка прошуршала под ногами что-то недовольное, ворчливое – ну и иди, мол, отсюда, раз не ко двору пришлась... Видали мы таких, с природной божественной состоятельностью...

Железная витая калитка была чуть приоткрыта, словно тоже не собиралась Лину удерживать. Выскочила на улицу – никого... Пустая совсем улица, ни машин, ни людей. Улица, состоящая из высоких бетонных заборов. Ага, вот и машина показалась из-за поворота...

– В центр не отвезете? – сунулась Лина с быстрой просьбой к водителю, лысому мужичку довольно хамоватой наружности.

– Полторы штуки, мадам... – осклабился он вежливой щербатой улыбкой.

– Чего полторы штуки?

– Ну не зеленых же... Рублей, конечно.

– А почему так дорого?

– Да потому, что район такой. Какой район, такие и запросы. Ну, едете или нет?

– Еду... – плюхнулась Лина на заднее сиденье, лихорадочно пытаюсь воспроизвести в памяти имеющуюся в кошельке наличность.

И вдруг – будто кто в затылок ударил. Оглянулась, прижав ладонь к щеке... Две одинокие фигурки, Павла и Егора, застывшие у железной калитки, скрылись за поворотом.

Надо же, а щека-то мокрая совсем. И когда это она успела заплакать?

* * *

– Мам... Что с тобой? На тебе лица нет... С Павлом Сергеичем поссорилась, да?

Отодвинув Женьку в сторону, Лина прошла на кухню, без сил опустила на стул. Женька тихо вошла следом, села напротив, глядела на нее с опасливым изумлением.

– Он что... Прогнал тебя, да?

– Ну почему – прогнал... Что я, овца, что ли, чтобы меня туда-сюда гонять-прогонять? Не спрашивай меня пока ни о чем, Женечка... Давай завтра поговорим. Или лучше вообще не будем больше об этом говорить. Никогда. Не было никакого Павла Сергеевича, ладно? Будем жить как жили.

– Хорошо, мам. Как скажешь. Хочешь, я тебе чаю сделаю?

– Нет. Я лучше спать пойду. Голова болит...

Голова действительно исходила какой-то жалкой бубнящей болью, будто ныл в ней чужой досадливый мерзкий голосок – что ж ты наделала, несчастная женщина, что ж сотворила, дурица ты окаянная... Жалкая, противная боль. Боль-послесловие. Боль-эпilog. И красной болезненной нитью через нее, будто перекрикивая, голос Павла – «...я тебе еще не сказал, что люблю...».

Уснула она на удивление быстро. И спала долго – тоже на удивление. Правда, проснувшиеся глаза никак не хотели открываться, да и весь организм будто сопротивлялся пробуждению, застыл под одеялом болезненной вялостью. Может, вообще сегодня с постели не вставать? И завтра – тоже? Лежать себе так тихонько, не думать ни о чем, не трести свежую рану-память...

– Ма-а-а-м... – проблеял над ухом испуганный Женькин голосок. – С тобой как, все в порядке? Ты уже двенадцать часов спишь... Вставай, а? Мне в институт идти надо, на консультацию...

– Так иди, Жень. Чего ты? – тихо промычала Лина, с трудом разлепив губы.

– Ага, иди... Как я тебя тут одну оставлю? В таком состоянии?

– Да уж... – проговорила Лина уже бодрее и даже усмехнулась слегка, – состояния у нас у обеих, что ни говори, плоховатые. Особенно в последние дни.

– Ну тогда я никуда не пойду! – приняла решение Женька. – Если ты не встанешь, я не пойду!

– Да я встану, Жень. Со мной все в порядке, честное слово. Вот видишь, уже встаю...

Сев на постели, она притронулась кончиками пальцев к вискам, осторожно потрясла головой, вымучила из себя довольно веселенькую улыбку, даже сделала попытку потянуться будто бы в радостном

пробуждении. На Женьку старалась не смотреть – вдруг в глазах давешняя боль плеснется?

– Ну все, иди, Жень... Когда у тебя экзамен?

– Завтра... Да я ненадолго, мам! На консультацию сбегаю, и обратно! И весь день заниматься буду! А ты вставай, тоже займись чем-нибудь!

– Чем, например?

– Ну я не знаю... В магазин сходи, обед приготовь. Накорми своего несчастного ребенка, у него же сессия, в конце концов! Организму калории с витаминами нужны!

– Да? Ну ладно...

– Тогда я побежала?

– Беги.

Она еще посидела на постели, привалившись спиной к стене и соблазняясь мыслью бухнуться обратно в подушки, но материнская совесть взяла-таки верх над вялым улиточным состоянием. Действительно, надо бы обед приготовить. Хорошую ей установку Женька дала, действенную. В том смысле, что можно совершать ряд определенных и понятных действий, ни о чем другом не думая. Главное, надо как-то начать этот ряд. Встать с постели. Умыться. Одеться. Пойти в магазин. Встать к плите...

Вот и хорошо. Вот и умница. Вот и молодец. Одно действие совершила, приступай к другому. Умница, уже и до магазина дошла. Теперь обратно – с сумками...

– Лин... Ты, что ли?

Опа... А вот лишние встречи мы вписывать в этот ряд не договаривались. Люся. Только тебя мне сейчас и не хватало...

– А я смотрю – ты, не ты...

– Это я, Люсь. Здравствуй.

– Привет, привет... А чего с сумками-то? Иль ты уже домой из богатого замужества возвратилась?

– Да, Люсь. Будем считать, что возвратилась.

– Ой, да и ладно, да и бог с ним! А я, знаешь, сразу тогда подумала – не сложится у тебя ничего. Потому что неправильно это, шиворот-навыворот получается. Богатство, оно ведь только к богатству лепится, а наоборот никогда не выходит. Так что не бери близко к сердцу. Лучше приходи ко мне вечером, посидим, как раньше... Я не гордая, я плохое не помню.

– Люсь, а что я сделала плохое, которое ты обещаешь не помнить? – поинтересовалась Лина.

– Ну так... – наморщила Люся лоб в растерянности, – я уж и не

помню, чего я на тебя вдруг озлилась... Ой, я ведь не похвастала еще, Линк! Мы же вчера с Колей «плазму» таки в кредит оформили! Красотища! Теперь, правда, на одной картошке сидеть придется... Ну ничего, перетерпим! Зато теперь зайдешь в дом, оглядишься, и прям вац-ще... Так прям всё...

– Богато? – закончила за нее Лина.

– Ага... – не заметила издевки Люся, – богато, прямо глаз радуется! Да чего рассуждать-то, пойдем прямо сейчас да посмотрим!

– Нет, Люсь. Как-нибудь в другой раз, – твердо заявила Лина. – Ты прости, мне идти надо... До свидания.

– Ну иди, раз надо... – разочарованно протянула Люся в ее удаляющуюся спину. Вздохнув, добавила грустно: – А ты другая какая-то стала, Лин... Не свойская какая-то... Завидуешь, что ли?

Открыв дверь в подъезд, Лина торопливо нажала на кнопку лифта, оглянулась лихорадочно. Потом одернула себя – перестань. Люсю пережили, и ладно. Теперь надо на приготовлении обеда сосредоточиться. Продолжить жизнь по установленной Женькой программе. Шаг за шагом, все вперед.

Время до Женькиного прихода и впрямь протекло незаметно. Когда ключ знакомо зашуршал в замочной скважине, Лина выскочила в прихожую с улыбкой и тут же и застыла на месте, удивленно тараща глаза. Из-за спины Женьки выглядывал Егор...

– Мам! Этот парень говорит, что тебя ищет! – неловко махнула рукой в его сторону Женька. – Ходит по всем квартирам и спрашивает, где Лина живет... Ты его знаешь, мам?

– Да. Знаю. Познакомься, Женя, это Егор, сын Павла Сергеевича.

– Ах вот оно что... – протянула Женька, уставившись на Егора с жадным любопытством. – Сын, значит...

– Здравствуйте, – неуклюже склонил он голову, прижав руку к груди, – очень приятно познакомиться...

– Ну, чего вы оба в реверансах топчетесь? – Лине удалось, наконец, прийти в себя. – Давайте мойте руки, обедать будем. Женя, проведи Егора в ванную!

Вернувшись на кухню, она постояла еще немного в растерянности, потом засуетилась бестолково с обедом, пытаясь унять дрожь в руках. Суповая тарелка выскользнула, упала на пол с нервным дребезжанием. Не разбилась, надо же. Значит, счастья не будет.

Обедали молча, тоже как-то бестолково. Хлебали щи со старанием, будто важнее этого занятия на свете нет. Первым не вынес этой

бестолковости Егор, положил ложку, глянул на Лину отчаянно.

– Лина, я спросить хотел. Только я не знаю, как вы к этому отнесетесь. В общем...

– Давай, Егор. Не тяни. Что у тебя случилось?

Спросила – и отвела взгляд в сторону. Слишком уж густым отчаянием из его глаз полоснуло.

– Да нет, ничего такого не случилось, что вы! Просто... Я из дому решил уйти. Можно я у вас немного поживу?

– Поживешь? Как это?

– Ну я не знаю... В принципе, я и на полу спать могу. Всего несколько дней, пока аттестат не получу! А потом я сразу в Питер уеду... Если я дома останусь, отец меня не отпустит. Он вчера, когда вы ушли, все ходил по дому, ходил... Я знаю, когда ему плохо, он всегда по дому ходит. К нему в это время приближаться нельзя. Ну как я к нему со всем этим подойду? Вы ж сами видели... Я уж лучше так, без подхода. Уеду, и все. Можно, я у вас поживу?

– Нет, Егор. Нельзя.

– Но почему?

– Потому. Нельзя, и все. Понимаешь, ты сам должен свое право отстаивать, честно и смело. А получается, ты обманом хочешь... И меня в свой обман вовлекаешь. Пойми, я никакого права на этот обман не имею... Тем более твой отец быстро догадается, где тебя искать. А я не могу, Егор...

– Но что же мне тогда делать?

– Не знаю, – вздохнула Лина. – Плохой я тебе советчик. Я и сама с собой пока не знаю, что делать. В конце концов, не станет же он тебя веревками к стулу привязывать! Если захочешь, все равно своим путем пойдешь. А я... Прости, Егор, я помочь тебе ничем не смогу... Не обижайся на меня, пожалуйста.

– Да ладно, что вы... Я не обижаюсь, не думайте. Наоборот, понимаю все. Жаль, конечно. Жаль, что вы... Что у вас с отцом...

– Ничего, Егор. Не надо ни о чем жалеть. Как вышло, так вышло. А хочешь, я с подружкой договорюсь, и ты у нее поживешь?

– Нет. Нет, не надо, – отрицательно покачал головой Егор. – Тем более вы правы – я сам должен с отцом разобраться. Спасибо вам за обед, пойду я.

– Погоди, ты же еще второе не съел. Жареная картошка с котлетами.

– Нет, спасибо. Я пойду.

Он неуклюже поднялся из-за стола, чуть не смахнув тарелку на пол.

Удержалась тарелка. Не разбилась. Опять счастья не будет. Ох, не заплакать бы...

– Я провожу, мам! – видимо, почуяв Лино слезное состояние, подскочила с места умница Женька. – Сиди...

Звук захлопнувшейся за Егором двери ударил по солнечному сплетению, и сразу зануло внутри болью, той самой, вчерашней, и давешний мерзкий голосок закопошился, забубнил досадливо – что ж ты наделала, несчастная женщина, что ж ты сотворила, дурища окаянная... Сиди теперь, плачь. Кому теперь твои слезы нужны?

Вернувшаяся на кухню Женька охнула, засуетилась, сунула матери в руки стакан с водой.

– Мам, ты чего? Ты из-за него, что ли, из-за Егора этого? Не плачь! Все ты правильно сделала! С чего ради он будет здесь жить? Ты же потом и виновата останешься... Сами разберутся, мам!

– Да не в этом дело, Женечка... Это я так... От безысходности. Очень плохо бывает, когда поделаться с собой ничего не можешь. Вроде глупо, а все равно – не можешь...

– Я не понимаю, мам.

– Ничего. Я тебе потом все объясню, ладно?

От звука дверного звонка они вздрогнули, удивленно уставились друг на друга.

– Он что, вернулся? – тихо спросила Женька. – Забыл что-то, наверное. Ты сиди, я открою...

Торопливо смахнув с лица слезы, Лина затихла, прислушиваясь к голосам в прихожей. Один, понятно, Женькин, а другой... Нет, это не Егор. Это... Денис, похоже. Точно, его голос. Громкий, восклицательный, радостный вздох.

Женька первая влетела на кухню, плюхнулась на стул, спрятала пылающие щеки в ковшике ладоней, глянула на Лину, как давеча Егор глядел – с изумленным отчаянием.

– Добрый день! А вот и я! И как раз – к обеду! – нарисовался в дверях кухни Денис, подперев мощными руками дверные косяки и приветствуя Лину радостным полупоклоном. – Может, и мне тарелку супчику нальете, Лина Васильевна?

– А может, обойдешься? – вдруг зло произнесла Женька, отнимая ладони от лица. – Зачем ты вообще сюда заявился? Кто тебя звал?

– Жек, ты чего? – удивленно моргнув, совсем по-детски хлопнул Денис глазами, потом удивленно перевел их на Лину: – Чего это с ней, Лина Васильевна?

Ей только и оставалось – тяжело вздохнуть да плечи поднять, да застыть в нехорошем предчувствии. Что-то сейчас будет...

– Вообще-то я пришел вас обеих на обед пригласить... – не дождавшись ответа, тихо проговорил Денис, переводя взгляд с Лениного лица на Женькино. – Мама там стол накрывает, папа на работе выходной взял, салатики режет... А вы – чего? Я вообще-то не понял...

– Ух ты, как классно! Мама, значит, стол накрывает? – то ли насмешливо, то ли угрожающе хохотнула Женька, глянув Лине в глаза. – Слышь, какая нам с тобой, маргиналкам, честь оказана?

– Да что с тобой, Жень? – осторожно присел на стул рядом с ней Денис. – Обиделась, что ли? Это потому, что я долго не звонил, да? Но я как раз и хотел тебе все объяснить...

– Ну давай, объясняй. Интересно даже. Послушаем твою версию событий.

– Да каких событий, Жень? Хотя... Действительно все по-дурацки получилось, как-то сразу не заладилось. Может, я не вовремя к родителям с этим разговором сунулся... Ну что мы с тобой вроде как пожениться решили...

– Вроде как?

– Не придирайся к словам, пожалуйста. Я ж им не сразу про женитьбу бабахнул, я сначала сказал, что хочу тебя с ними познакомить. Ну они, естественно, спрашивать начали, кто ты, откуда, кто родители...

– Ну конечно же, это так естественно... – тихо и зло проговорила Женька.

– А как ты хотела, Жень? Они что, не имеют права знать, на ком их сын хочет жениться? Да, это вполне естественно!

– Ну да. Значит, ты им всю подноготную про меня выложил, и дальше что?

– Да ничего, собственно... – развел руками Денис. – Ну то есть... Как бы тебе это сказать...

– Они не одобрили твой выбор, да?

– Ну да... То есть я хотел потом, попозже, еще раз... А утром мама меня разбудила и говорит, что надо срочно к бабушке ехать, что она заболела! В общем, чуть не пинком меня из дома выставила, даже собраться не дала толком. Да еще, как назло, мобильник мой куда-то запропастился! Так я и уехал, без мобильника. Всю дорогу переживал, что тебя не предупредил...

– Ах ты, бедненький! Сильно переживал-то? Надо же, прямо все к одному, и бабушка, и мобильник...

– Не надо так, Жень. Между прочим, папа с мамой тоже из-за всей этой ситуации переживали. Я только-только к бабушке вошел, и тут же телефон у нее зазвонил, представляешь? Мама в трубку кричит – срочно возвращайся, сынок, мы все передумали, все осознали! Не правы, мол, были, прости! Женись, говорит, если любишь...

– А что, бабушка к этому времени уже выздороветь успела? Ложная тревога была, значит?

– Ну да... Вроде того... В общем, я тут же подорвался – и обратно! Только-только домой зашел, а мама мне с порога – давай, говорит, срочно привози Женечку с мамой в гости! Надо же, мол, обсудить, как там и что со свадьбой. И еще она все про какое-то досадное недоразумение твердила, что ты будто бы чьей-то там падчерицей оказалась и что ей теперь ужасно неловко... Я так и не понял – моя мама вам звонила, что ли? И при чем тут какая-то падчерица вообще?

– А ни при чем, Денис! – хлопнув ладонями по столешнице, возбужденно рассмеялась Женька. – Теперь уже совершенно ни при чем! Представляешь, была падчерица, и в одночасье не стало падчерицы! Бедная, бедная твоя мама, зря салатика резала! Или это папа салатика резал? В общем, не суждено твоим родителям заполучить приличную падчерицу в невестки, волшебного превращения не состоялось, и приданого со связями, стало быть, тоже...

– Ты о чем, Жень? Я не понимаю! Все же хорошо, они нас ждут... Поехали, а? Лина Васильевна, ну скажите хоть вы ей? – повернулся он к ней всем корпусом.

– Нет, Денис. Никуда мы не поедem, конечно же, – тихо проговорила она, опустив глаза в стол. – Твои родители, они...Как бы это сказать... Получили неправильную информацию. Мне очень жаль, Денис, но... Ты поезжай к ним сейчас, извинись, что ли...

– Мам, ты чего? – подняла на нее отчаянные возмущенные глаза Женька. – За что мы извиняться должны? Да пусть они лесом катятся, мам!

– Но так нельзя, Жень...

– А как? А как тогда можно? Я же по уши влюбилась, мам, я думала, это такое счастье – любить и быть любимой! Что это самое главное в жизни, главнее всяких там связей, денег и должностей! А получилось, что у меня даже права на любовь нет? Какие-то спесивые чинуши берут на себя роль оценщика моих чувств? Если так – то можно, а если этак – то уже нельзя?

– Жень... Не надо оскорблять моих родителей, прошу тебя, – неуверенно произнес Денис.

– А ты... Ты вообще вали отсюда! И не придуривайся, что не понимаешь ничего. Все ты прекрасно понимаешь! Тебе просто сейчас очень удобно изображать из себя такого непонимающего. И я не я, и мама не моя...

– Нет, Женька. Мама как раз моя. Но что я с этим сделаю, если так получается? Я же искренне решил, что они просто одумались. Летел сюда как на крыльях! Родителей ведь не выбирают, Жень...

– Ну да. Не выбирают. Тебе сказали – уезжай, ты и уехал. Потом дали добро на женитьбу – ты снова здесь. Молодец, хороший сын. Иди домой, сядь рядом с ними и жди, когда тебе более достойную невесту найдут. И люби ее по разрешению! Попроси у родителей, пусть они тебе сертификат на любовь выпишут и печать поставят!

– Жень... – протянул Денис. – Ты же знаешь, я тебя люблю...

– Зато я тебя не люблю больше! Не люблю! Уходи, я сказала! И больше никогда здесь не появляйся! Раз права не имею, и не люблю, значит!

– Не любишь?!

– Нет. Такого, как сейчас, нет. Уходи.

– Ну что ж... Если так...

Он и впрямь выглядел оскорбленным, даже ладонью очень выразительно по лицу провел, будто плевков стер. Лине вдруг запоздало подумалось – надо ж было их наедине, наверное, во время этого разговора оставить! А так получилось – вдвоем на одного напали... Хотя – чего уж напали-то? После визита его мамы слово «напали» даже и звучит как-то смешно...

А вот Женьку было ужас как жалко. Денис встал, и она побледнела вся, обхватила себя руками, скукожилась. Отвернувшись к окну, начала раскачиваться тихо и монотонно, как маятник.

– Я пойду, Жень... Прощайте, Лина Васильевна. Всего вам доброго.

– Я провожу! – поднялась она со стула, виновато улыбаясь. Все-таки неблагодарное это занятие – третьей лишней при разговоре присутствовать. А с другой стороны – как Женьку одну в такой жизненной трудности оставишь?

Закрыла за Денисом дверь, вернулась на кухню. Женька плакала навзрыд, уронив голову в руки.

– Женя, доченька... Не стоит, не надо. Ну было и прошло, подумаешь... Сама же сказала, что больше не любишь, чего теперь плакать-то?

– Люблю... Все равно люблю его, мам... – с трудом подняла голову Женька, распрямилась на стуле, потянула к ней ладони в отчаянии: –

Господи, что же мне теперь делать, как жить, мамочка?

– А как раньше, Женечка. Будем с тобой жить как раньше.

– Бедные, но гордые, да?

– Хм... Ты знаешь, терпеть не могу этого выражения.

– А кто мы тогда, по-твоему?

– Мы – обыкновенные счастливые люди. Не голодные и вполне адекватные. Разве этого мало для счастья? И дальше будем жить, будто и не случилось с нами ничего. Ни с тобой, ни со мной. И постепенно все войдет в свою колею. Я буду много работать, ты институт закончишь... А там видно будет. Жизнь – она вся наша, какая бы ни была!

– Нет, мам... Как раньше уже не получится... – медленно отерла Женька залитые слезами щеки. – Я ведь беременная, мам...

– Что?!

Ох, как испуганно вылетело из нее это проклятое «что»! Птичьим криком, ни больше, ни меньше. Вот и ее мама в свое время точно так выкрикнула: «Что?!» Нет, а чего кричать-то, в самом деле? Ну беременная, подумаешь... Раз беременная, родит, значит. Им, женщинам Смородиным, к этому одинокому материнскому состоянию вообще не привыкать.

– Ну вот и хорошо, что беременная... – произнесла она тихо, загасив обыденной ноткой свой нелепый вскрик, – и очень даже хорошо, что беременная. Будет у меня внук, значит. Или внучка. Ничего, Женечка, справимся. Будем жить как жили... И даже с пополнением. Не плачь, Женечка...

* * *

Июль, июль, за что ты опустил жарким наказанием на бедные наши головы? Тяжкая Женькина сессия нами пережита, нервная, токсикозная, и требуют отдохновения наши исстрадавшиеся от пережитого волнения организмы, а тут – жара...

И не просто жара – катастрофа. Адова сковородка. Коптильня с едким дымом, наползающим из горящих торфяников. Утром откроешь измученные бессонницей очи, глянешь из окна – ни зги не видать... Или это про снежную метель так говорят – ни зги?

Выжить бы. Героически отслужить рабочее время с понедельника по пятницу. А на выходные – за город, к воде. Хотя и там спасение чисто условное. Это еще хорошо, что Леночка Эрастовна в отпуск подалась и можно занять ее начальственную каморку с работающим кондиционером.

Кстати, она сама ей свое место временно и великодушно предложила, и даже улыбнулась при этом довольно миленько. В последнее время она вообще стала щедра на милые вежливые улыбки, даже слегка заискивающие. С такой вот улыбкой ее из двухнедельного отпуска встретила, и приятную новость от имени руководства сообщила – о равновысоком для них обеих зарплатном вознаграждении...

После работы – бегом домой, к беременному ребенку. Хотя беременный ребенок, можно сказать, молодцом держится, даже порывалась давеча работу себе на каникулы найти, но была остановлена жестким материнским запретом – не смей! В такую жару и обычному организму тяжело, а уж беременному...

Нет, и впрямь хорошо Женька держится. Про Дениса – ни слова, будто и не было его. Хочешь не хочешь, а так и тянет избито-литературно посомневаться – был ли, мол, вообще мальчик-то? Может, мальчика-то никакого и не было? Хотя иногда на девчонку накатывает, не без этого. Встанет вдруг у окна, прижмет ладошки ко рту, вдохнет сильно, а выдохнет тихо так, тяжело, будто со стоном. Лучше в такой момент и не подходить, и не трогать... Лучше отвлечь пустым разговором. О проклятой жаре, например.

Да, она проклятая. Да, невыносимая. Но потихоньку, для себя, можно и признать, что есть в ней одна положительная сторона – все силы организма расходуются на самосохранение, и ни одной вредоносной мысли он в голову не допускает. Вспыхнет где-то в глубине горькая мысль-досада и тут же расплывается маревом. И снова голова пуста, духотой и запахом дыма наполнена. И память тоже в холодное подполье ушла, на замок закрылась. Все. Потом, потом, мол, будешь по полочкам боль-досаду раскладывать. А сейчас не надо. Сейчас просто выживать надо. Может, пока в аду выживаешь, и боли никакой не останется?

Но бывает момент – не срабатывает организм самосохранением. Не успевает просто. Например, когда телефон вдруг зазвонит. И доставать его страшно – а вдруг опять тот звонок, из пережитого, из боли-досады, и сразу нутро вздрагивает, взвивается паникой. Хотя чего ему вздрагивать, интересно? Уже все ответы на те звонки дадены, однобокие, вымученные, силою из себя вытолкнутые – нет, не передумала, не звони больше...

Или, например, на улице взгляд возьмет и уткнется в большую черную машину. Да мало ли таких машин в городе, господи ты боже мой? Почему надо сразу паниковать, вбегать сломя голову в двери первого попавшегося магазинчика и стоять там какое-то время в полуобморочном состоянии, пугая вежливых продавщиц? И не раз, и не два получалось вот так

шарахаться. Даже название внутри для этого испуга созрело – чувство Большой Черной Машины. Смешно.

Начало июля, середина июля, конец июля... Жара. Она никогда не кончится. Никогда. Все умрут, а жара останется. Сама по себе. Несбывшаяся любовь, досада, боль, чувство Большой Черной Машины проплывут над ней белым облаком и исчезнут, а она – останется...

* * *

Лине приснилось, будто за окном дождь идет. Сильный могучий поток, прошитый толстой серебряной нитью. Открыла глаза, осмотрелась, вдохнула запах свежести, подскочила с постели к окну – дождь! Господи ты боже мой, дождь, настоящий! И небо заволочло синими тучами, и ветер дует сырой, холодный, и такая праздничная за окном хлябь разверзлась – хоть дыши, хоть пляши! Счастье-то какое – дождь, воскресный подарок! Наконец-то!

Стояла у окна, пока не замерзла. Надо же, как странно слово звучит – замерзла! И ощущение само по себе приятное – замерзнуть. По крайней мере, вполне исправимое, когда им достаточно насладишься. Можно, к примеру, музыку включить и утренней гимнастикой заняться, заодно и согреться. А что? Очень даже кстати. Пора возвращаться к милым прежним привычкам...

Лина, весело поживаясь, нажала на кнопку музыкального центра, встала посреди комнаты, ожидая сопровождения... Жаль, мелодия медленная. Хотя и знакомая. Боже, что он там поет?

...Всюду принципы невмешательства,
Вместо золота плавят олово,
Но есть приятное обстоятельство
Я люблю тебя, это здорово...

Нет, ну кто, кто его просит?! Зачем он про это поет? И не поет, а будто до ее боли рукой дотрагивается – давай, давай, выходи наружу...

...В царстве глупости и стяжательства,
Среди гор барахла казенного,
Есть приятное обстоятельство...

Да заткнись ты уже, наконец! Вот она, боль, встала рядом, в глаза смотрит... Я выключу тебя, не надо, не пой больше! И без гимнастики обойдусь, если так!

А за окном по-прежнему – дождь. Капли разбиваются о подоконник, мелкие брызги летят в лицо. Из прихожей дверной звонок – резкий, требовательный. Кто это может быть в такую рань?

Женька прошлепала босыми ногами в прихожую, открыла. Странные какие звуки оттуда доносятся, то ли смех, то ли слезы. Что там происходит, интересно?

Они стояли, обнявшись так, как обнимаются идущие на казнь, – мертвой последней хваткой. Женька и Денис. Лицо у парня мокрое, бледное, губы сжаты судорогой, глаза прикрыты. О, а вот и увидел ее, стоящую в дверях, удивленно на них взирающую. Дрогнув всем телом, еще плотнее прижал к себе Женьку, заговорил отрывисто:

– Я никуда больше не уйду, Лина Васильевна! Если я уйду, то вместе с Женей! Я люблю ее, люблю!

– Да ради бога, кто же тебя гонит...

– Я работать пойду, квартиру будем снимать, и наплевать нам на всех, слышите?

– Да слышу, слышу... Ты бы хоть рубашку снял, она мокрая вся. Простынешь.

Он лишь глубоко вздохнул да передвинул мокрую руку на Женькин затылок, покрывая его, словно шапкой. Женька всхлипнула, поерзала затылком у него под рукой, будто устраиваясь удобнее, потом привстала на цыпочки, еще сильнее сомкнула руки-плеточки у него на шее, зашептала что-то горячо в ухо. Губы у парня дрогнули в счастливой улыбке, потянулись к Женькиным губам...

Пришлось уйти, оставить их одних. А за окном по-прежнему лил дождь, все больше и больше распаяясь. Будто яростно требуя от Лины чего-то. Стучал кулаками-каплями по подоконнику, приговаривал голосом Павла – ну давай же, делай что-нибудь со своей болью! Может, никакая это и не боль вовсе, глупая ты Малина Смородина! Разве можно называть болью любовь? Думай, Малина, думай!

Не будет она ни о чем думать. Зачем? О чем же тут думать, когда... Когда есть просто любовь. Действительно – а как же любовь-то? Не надо ни о чем думать, и вопросов глупых самой себе задавать не надо. Надо вот так, как Женька, как Денис... И наплевать ей на всех, слышите?

Так. Скорее. Джинсы, кроссовки, ветровка. Ах да, умыться-причесаться еще. Все. Скорее, скорее. Ни минуты больше нельзя ждать...

Парочка все еще была в прихожей. Целовались так, что, похоже, и не заметили ее, мимо них прошмыгнувшую. Выйдя под дождь, спохватилась – зонт забыла взять. Ну да ладно, не сахарная. Бегом пробежала через двор, вылетела на проезжую часть, отчаянно голосуя. Первая же машина остановилась с визгом. Пусть обругали. Зато повезли...

Железная витая калитка приоткрыта. Наверное, Анна Николаевна забыла запереть. Темный, мрачно терракотовый от дождя гравий. Кнопка звонка на двери. Защелкали, зазвенели позывные там, внутри дома. Шаги. Шаги... И голос. Его голос. По телефону с кем-то разговаривает...

– ...А я тебе говорю – убирай свою дурацкую плотину! Если не уберешь – сам на бульдозере приеду и разнесу все к чертовой матери! Ты меня понял, Леня? погоди, я дверь открою, звонит кто-то...

Дверь распахнулась, и Лина отступила на шаг, обхватив себя трусливо руками за плечи. Подняла голову, глянула исподлобья, но сказать ничего не успела, очутившись в кольце рук Павла. Откуда-то из-за спины, из телефона, зажатого в его крепкой ладони, жалобно доносился отчаянный Ленин говорок, но слов было не разобрать... Да и зачем их разбирать, в конце-то концов? До них ли ей теперь?

– Малина... Малина! Господи, промокла вся! Наконец-то, Малина!

– Павел, ты знаешь, я же не сказала тебе...

– Молчи, молчи, дурочка... Я знаю. Я тебя люблю, ты меня любишь. Не дрожи так, не надо, чего ты...

Как хорошо в его руках. В горячих, сильных, крепко обнимающих. Отчего теперь и не поджать, в таких-то руках? С трудом высвободив руку, схватила его ладонь, жадно прижала к щеке, к губам...

– Боже мой. В чем у тебя руки, Павел?

– А... Это грунтовка.

– Какая грунтовка?

– Да Егор вчера позвонил, сказал, приедет на три дня, просил холст загрунтовать.

– Холст?! А откуда он приедет, Павел?

– Из Питера, откуда ж еще...

– Так ты что, его отпустил?

– Ну да. А что было делать? Сама же сказала – надо с чего-то начинать...